

Федеральное агентство по образованию
Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Горно-Алтайский государственный университет»
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Бийский государственный педагогический университет
им. В.М. Шукшина»

Н.С. Модоров

**Рабочее движение
в России в начале 80-х гг.
XIX века
(Морозовская стачка 1885г.)**

Учебное пособие

Горно-Алтайск — Бийск, 2009

УДК 930
ББК 63.3
М74

Печатается по решению Методического совета
Горно-Алтайского госуниверситета

Модоров Н.С. Рабочее движение в России в начале 80-х гг. XIX века (Морозовская стачка 1885 г.). Учебное пособие. — Горно-Алтайск, Бийск, 2009 — 112 с.

Рецензенты:

Шиловский М.В., д. и. н., профессор, зав. кафедрой истории России XIX–началаXX вв. Новосибирского государственного университета.

Гончарова О.А., д. и. н., профессор кафедры истории России Горно-Алтайского государственного университета.

© Модоров Н.С., 2009

Введение

Падение крепостного права в России привело к закономерной нивелировке разных категорий промышленных рабочих. Отныне их судьба определялась не дореформенной принадлежностью к наёмным или крепостным «людям», как это было раньше, а степенью «экспроприации», какой они подвергались теперь. «Если Россия, — писал, по этому поводу, К. Маркс в 1877 году, — имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние годы она немало потрудилась в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно, значительной части своих крестьян в пролетариев...»¹ Сделанный им вывод, в полной мере подтвердил со временем В. И. Ленин. Проанализировав социально-экономическое развитие страны в пореформенное время, он убедительно показал, что пролетаризованное крестьянство стало в исследуемый им период основным социальным источником формирования пролетариата. Своеобразным «дополнением» к нему стали разорившиеся ремесленники, а также семьи рабочих. Наибольшую значимость — как важный источник пополнения рядов пролетариата приобретут последние на исходе XIX века.²

Таким образом, становление пролетариата в качестве «класса капиталистического общества» в России — как и в других странах — было связано с промышленным переворотом («промышленной революцией»), в ходе которого победила крупная промышленная индустрия. «Современный рабочий, пролетарий, — писал в своё время Ф. Энгельс, — [есть] продукт великой промышленной революции, которая за последние сто лет во всех цивилизованных странах совершила полный переворот во всём способе производства; в результате этой революции в производстве принимают участие только два класса».³

На это обстоятельство, особенно на социальную сторону промышленного переворота, К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно обращали своё внимание. Не обошел эти моменты и В. И. Ленин. «Капитализм, — писал он, — довел главные отрасли промышленности до стадии крупной машинной индустрии; обобществив, таким образом, производство, он создал материальные условия новых порядков и в то же время создал новую социальную силу: класс фабрично-заводских рабочих, городского пролетариата».⁴ Если раньше — на стадии мелкотоварного производства и мануфактуры — непосредственный производитель материальных благ был ещё тесно связан с землёй, с собственным хозяйством, то в новой ситуации — при господстве фабрично-заводской промышленности — наёмный труд превращается в единственное и постоянное занятие рабочего, выделяя, таким образом, пролетариат из общей массы трудового эксплуатируемого народа и конституируя его в особый класс.

Промышленный переворот в России начался, как известно, ещё до крестьянской реформы 1861 года, но во всю «ширь» развернулся он уже после отмены крепостного права. Разворачивая своё «наступление», он «захватил» не только отрасли легкой, но и тяжелой промышленности. В результате этого в стране сложилась многоотраслевая индустриально-техническая база российского капитализма, т.е. была создана система крупнокапиталистического машинного производства. Однако это обстоятельство привело к острому обострению противоречий между достаточно высоким развитием капитализма в крупной промышленности и банковском деле и отсталым полуфеодалным землевладением, т.е. к возникновению противоречия, которое, по выражению В. И. Ленина, «глубже всего объясняет» буржуазно-демократическую революцию в России.⁵

Её «двигателем», общепризнанным ядром и наиболее организованным отрядом пролетариата были рабочие крупных «капиталистических предприятий индустриального типа». К ним, в первую очередь, относились рабочие фабрично-заводской обрабатывающей, горнозаводской и добывающей промышленности, железных дорог и водного транспорта. Им была присуща сплоченность и «социальное развитие». Этому в немалой степени способствовала высокая концентрация рабочих на крупных капиталистических предприятиях. Указанные «качества» были присущи, по словам В. И. Ленина, также строительным рабочим, рабочим, занятым «капиталистами» на дому и в мелкой промышленности; в лесном деле; чернорабочим, трудившимся на земляных работах, на погрузке и разгрузке товаров, сельскохозяйственным рабочим, правда, с определенным акцентом на уровень развития вышеназванных отрядов пролетариата.⁶

Россия, как известно, во все времена была многонациональной страной. Таковым был и её пролетариат. Основную его часть составляли русские рабочие, игравшие в силу этого важную роль в формировании национальных отрядов рабочего класса. По мере своего развития, они набирали силу и вливались в общероссийскую армию пролетариата.

Наряду с ним, в России существовал достаточно многочисленный полупролетарский слой, имевший с пролетариатом как общие, так и отличительные черты. В частности, к нему относилась значительная часть армии наемного труда в сельском хозяйстве, строительстве, лесном деле, на водном транспорте, в торговле, городском хозяйстве и на многих других работах, на которых не требовалось от человека какой-либо особой — профессиональной — подготовки. Полупролетарское положение занимала также весьма многочисленная прислуга и мелкие служащие. «В отсталых капиталистических странах, вроде России, — писал в своё время по этому поводу В. И. Ленин, — большинство населения принадлежит к полупролетариям, т.е. к людям, постоянно часть года

проводившим по-пролетарски, постоянно снискивающим себе пропитание, в известной части, работой по найму в капиталистических предприятиях».⁷

Эти «теневые» стороны развития капитализма, закономерности обострения его противоречий были выявлены ещё К. Марксом. Они были характерны не только для стран Запада — они действовали и в России. Особенно четко проявлялась здесь тенденция капитализма порождать и усиливать нищету трудящихся масс. Правда, время от времени она (в ходе капиталистического развития, а главное — в результате самоотверженной и упорной борьбы пролетариата за свои права) ослабела. И, тем не менее, пропасть между нищетой пролетарских масс и растущим богатством буржуазии всё более и более углублялась.⁸

Существовала в России ещё одна особенность, которая накладывала свой негативный отпечаток на развитие капитализма в стране, на положение её рабочих. Она заключалась в том, что в России — в стране совершенной промышленности — имело место сочетание «передового» с отсталыми формами капитализма, сохранение значительных пережитков крепостничества, особенно в деревне, что и обусловило, в конечном счете, переплетение в стране «чисто капиталистических» и «полуфеодалных» методов эксплуатации. Это, вне сомнения, сказывалось на положении рабочих. Особенно его усугубляло господство самодержавия и отсутствие политических свобод. Эти же причины существенно осложняли борьбу пролетариата против буржуазии. И это притом, что существовала общность интересов рабочих и других категорий эксплуатируемых трудящихся, поскольку все они испытывали капиталистический гнет, а нередко и самые разнообразные формы полукрепостнической зависимости, национального угнетения, а также страдали от политического бесправия.

Немаловажную роль в эпоху капитализма играли города. С одной стороны, они выступали как главные центры промышленности и концентрации рабочих, а с другой, — они заметно увеличивали подвижность населения. Благодаря всему этому, заметно менялось соотношение города и деревни, в котором по образному выражению К. Маркса, резюмировалась вся экономическая история общества.⁹

Действительно, в России — как и в других капиталистических странах — быстро росли города, тут же превращавшиеся в промышленные центры, в места скопления рабочего населения. Одновременно с этим, резко обострялась характерная для капитализма противоположность города и деревни, первенство жителей первых в «противостоянии капитализму». К примеру, рабочие таких промышленных городов, как Петербург, Москва, Варшава, Иваново-Вознесенск, Киев, Баку, Одесса, Ростов-на-Дону, Рига, Харьков, Тифлис и нижний Новгород всегда были «застрельщиками» и опорой классовой борьбы пролетариата. Вместе с тем, ог-

ромное аграрное перенаселение, характерное для России, обуславливало значительную прослойку пролетарского и полупролетарского населения в пореформенной деревне, которое «интуитивно» тянулось к городу. Так одновременно с усилением противоположности города и деревни укреплялись предпосылки для воздействия городского пролетариата на сельскую периферию и основы единения рабочего класса и крестьянства в освободительном движении.

История его — это ярчайшая история борьбы его участников, в частности, пролетариата, против эксплуататоров. Его выступления, в частности, наемных работников, имели место уже в феодальный период российской истории. На протяжении XVII — XVIII вв. работные люди неоднократно поднимались против эксплуататоров. Их борьбу продолжили рабочие первой половины XIX века. Их выступления являлись составной частью общедемократического движения в стране, звеном антикрепостнической борьбы, подготовившей «революционную ситуацию 1859-1861 гг.». Вместе с тем, в этих выступлениях нередко выдвигались и звучали «чисто» пролетарские требования.

Былая ситуация в рабочем движении заметно изменилась после падения в России крепостного права. Теперь — в эпоху капитализма — оно поднялось от отдельных стихийных стачек 60-70-х годов до массовых экономических забастовок середины 90-х годов и политических выступлений начала XX века, проходивших под руководством социал-демократии. Эволюция рабочих требований, ограничивавшихся на первых порах только задачами «сегодняшнего дня», приобретших со временем политическую, «революционную направленность», была по общему признанию исследователей, закономерной. Это был, с одной стороны, результат формирования рабочих «в особый класс капиталистического общества», а с другой, — результат длительной борьбы против враждебных сил, против мелкобуржуазного и либерального влияния на рабочее движение. «Лишь долгой борьбой и тяжелым трудом самих передовых рабочих, всех сознательных рабочих давалось выделение и упрочнение пролетарского классового движения из всяческих мелкобуржуазных примесей, ограничений, узостей, извращений» — писал В.И. Ленин.¹⁰

1. Из истории возникновения и развития Никольской мануфактуры

...Вольно катились бурные волны реки Клязьма мимо ее высокого правобережного угорья, на котором сплошной стеной теснился неоглядный взору сосновый бор. Со временем здесь вырастет, согласно источнику, «весьма немалое село»-Орехово. Пока же здесь жизнь только «теплиться». Об этом свидетельствует небольшой погост, расположившийся на бугре, посреди сосняка, да прильнувшие к нему, на некотором удалении, небольшой кирпичный заводик и постоялый двор.

Совсем другая картина царила на противоположном, левом берегу Клязьмы. Здесь жила своей тихой сельской жизнью деревня Зуево, принадлежавшая помещику Всеволожскому, продавшему её потом новому хозяину — помещику Н. Г. Рюмину. В 1789 году в ней имелось 25 дворов, в коих проживало 167 душ обоего пола. Значился в числе их и Савва Васильевич Морозов (1770-1862 гг.).

Как явствует из его жизнеописания, сначала он был пастухом у своего помещика, потом извозчиком у него же, а затем наемным рабочим на ткацкой фабрике Кононова. Спустя некоторое время, «удачливый» ткач «выбылся в кустари». Диву давались люди: откуда и как добыл Морозов «нужный капитал», необходимый для организации собственного «дела». А, не зная, уповали соседи-завистники на русскую народную пословицу, гласившую, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Можно лишь догадываться, памятуя о заключении К. Маркса, что в первоначальном накоплении капитала крупнейшую роль играло «завоевание, порабощение, разбой, — одним словом насилие».¹

Но, как бы там ни было, в 1797 году «капиталистый» Савва открывает (естественно, с разрешения своего «благодетеля» — помещика Н. Г. Рюмина) в деревне Зуево (Богородского уезда, Московской губернии — ныне г. Орехово-Зуево) собственное «шелкоткацкое заведение». Через некоторое время «Морозовская мануфактура по выработке шелковых лент» расширилась и превратилась в фабрику по производству различных тканей, в том числе пользовавшейся широким спросом «нанки» (нанка — от названия китайского г. Нанкин — прочная хлопчато-бумажная ткань, чаще всего, буровато-желтого цвета, использовавшаяся для изготовления наждачного полотна и как приклад меховых изделий и головных уборов).² Этому «расцвету» предприятия Морозова во многом способствовал голод, «регулярно поражающий в течение многих лет зуевцев» и жителей окрестных с ними деревень. В этой, безысходной для себя ситуации, те и другие вынуждены были искать заработки на ближайших фабриках или брать у их хозяев работу на дом. За свой нелегкий трудовой день, длившийся, как

правило, 12-14 часов, они получали от «благодетелей» не более 20 коп. Безысходностью и бедственным положением своих односельчан «умело и весьма выгодно» пользовался Савва Морозов.

Благодаря этому и удачно складывавшейся «производственной конъюнктуре», умножившим хозяйский капитал, предприниматель, не мешкая, перешел на производство шерстяных изделий, построив, для этого, новую — вторую фабрику, на другом (правом) берегу Клязьмы. С ее вводом, капиталы Саввы Васильевича стали быстро расти. Судача об их росте, «злые языки не раз болтали», что Морозов не чурался и «фальшивомонетчества», т.е. и изготовления фальшивых монет. Однако это «злодейство» предпринимателя, доказано не было. Но как бы там не было, а к 50-ти годам Савва Васильевич скопил «солидные капиталы», которые позволили ему и его четырем сыновьям выкупиться (за 17 тыс. рублей ассигнациями) на волю. Став вольным, глава семейства тут же записался в купеческое сословие и стал числиться отныне «купцом первым гильдии в Богородском уезде, Московской губернии».³

Обретение нового «общественного положения» никак не отразилось на его «предпринимательском характере»: он, по-прежнему, был инициативен и целеустремлен. Продолжая расширять своего производство, Морозов построил в 1825 году товаротделочную и красильную фабрику с ручным ткацким производством, а, спустя 11 лет, — в 1836 году — им было создано «образцовое (огромное по тому времени) механическое ткацкое и затем прядильное производство». Начинания отца поддерживали и сыновья: с 1837 года ими были основаны новые предприятия, правда, под «марками новых фирм». В целом же отцом и сыновьями было основано, начиная с 1825 по 1840 гг., четыре крупных хлопчатобумажных фабрики, суммарная стоимость которых была оценена современниками в 300 тыс. рублей.⁴

Весьма значительным стало к середине XIX века и общее состояние «богородского купца первой гильдии Саввы Васильевича Морозова». Согласно ведомостям за 1847 год, у него значилось: «в отхожей пустоше «Плесах», переименованной потом в местечко Никольское», на суконной фабрике — 11 строений, которые состояли: «1. из трехэтажного каменного корпуса в 15 сажен длины и в 5 сажен по поперешнику; 2. из двух деревянных одноэтажных корпусов по 13 сажен длины и 4 сажен по поперешнику каждый; 3. из одной одноэтажной каменной красильни длиною 8 сажен и 4 сажен по поперешнику; 4. из двухэтажной каменной сушильни длиною 16 сажен и 4 сажен по поперешнику; 5. из кузницы; 6. из двух сараев; 7. из двух изб для рабочих; 8. из бани». В действующей фабрике, согласно источнику, имелось «при трех аппаратах» машин: трепальных — 1; тонкопрядильных — 23; ворсовальных — 4; стригальных — 5; прессов — 1; ткацких станков — 50». С помощью данного оборудования фабрика вырабатывала в год до 2600

штук разного сукна или 74500 аршин на сумму 91200 руб. серебром. Это богатство создавалось руками вольнонаемных русских людей, среди которых значилось «5 мастеров, 180 подмастерьев и прочих, а всего 185 человек».⁵

Их же трудом «наживал свое богатство» Савва Морозов и в последующие годы. Это можно в полной мере проследить по «ведомости за 1852 г.». Согласно ей, производство «Богородского, первой гильдии купца Морозова за пять прошедших лет значительно расширилось». Теперь он помимо сукна изготовлял и хлопчатобумажную пряжу. Так, в 1852 году им было выработано сукна: а) «шпанского» разных цветов среднего сорта 650 штук, или 19500 аршин, на 27300 руб.; сукна низшего сорта 1300 штук, или 39 тыс. аршин на сумму 39 тыс. руб.; «драделаму» из шпанской шерсти 100 штук на 27 тыс. руб.; пряжи белой бумаги по 16 руб. 50 коп. за пуд — 42 тыс. пудов на сумму 504 тыс. руб.» Отныне, как подчеркивалось в ведомости, фабрика работала «уже при двух паровых машинах с котлами среднего давления», что является бесспорным свидетельством применения предпринимателем «механической силы». Наряду с этим, фабрика освещалась 540 «газовыми рожками». «Обслуживали производство 1204 человека», в том числе «4 великобританских подданных: один механик и три его помощника».⁶

Крымская война, но особенно отмена крепостного права в России придали «новое ускорение» предпринимательской деятельности морозовского клана, правда, уже без Саввы Васильевича, который умер в 1862 году. После смерти отца, его дело продолжил старший сын — Тимофей Саввич — и весьма неплохо. Согласно «Ведомости о бумагопрядильной и ткацкой Никольской фабрике торгового дома под фирмою С. Морозов с сыновьями», Морозовское предприятие не изготовляло в 1864 году «суконный товар, а полностью перешло на хлопчатобумажное производство». Это обстоятельство потребовало естественного «расширения» предприятия. И оно «расширилось». В 1864 году фабрика состояла из следующих помещений:

1. четырехэтажного корпуса с пристройками, в котором находились трепальная со сводами, две котельных, слесарная и столярная;
2. каменного пятиэтажного корпуса для размотки, сновки и паховки пряжи;
3. трехэтажного корпуса для самоткацких станков, крутильных, размотальных и оковальных машин. И при нем — пристройки для паровых машин, котельных и клеильни;
4. каменного одноэтажного корпуса для чугунно-меднолитейных изделий;
5. каменного двухэтажного корпуса для кладовых товара;
6. газового корпуса с тремя пристройками для газомеров и прочего;

7. двух каменных одноэтажных пожарных сараев;
8. каменного сарая для складки хлопка и прочих материалов;
9. каменного двухэтажного дома для директора;
10. девяти деревянных одноэтажных флигелей для мастеров-иностранцев и других служащих;
11. одного деревянного двухэтажного дома;
12. двух одноэтажных казарм для помещения рабочих;
13. одной каменной бани;
14. одного деревянного двухэтажного дома для больницы на 56 коек, при которой находился вольнопрактикующий лекарь;
15. одного (низ каменный) двухэтажного дома для служащих.⁷

Столь мощное, без всякого преувеличения, производственное хозяйство, нуждалось и в соответствующем ему «энергетическом потенциале». Его создавали фабрики 11 паровых котлов (два из которых были котлами высокого и среднего давления) и 14 сорокасильных паровых машин. Их «мощь» помимо прядильных и других машин, приводила в движение 303 плисовых и 629 самоткацких станков. Все это «производственное хозяйство» обслуживали (часть в одну смену, а часть — в две) 1983 человека, 8 из которых являлись подданными Великобритании (они работали, главным образом, в составе административно-технического руководства). Их трудом было выработано в 1864 году свыше 4 млн. аршин ткани, почти 83 тыс. пудов пряжи на общую сумму в 3,12 млн. рублей.⁸

Спустя десятилетие, «индустриальная поступь» Морозовских предприятий стала еще ощутимее. В 1873 году в их состав влились новые «вспомогательные отделы: чугунно-меднолитейный, слесарно-механический, котельный, токарный, газовый, химический, кирпичный, лесной и др.». Наряду с традиционным производством, осуществляли Морозовы и торфяные разработки. Все это вместе взятое — широкое и разнообразное хлопчато-бумажное производство, увеличивающийся от десятилетия к десятилетию капитал — по праву снискали Морозовым — к началу 80-х годов XIX века славу самых крупных фабрикантов и богатых людей в России. Особенно на слуху у всех было имя Тимофея Саввича Морозова — старшего сына Саввы Васильевича Морозова. На его фабриках работали (не считая предприятий его отделившихся сыновей) тысячи рабочих. К моменту интересующей нас стачки, т.е. к январю 1885 года, у Тимофея Саввича Морозова работало почти 8 тыс. наемных рабочих.⁹

2. Условия труда и быт на Морозовских предприятиях

Любой класс, согласно экономической теории К.Маркса, жил и трудился в определенных условиях, являвшихся следствием социального положения данного класса. Так, средством существования для рабочего — источником средств к жизни — всегда был заработок, получавшийся от продажи работником своих рабочих рук. Если взять предпринимателя, то для него таковым была прибыль, получаемая им в результате эксплуатации наемных рабочих.

Говоря о их жизни, не следует сбрасывать со счетов политическое, правовое и экономическое положение рабочих. Первое, как правило, характеризовалось возможностью их принимать участие в общественной и политической жизни, а также наличием или отсутствием у рабочих демократических свобод и гражданских прав. Правовое положение их определялось, естественно, законодательством, регулировавшим взаимоотношения рабочих и предпринимателей, а также предусматривавшим наиболее общие нормы найма и труда. И, наконец, экономическое положение пролетариата. К числу его важнейших компонентов относились номинальная и реальная заработная плата, продолжительность рабочего дня, производственно-технические и санитарно-гигиенические условия труда, профессиональная заболеваемость и травматизм, медицинское обслуживание, страхование и быт (питание, жилищные условия, досуг, условия получения образования).

Уяснив необходимые для понимания проблемы моменты, попробуем проследить, что же стало причиной, породившей стачку на Никольской мануфактуре Саввы Морозова в январе 1885 года. Ею же, по свидетельству источников, стали «ужасные материальные условия рабочих» на данном предприятии. Это вынуждены были признать даже местные власти. Так, владимирский губернатор Судиенко докладывал еще в январе 1880 года министру внутренних дел, что «условия найма (на фабриках Владимирской губернии — Н.М.) излагаются в расчетных книжках, тетрадках и тому подобным документах, составляемых самими фабричными управителями и выдаваемых рабочим на руки. Содержание этих книжек, заключающих по большей части несколько страниц печатного текста, в высшей степени разнообразно. Каждый фабрикант или его управление, изоощряясь исключительно над соблюдением своих выгод, начиная от установления праздничных нерабочих дней и числа рабочих часов и оканчивая определением всех родов провинностей, за которые полагаются с рабочего разных размеров штрафы и вычеты, редактирует условия найма по своему усмотрению... С уверенностью можно утверждать, что в громадном большинстве случаев таким образом заключенные условия нельзя считать состоявшимися по обоюдному соглашению, тем более, что достаточным доказательством последнего со стороны

рабочего считается самый акт принятия им расчетной тетради от фабричной конторы. Трудно даже допустить, чтобы полуграмотный или совершенно безграмотный рабочий, а таких было большинство на фабриках и заводах, при мог при беглом чтении ему в фабричной конторе, если это даже и делается, каких-нибудь 50 статей условий или впоследствии по слогам разбирая сам, или с помощью товарища печатный текст расчетной книжки, испещренной ссылками на статьи закона, отчетливо бы понял все принимаемые им на себя обязательства».¹

Иначе говоря, условия, в которых оговаривались права фабриканта по отношению к рабочему и последнего по отношению к первому, определялись не законом, а каждым отдельно взятым фабрикантом лично и по своему усмотрению. Это подтвердил и владимирский губернатор Судненко в своей уже цитированной выше записке, направленной им в МВД. И, хотя рабочий часто совсем не мог прочитать (а, следовательно, и уяснить для себя), что записано в его расчетной книжке, тем не менее, управление считало ее получение на руки рабочим — принятием предложенных ему фабрикой условий, от которых он не имел права отказаться раньше срока. Нарушение этого условия каралось соответствующим штрафом. Срок же работы на всех предприятиях начинался в одно время: с Пасхи и по 1 октября — т.е. на лето и с 1 октября по Пасху, т.е. на зиму. Соответственно этим условиям, оговаривалась и продолжительность рабочего дня (точнее, устанавливалась хозяином предприятия). На большинстве хлопчатобумажных фабрик Владимирской губернии она составляла 13-14 часов, а на некоторых предприятиях — даже 15-16 часов.

Установленный на предприятии рабочий день имел и свою «специфику реализации». Так, при двусменной работе она выглядела следующим образом. Первая смена работала с 6 часов утра и до 12 часов дня, потом следовал шестичасовой перерыв, после которого — снова работа: с 6 часов вечера и до 12 часов ночи. По этому графику работала и вторая смена: с 12 часов до 6 часов вечера, за тем — с 12 часов ночи — до 6 часов утра.²

Выше уже упоминалось, об установлении праздничных дней. Так вот праздничный отдых — в большинстве своем — не превышал 24 часов: работа кончалась на предприятии в 6 часов утра праздничного дня и отдых продолжался до 6 часов следующего дня. Такой режим работы и отдыха, продолжительность рабочего дня, основанная на вышеуказанной «специфике» смен самым негативным образом отражались на здоровье рабочих: они очень изнуряли их, а на восстановление сил — у рабочих не было времени.

Все вышеописанное, было присуще и предприятиям Тимофея Морозова, правда, как указывал владимирский губернатор, со «своими уточнениями». Они же, по его словам, заключались в том, что «кроме сменных работ у него производились работы, начинавшиеся с 5 часов утра и заканчивавшиеся в 8 часов вечера, с

двумя перерывами: с 8 до 8 часов 30 минут утром — «на прием пищи» и с 12 часов до 13 часов 30 минут — на обед. Но при таком продолжительном рабочем дне, свидетельствовал г. Судиенко, заработная плата рабочих на Морозовских предприятиях была крайне низкой. Это достигалось Морозовым благодаря расценкам, устанавливавшимся им — по своему усмотрению, — как на сдельную, так и на поденную, и помесичную работу. Для того, чтобы это сделать, в расчетные книжки вносился (не без указания «хозяина») специальный параграф: «Если не будет в книжке означено жалование — сдельное или помесичное, — то это будет соответствовать тому, что рабочий поступил «без ряды» — т.е. без спора — на жалование, какое ему назначит хозяин по своему усмотрению, судя по заслуге и работе нанявшегося». Пользуясь такой «записью», и устанавливал фабрикант и расценки, и порядок, и условия работы. Тот рабочий, который, по его мнению, плохо выполнял эти «условия» обязан был платить работодателю штраф. Наряду с этим, рабочего штрафовали — за десятки и даже сотни — различных «действий», считавшихся хозяином «нарушением установленных им правил и условий». К ним же относились: опоздание на работу, курение табака, хранение в кармане спичек, за брак в работе, за сидение на ящике, за ссору с кем-либо, и др.³ Характеризуя систему штрафов, бытовавшую на фабрике Тимофея Морозова, член Покровского полицейского управления Цветаев описал в своем докладе, направленном губернатору, следующий случай: «Один из ткачей побранился с ткачихой,.. затем они пришли к директору господину Ригу, чтобы пожаловаться друг на друга...». Последний объявил им, что «за ссору следует с них обоих — в пользу Морозова — штрафов... с ткачихи — рубль серебром,..а с ткача — 2 руб. 80 коп.». Затем обоих жалующихся он велел выгнать из конторы, а тот «штраф взыскать, вычтя оный из их заработков», что и было исполнено. В тетрадках «провинившихся» было записано: у ткачихи — «штраф за драку — 1 рубль», а у ткача — «штраф за драку — 2 руб. 80 коп.». И подведен итог: зарплату выплатить, «за вычетом указанных сумм».¹³ Чтобы подтвердить хозяйский «произвол», приведем еще один пример. Так, в расчетной книжке рабочего «Иванова» (на его место мог быть и Сидоров, и Петров или кто-либо другой — Н.М.) перечислены его «провинности», за которые он был оштрафован в 1879 году. В их числе: «за явку на работу, спустя четверть часа после звонка (рабочий был лишен «дневного заработка»),..за самовольную отлучку в рабочие дни с заведения или от работы (наказание — «лишение трехдневного заработка в пользу хозяина»)»...⁴

Но не только условия работы устанавливал Т. С. Морозов на своих предприятиях, но и «правила жизни» на них. В конце 70-х годов XIX века в расчетных книжках его рабочих и мастеровых часто значилась такая запись: «Фабричные и мастеровые, имеющие квартирные помещения в зданиях фабрики, отлучаясь в праз-

дничные дни, обязаны возвращаться в свои квартиры летом — не позднее 10, а зимою — 8 часов вечера, нарушители [же] сего — подвергаются [штрафу] вычеты дневного заработка в пользу фабричных увечных».⁵

Об этих, поистине драконовских «установлениях» фабриканта (иначе и не назовешь «правила жизни», установленные Т.Морозовым на своих предприятиях), о жилищных условиях рабочих Владимирской губернии в 80-х годах XIX века в целом, можно судить по материалам санитарного обследования Любимского. Согласно им (сведенных инспектором в сводные таблицы), на одного человека приходилось в общих спальнях для рабочих на фабриках от 0, 78 до 1, 06 куб. сажени, или 0, 51-0,66 куб. сажений».⁶ Обстановка в этих спальнях, писала санитарный инспектор, «довольно бедная: вдоль стен стоят деревянные нары, но не для всего количества живущих, — большая часть [их] спит на полу, подкладывая под себя рогожи или носимое платье». В каморках — еще хуже, т.к. на одного человека приходилось от одной трети до одной десятой кубической сажени. Не лучше были и условия проживания семейных рабочих. «Общее впечатление, получаемое при взгляде на эти миниатюрные клетки, — подчеркнул Любимский, — в которых теснятся целые семьи с грудными и разного возраста детьми — тяжелое и безотрадное. Везде, по большей части, устроены деревянные нары, покрытие каким-нибудь тряпьем весьма сомнительной свежести и чистоты, на немногих — были одеяла и подушки. Воздух [в помещениях] до крайности спертый, влажный и нечистый... Стены везде покрыты темными пятнами сырости, грязны и запачканы... Дневное освещение не вполне достаточное.. В общем вид этих каморок внушал сожаление к их обитателям».⁷

Не лучше описанных, были жилищные условия и на предприятиях Тимофея Морозова. Это, без преувеличения, была общая картина быта фабричных и мастеровых России. Вот лишь несколько примеров на сей счет.

По общему признанию исследователей, в дореволюционной России существовали четыре основных типа рабочих жилищ: 1. фабричные заведения и рудничные казармы и бараки, места в которых предоставлялись администрацией предприятий за определенную плату; этот тип жилья был особенно распространен в капиталистически развивавшихся районах, где ощущалась острая нехватка рабочих рук, а также на предприятиях промышленных селений Центрального района; 2. частные коечно-каморочные квартиры; эти тесные и скученные рабочие жилища были типичны для промышленных центров (к ним относилась и Владимирская губерния — Н.М.); 3. производственные помещения (мастерские и цеха предприятий, где рабочие спали после трудового дня прямо на рабочих столах или на полу под станками; этот тип жилища был характерен для начальной стадии промышленного капитализ-

ма (позднее он преобладал и в мелких кустарных заведениях с ручным трудом; 4. собственные избы, в которых проживали горнозаводские и горные рабочие Урала, часть рабочих Центрального промышленного района, особенно на начальном этапе промышленного развития).⁸

В этих — вышеописанных — жилищах и проживала в 60-80-х годах XIX века большая часть фабричных рабочих. Вот как описывал жилье рабочих ткацких предприятий г.Егорьевска, Рязанской губернии городской врач, инспектировавший их. «Зала, назначенная для тканья, — указывал он, — служит для фабричных и спальней: каждая работающая личность имеет право ложиться спать под...станком. Постелей я не видал, да об них при этих условиях не может быть и речи. Воздух залы должен сильно портиться от копоти свечей, от испарины и от кубовой краски... В итоге фабричные и днем, и ночью дышат испорченным воздухом».⁹ Не лучше были жилищные условия и у рабочих Казани («большинство спали, где попало — на полу, верстаках, не имею ни кроватей, ни постелей»), Киева и др. Обследуя «интересующее положение кирпичников, кожевников и пивоваров Куреневского квартала (в Киеве), инспектор писал, что большинство их спит, где придется: «на станках, на полу в подвале, загороженном множеством железных труб, во всякое время издающие сильный жар, на кухне... Человек, работая с рассвета до позднего вечера, сильно изнурен, чтобы считаться и изыскивать удобства... Ему дорого время отдыха, а спать он ложится на чем попало, причем солома и «полущубок, по большей части, составляют всю постельную принадлежность».¹⁰

Тяжелые, антисанитарные условия труда, почти повсеместное отсутствие техники безопасности, продолжительный рабочий день имели своим следствием повышенную заболеваемость и травматизм рабочих. Так, по свидетельству одного из санитарных врачей Московской губернии (первая половина 80-х годов XIX века), уже к сорока годам местные текстильщики были поголовно поражены чахоткой, а потому вынуждены были возвращаться в свои деревни доживать свой век».¹¹ И такая картина наблюдалась повсеместно. Это обстоятельство понудило «Комиссию по разработке вопроса об обеспечении пострадавших рабочих» справедливо констатировать, что «уходит [рабочий] на родину (т.е. в деревню) не по доброй воле и гонит его туда не поэтическая тоска по ней, а тяжелая глубоко прозаичная необходимость (т.е. болезнь)».¹²

Но настоящим «бедствием» для рабочих был производственный травматизм. «Несчастья [на фабриках и заводах], — отмечали инспекторы, врачи и исследователи в начале 80-х годов XIX века, — случаются в России несравненно чаще, чем в других государствах, и притом при таких обстоятельствах, при которых лазаретные воспоминания врача о минувшей сербской и русско-турецкой войне (1877-1878 гг. — Н.М.) совершенно бледнеют и ни в каком случае

не могут быть сравнимы с теми катастрофами, которые случаются почти изо дня в день на русских фабриках и заводах».¹³

Случались они и на предприятиях Тимофея Морозова, где охрана труда рабочих — как и в целом по стране — отсутствовала. В силу этого, власти старались замалчивать о «трагедиях», случившихся в подведомственных им волостях, уездах и губерниях. Один из крупных московских фабрикантов признавался в ходе «инспекции» поверяющему И.И.Янжул (в 80-х гг. XIX в. — Н.М.), что «огромная часть травматических повреждений, причиняемых рабочим машинами, неизвестна никому, кроме самих пострадавших... До сведения полиции доводятся только те несчастия, которые скрыть никак невозможно, т.е. которые грозят опасностью для жизни рабочего. Поэтому на фабриках нет никаких точных данных,.. записей...о несчастных случаях на фабрике, ибо они никем не учитываются или они просто скрываются от властей».¹⁴

Использовался на морозовских предприятиях труд не только мужчин, но и женщин, детей и подростков. В условиях отсутствия охраны труда работницы и малолетние труженики быстро доходили до физического истощения и рано умирали. Л.Н.Толстой, посетивший в в 1885 году Дятьковский хрустальный завод С.И. Мальцова (на Брянщине — Н.М.), был потрясен «ужасами» эксплуатации детей. «Девочки 10 лет в 12 часов ночи становятся на работу и стоят до 12 часов дня, потом — в 4 часа идут в школу... Здорового лица женского или мужского [увидеть] трудно, а изможденных и жалких — бездна».¹⁵ Не лучше обстояло дело в этом плане и на Дулевской фарфоровой фабрике (Московская губерния — Н.М.), на которой инспекторы обнаружили большую группу малолетних рабочих (моложе 12 лет), значившихся как 17-летние и работавшие наравне со взрослыми по 12 часов в сутки.¹⁶ К сожалению, по фабрикам Тимофея Морозова таких «шокирующих» данных нет, хотя инспектор Любимский упоминает в своем отчете наличие на морозовском предприятии «малолетних рабочих». А коль они на нем присутствовали, то в их эксплуатации ореховозуевский фабрикант, надо полагать, не составлял исключения из общепринятой в России «капиталистической практики» использования труда подростков и детей. Предполагать такое позволяет и статистика. Согласно ей, на крупнейшей хлопчатобумажной фабрике «Товарищества Тверской мануфактуры Морозовых» имелось в 1878 году 4,6 тыс. рабочих, из числа которых 43% 1978 человек составляли несовершеннолетние.¹⁷ И такое положение было характерно не только для морозовских предприятий. В силу этого, царское правительство вынуждено было (под натиском рабочего движения) принять в 1882 году закон, ограничивавший применение в фабрично-заводском производстве труда детей до 12 лет.¹⁸

Одним из важнейших показателей положения рабочих в России было их питание. Последнее в России существовало в двух видах — хозяйское и «свое», т.е. самостоятельное. В первом слу-

чае, рабочие пользовались «хозяйскими харчами», во втором — они питались в семье или в одиночку: дома, в артелях, в чужих семьях, у квартирохозяев, в трактирах, наконец, — где придется (т.е. всухомятку, преимущественно холодной пищей). Домашнее, артельное, трактирное питание, а также «хозяйские харчи» было, как правило, горячим питанием. Но одиночки, питавшиеся самостоятельно, довольствовались, в большинстве своем, холодной и сухой пищей. По питательности и вкусовым качествам семейное питание, естественно, было выше, к тому же оно отличалось и отнительным разнообразием. Под эту же категорию подпадала, в той или иной мере, и «артельная пища», однако, в большинстве своем, она была «принудительной» и нередко «однообразной». Не высокого качества были и обеды в харчевнях и дешевых трактирах. Не жаловали рабочие и хозяйское питание, которое почти всегда оказывалось «неудовлетворительным».

Говоря о питании рабочих, следует отметить, что какой бы его вид — хозяйское, артельное, самостоятельное — ни взяли, любой из них был «весьма однообразным и недостаточным», часто опускавшимся ниже нормы, определяемой санитарными врачами для соответствующих категорий труда. Пища рабочих, как отмечали инспекторы, была в основном хлебной и растительной. В ней почти отсутствовали продукты животного происхождения (молоко, творог, сметана, яйца). Их покупали, главным образом, только семейные и то только детям, поскольку каждый лишний рубль, истраченный на покупку одежды, обуви или продуктов, был «равносильен 3-4 дням интенсивного труда или недоедания».¹⁹

Так, как же питался рабочий в интересующее нас время, занятый на производстве 12-14 часов? Согласно источникам, он — в 8 часов утра или в 5 часов вечера — завтракал или ужинал на работе («полфунта черного хлеба с солью и водой»). В обед — с 12 часов до 13 часов — ел (в скоромный день) щи с говядиной (не более полфунта) и гречневую кашу с коровьим маслом, а в постные дни — пустые щи с капустой или ту же кашу, но с льняным или конопляным маслом. Летом, когда была дешевая зелень, рабочий «более употреблял лук и огурцы, потому что каждый заболтался, чтобы как можно дешевле сошло в харчи, а сходит... [на них] по 6 рублей [серебром] с каждого лица, да по 1 рублю за квартиру в месяц; жалованья же зарабатывает [он — рабочий] от 7 рублей до 12 рублей в месяц... Чай рабочий пил только по воскресеньям и лишь один раз в день».²⁰

В отличие от рабочего — одиночки, «артельщик» питался более «богаче». По данным обследования, он (артельщик Московской губернии — Н.М.) потреблял в начале 80-х годов XIX века — в среднем — в день: около 900 граммов хлеба, 264 грамма крупы, 243 — капусты, 61 — жиров, около 100 — мяса (30% которого составляли кости и сухожилия) и 12 граммов рыбы.²¹ Несколько разнообразнее (но меньше по весу), чем у артельщика, была пища

рабочего, питавшегося в семье. В ее ассортимент входили капустные щи с мясом (в постные дни — пустые щи, рыбный суп), гречневая или пшенная каша с растительным маслом, ржаной хлеб, чай с небольшой дозой сахара. В зависимости от уровня заработной платы, этот рацион изменялся в лучшую сторону или в худшую: в первом случае за счет увеличения доли (порции) мяса и сахара, замены подсолнечного масла сливочным, большего разнообразия продуктов, во втором — прежде всего за счет уменьшения порции мяса.

Все вышесказанное, в полной мере относилось и к питанию рабочих морозовских предприятий. «Коллега» Тимофея Саввича Морозова — калужский фабрикант Я.И. Горелин — писал в минуты откровения: «Трудно даже представить, каким образом рабочий может выдержать ту работу, какая ему предоставляется. Мясо на столе рабочего появляется только по большим праздникам; в будни и небольшие праздники он ест то, что бог послал: пустые щи, кашу, горох, редьку, и тому подобные, незатейливые блюда простонародной кухни».²² Более конкретно о питании рабочих-морозовцев высказался инспектор Любимский. «Мясо, — подчеркнул он, — в силу его дороговизны и незначительности заработка рабочего, здесь (на морозовских предприятиях — Н.М.) почти не употребляется. Пища простого рабочего состоит из щей забеленных молоком, хлеба и каши с конопляным маслом».²³

«Скудность, недостаточность и недоброкачественность» пищи рабочих во многом объяснялась дороговизной продуктов, их «низким качеством», а также «кабальными условиями их продажи». С другой стороны, это был непосредственный результат «недостатка материальных средств», которыми располагали рабочие «по этой статье своих расходов».²⁴ Эти выводы санитарных врачей были всецело применимы и к характеристике быта рабочих морозовских предприятий. Их заработная плата была, по словам инспекторов, «крайне низкой». К тому же она «постоянно уменьшалась разными штрафами и вычетами и выдавалась рабочим несвоевременно, что принуждало их кредитоваться в фабричных продовольственных лавках».²⁵ Иначе говоря, фабрикант, умышленно задерживая выдачу зарплат (она же, согласно контракту, должна была выдаваться в период с 20 по 30 число каждого месяца — Н.М.), вынуждал таким образом своих работников «брать продукты и другие предметы», имеющиеся в продаже в своей лавке, в кредит по справкам и запискам, выдаваемым фабричной конторой, причем по ценам, назначенным хозяином предприятия. Последние же, как свидетельствуют источники, не всегда соответствовали качеству продаваемого товара. К примеру, тот же хлеб, по сообщению газеты «Вперед», зачастую — причем почти повсеместно — приготовлялся «из затхлой и слежалой муки».²⁶

Подобное «самоуправство» хозяев предприятий, в том числе и Тимофея Морозова, обеспокоило местные власти. Особенно это

коснулось владимирского губернатора Судиенко. Осознав, что положение, сложившееся на Морозовских предприятиях «неперпимо», он вынужден был вмешаться в 1875 году в «дело» и предписать в секретном порядке исправникам: «При фабриках и заводах существуют для продажи съестных припасов и других предметов, нужных для крестьян (значит для рабочих — Н.М.), лавки, их которых хозяева заставляют их обязательно покупать для себя припасы, запрещая покупать оные на базарах. Между тем припасы те часто отпускаются недоброкачественные и гораздо дороже базарных цен. Лавочки эти сдаются хозяевами фабрик и заводов за большие деньги — от 2 тыс. до 4 тыс. рублей в год, что, конечно, и заставляет лавочников надбавлять значительно цены на все предметы их торга. Прошу господ исправников, при разъездах своих по уездам, обращать строгое внимание на означенные лавки, справляться о ценах и доброкачественности припасов и иметь наблюдение, чтобы не отпускались гнилые припасы и дороже базарных цен».²⁷

Однако от данного циркулярного предписания, жить рабочим, отнюдь не стало легче: расценки на производстве продолжали оставаться низкими, а материал с которым им приходилось работать был недоброкачественным. И как результат этого, заработок рабочих был небольшой, не превышавший в среднем 10-12 рублей в месяц, который, как уже упоминалось выше, постоянно уменьшался почти на половину «специальными» штрафами и вычетами в пользу фабриканта. Потому-то и приходилось рабочему жить с семейством целый месяц на 5-6 рублей, т.е. вести полуголодное существование.

Выше уже отмечалось, что одним из средств получения фабрикантами (и Т.С.Морозов не составлял в этом плане исключений) прибылей являлась «хищническая» эксплуатация дешевого труда женщин, идти на фабрики которых заставляли нужда и голод. Заставляя их работать столько же времени, сколько и мужчин, хозяева предприятий платили им вдвое меньше, чем последним. Не были ограждены работницы и от издевательств и надругательств со стороны хозяев и их приспешников. На многих предприятиях бытовал циничный порядок обыска работниц сторожами-мужчинами. Обычным явлением на фабриках было увольнение первых, отклонивших притязания хозяев и их подручных. Не было на предприятиях, как и в России в целом, законов по охране материнства и младенчества. Это очень сильно осложняло положение работницы-матери. В силу вышесказанного, беременные женщины трудились до последнего часа. Молодые матери не пользовались никакими льготами. Поэтому, боясь потерять работу и заработок, они выходили «на производство» уже на второй или третий день после родов. Нередки, согласно источникам, были случаи, когда «сами роды происходили во время работы или по пути на работу (или с работы)». Фабричная администрация дава-

ла матери-работнице лишь одну «поблажку»: разрешала — один раз — кормить ребенка в обеденный перерыв, нередко прямо в цехе».²⁸

Немаловажный «резерв» повышения своих прибылей, который широко использовался фабрикантами и заводчиками — был труд подростков и малолетних работников. Пользуясь их безвыходным положением — «Нужда и голод» — хозяева заставляли «подростков и малолеток» работать наравне со взрослыми: по 10-12 часов, и днем и ночью, но оплачивая их труд гораздо ниже. Подростки и малолетние работники не только чахли от изнурительного труда, но и подвергались побоям, грубым насмешкам и издевательствам со стороны «старших рабочих и надсмотрщиков». Все это вместе взятое, быстро решало их «судьбу». На фабрику или завод приходил, как правило, веселый, задорный и жизнерадостный (несмотря на невзгоды) подросток или малолеток. Спустя же некоторое время (т.е. после его пребывания на предприятии и после повседневного тяжелого и изнурительного труда на нем), его трудно было узнать: он сгорбился, зачах, пожелтел, грудь его ввалилась, глаза гноились, голос осип, т.е. от бывшего веселья и задора «мальца» не осталось и следа. Но это совсем не беспокоило хозяина, как не было ему дела и до школьного образования малолетнего работника. В соответствии с российским законодательством, право обучаться (в начальных фабричных или в церковно-приходских школах), имели, главным образом, дети рабочих, но не «малолетние работники», которых, согласно официальной статистике, на «хозяйских фабриках и заводах не имелось». В силу этого, образование (даже начальное) основной массе «детей рабочих» было недоступно.²⁹

В этой ситуации они — «малолетние работники и подростки» — рабочие российских фабрик и заводов в целом, возможности получить образование, увы, не имели. Поэтому в большинстве своем, они, в рассматриваемое нами время, были неграмотными. Единственной «отдушиной» в их «беспросветном существовании», чему не препятствовали хозяева предприятий и власти, были трактиры и харчевни, где рабочие «отравлялись и физически, и духовно», снижая таким образом, на радость фабрикантам, силу «сознательного сопротивления» хозяйской эксплуатации.

Именно в такой ситуации (в ужасных, по оценкам санитарных врачей, условиях труда и быта) находились рабочие на фабриках Тимофея Морозова накануне стачки, вспыхнувшей на них 7 января 1885 года.

3. Подготовка к стачке

Промышленный подъем конца 70-х годов XIX века, связанный с благоприятным влиянием хороших урожаев 1877-1878 годов и ростом государственных заказов, в связи с русско-турецкой войной 1877-1878 годов, сменился в начале 80-х годов кризисом, а потом — длительным «застойным состоянием». Промышленный кризис 80-х в России был связан с подобным «явлением» 1882 года в Западной Европе, а также с сокращением железнодорожного строительства в Российской империи и начавшимся с конца 70-х годов затяжным кризисом в русском сельском хозяйстве, продолжавшемся вплоть до 90-х годов XIX века.

Означенный выше кризис и его последствия отразились — самым негативным образом — на положении рабочего класса, поскольку всю их тяжесть фабриканты и заводчики постарались переложить на плечи рабочих: они сокращали размер их заработной платы, удерживая в своих руках (с помощью штрафов) от 20 до 52% ежемесячного заработка рабочего. Все это вместе взятое, до предела обострило отношения рабочих с хозяевами, в том числе и текстильщиков Владимирской губернии со «своими предпринимателями». Не остались в стороне от этого «противостояния» и орехово-зуевцы, стремившиеся воспрепятствовать ухудшению своего материального положения, снижения расценок, а также добиться уменьшения штрафов. Кстати, первую серьезную попытку решить эти задачи они предприняли в августе 1863 года. Но тогда стачка на мануфактуре в Орехово-Зуеве ознаменовала собой, по свидетельству современников и исследователей, лишь «пробуждение пролетариев Морозовской фабрики». ¹ Этого «обстоятельства», естественно, не смог тогда обойти известный экономист того времени В.Безобразов. «В Иванове, — писал он, — несколько раз доходило... до настоящих английских и французских стачек рабочих... Злобные чувства.. питают здесь друг к другу фабриканты и рабочие...» ²

Это противостояние последних со своими «хозяевами», даже с его стихийности, слабой организованности и низкой сознательности стачечников явилось, в известной степени, важной ступенью их «возмужания». Эти примитивные, по словам В.И.Ленина, бунты «уже выражали собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в неизбежность давящих на них порядков». ³ Одним из свидетельств этого, стало выдвижение — почти повсеместно — требований: повышения оплаты труда, отмены или сокращения штрафов, повышения расценок при одновременном сохранении прежних норм выработки, улучшения условий труда и быта. Последние же особенно стали ухудшаться в связи с начавшимся экономическим кризисом. Ответом на это стали стачки рабочих. Начало им положило выступление рабочих

Ярославской текстильной фабрики Хлудовых в Смоленской губернии, для подавления которого фабрикант запросил у губернатора воинскую команду.⁴ Вслед за ним последовали стачки на других предприятиях. Согласно официальной статистике, за три года — с 1878 по 1881 год — было зафиксировано 29 выступлений, в которых приняло участие почти 35 тыс. человек.⁵

Еще большую активность проявили рабочие в последнее пятилетие (1881-1886 гг.). В течение его было отмечено 87 стачек, участниками которых стали 75 тыс. текстильщиков. Многие из них имели стычки с войсками, в частности, рабочие Жирардовской (в 1883 г.) и Подмосковной Вознесенской (в 1884 г.) мануфактур.⁶

Но самой значимой и памятной стачкой этого пятилетия стало выступление рабочих на Никольской⁷ мануфактуре Тимофея Морозова в Орехово-Зуеве, 7 января 1885 года. На ней, согласно источникам, трудилось 11 тыс. человек. Их положение, как будет потом подчеркнуто присяжными на суде, было особенно тяжелым, которое еще больше усугублялось всевозможными штрафами и снижением расценок. Так, средний заработок ткача, по свидетельству Н.И. Толоконского, падал год от года. Если в 1881 году он зарабатывал в день 55 коп., то в 1882 году — только лишь 44 коп., в 1883 — 49, а в 1884 году — уже 41 коп., что составляло 9 руб. 60 коп. в месяц. Иначе говоря, заработок рабочего уменьшился в течение четырех лет на 25%. Немалую его долю — пятую часть — «съедали» штрафы и вычеты за освещение, баню и уголь. В общей сложности, как явствовало официальная статистика, вычеты и штрафы составили в 1884 году 23% от всей суммы заработка.⁸ Последние же (к «неудовольствию» рабочих) «росли с каждым днем». Так, выступая на суде, мастер Шорин (очень нелюбимый рабочими и уволенный фабрикантом по приказанию губернатора Судиенко — Н.М.) «показывал», что «качество пряжи в 1885 году было ниже, чем в 1881 году [но хозяин требовал, чтобы] качество выработки было повышенное». Этого же, по словам мастера, достичь было невозможно. Однако Морозов, не взирая на это, всегда требовал выполнения своего «распоряжения». За его же «невыполнение» рабочие всегда штрафовались. В силу этого, штраф у многих рабочих составлял половину заработка. Желая скрыть практику наложения крупных штрафов (до 50% заработка), «контора... заставляла таковых рабочих брать расчет, а потом, в тот же день, они принимались снова на фабрику, с вручением им новой расчетной книжки».⁹

Однако и такой откровенный «грабёж» рабочих не устраивал «хозяина». Просмагивая «итоги штрафов», Т.С. Морозов, по свидетельству уже упоминавшегося Н.И. Толоконского, то и дело говорил браковщикам: «Мало, я прогораю». И это говорилось, подчеркивал исследователь, в то время, когда сумма «штрафных денег» превышала 20 тыс. рублей в год. То же самое, отмечал он, и характеризуя снижение цен «за выработку». Они же, по свиде-

тельству обвиняемых «по делу морозовской стачки», падали с каждым днем. Так, в «прежнее время, — говорили крестьяне, — за выработку куска миткала (тонкой суровой хлопчато-бумажной ткани — полуфабриката при производстве клеенки и дерматина — Н.М.) платили 48 коп., а перед стачкой — 38-40 коп., причем, прежде длина куска «была 55 аршин, а за последнее время длина его увеличилась до 65-67 аршин». Отметили также «подозреваемые и свидетели» и сокращение числа «подмастерьев», помогавшие ткачам ремонтировать «испортившиеся станки». Их сокращение вынуждало ткачей, в большинстве своем женщин, самим заниматься ремонтом станков, что приводило к «невыполнению дневного (сменного) задания», а следовательно, и к снижению заработной платы.¹⁰

В это «нелегкое» для «морозовцев» время и влился в их среду (в ноябре 1883 г. — Н.М.) рабочий-ткач П.А. Моисеенко («Петр Анисимов-Щербаков-Мосеенок» — по судебным документам — Н.М.). Родился Петр Анисимович в 1852 году в Смоленской губернии. 13 лет он был «отдан мальчиком на московскую фабрику». С 1871 года стал работать ткачом в Орехово-Зуеве (на фабрике Зимина — Н.М.), в 1874-1875 годах работал в Петербурге, где стал активным участником рабочих кружков. Здесь он познакомился с Г.В. Плехановым, С.Н. Халтуриным и другими народниками и передовыми рабочими, благодаря которым «он влился в революционное движение». В 1876 году он участвовал в «Казанской демонстрации», являлся активным членом «Северного союза русских рабочих». За участие и организацию стачек на Новой бумагопрядильне в 1878 году он был арестован и выслан — сначала — в Смоленскую, а в 1880 году — в Енисейскую губернию. По возвращении из ссылки, П.А. Моисеенко стал, как уже упоминалось выше, стал — с ноября 1883 года — рабочим Никольской мануфактуры Т.С. Морозова.¹¹

Как указывал в свое время исследователь В.А. Муравьев, Моисеенко, еще будучи в ссылке, в Сибири, уже наметил план своей будущей «революционной» деятельности. Не отрицал этого и сам Петр Анисимович. «Я, — писал он в своих воспоминаниях, изданных в 1924 году, — уже не стремился в большие города, а стремился туда, «где, как говорится, трудно дышится и горе слышится».¹² Поэтому, вернувшись из ссылки, П.А. Моисеенко приехал (вместе со своим товарищем по ссылке — Лукой Абраменковым — и женой — Екатериной Сергеевной Сазоновой — Н.М.) в Москву, чтобы «оформить свое желание» — устроиться на работу в Орехово-Зуеве, на фабрике Зимина (находившейся около с.Зуево) на Подгорной мануфактуре, где работал его отец. Однако, чтобы осуществить свое намерение, необходимо было поехать на родину и получить паспорт. Пока же у него было только «проходное свидетельство», выданное ему «по месту отбывания ссылки». Поэтому, оставив жену у отца, он выехал (вместе с Л.И. Абрамен-

ковым) в Смоленскую губернию. Здесь, как писал потом Моисеенко в своих воспоминаниях, он и «переменил свою фамилию». До ссылки, указывал Петр Анисимович, он во всех документах значился как «Петр Анисимов». При получении паспорта, бывший ссыльный переменял — по «соглашению с писарем» свою фамилию. «Я, — писал Моисеенко, — обрадовался.., молча взял паспорт, думая про себя так: теперь меня не найдут ни в каких списках, все прошлое отошло, можно смело браться за дело... Я поступил к Морозову на фабрику в качестве ткача, зная, что если полиция или жандармы будут искать, то Анисимова больше не найдут».¹³

Вместе с ним, поступила на работу на фабрику и его жена. Мужу дали пару «двухаршинных станков», на которых вырабатывался миткаль, а супруге — два, но «одноаршинных станка». У того и другого «машины» были «старые и разбитые» и работать на них можно было лишь «обладая большим опытом». Но супруги таковыми, увы, не обладали. А работа была «сдельная и сработанный кусок оплачивался по установленным расценкам». Продукция сдавалась браковщику в приемной конторы. Ее получение отмечалось в расчетной книжке. В нее же вносился и штраф за «некачественно сработанный миткаль». Особенно доставалось при «сдаче миткаля» от браковщиков ткачихам: редко кто уходил из них от него не в слезах.

С их «произволом» столкнулся и Моисеенко. Первая же сдача «сработанных им кусков» наткнулась на намерение браковщика записать ему штраф. Но ткач решительно запротестовал, поскольку «миткаль был сработан» хорошо. «Свидетели этой сцены, — писал Моисеенко, — смотрели на эту сцену с удивлением: ничего подобного они пока никогда не видели и никогда не мыслили себе, что вот так можно не дать книжки для записи в нее штрафа и так разговривать с браковщиками... То есть, они воочию увидели, что только борьбой и протестами можно кое-что сделать».¹⁴

После этого случая рабочие, особенно ткачихи, стали постоянно обращаться к Моисеенко с просьбами посмотреть или наладить станки. Мужчины и женщины неизменно заводили с ним разговоры о тяжести условий работы на фабрике, о непомерности штрафов и т.д. «Такие разговоры, — подчеркивал Моисеенко в своих воспоминаниях, — происходили ежедневно и повсюду, где только сходились рабочие. Бабы отводили душу в слезах, мужики — в ругани и проклятиях. Видя все это и переживая сам, я заражался все большей и большей ненавистью к вампиру — Морозову».¹⁵

Учитывая складывавшуюся ситуацию на фабрике, Моисеенко начал собирать вокруг себя актив, с помощью которого можно было организовать стачку. С этой целью он начинает на досуге (в своей казарме) читки книг приходившим к нему рабочим. С читок книг он перешел к разговорам с ними об условиях работы и «нашей жизни в казармах», о том, что так рабочему люду жить

нельзя. «А что делать»? — почти всегда звучал вопрос в адрес агитатора один и тот же вопрос. «Что-что, — нередко взрывался тот, — искать надо средства, пути, чтоб как-то улучшить свое положение...». Но такие слова теща и агитатора почти не доходили до сознания рабочих, хотя они сердцем понимали и воспринимали правоту сказанного Моисеенко. «Это хождение по кругу, — с усмешкой будет он признавать, много лет спустя, — очень затрудняло мою пропаганду. Но я не отчаивался, убеждаясь в том, что мои слова доходят до собратьев по казарме. Лед, сковывавший их сознание, стал мало-помалу ломаться... Общим мое терпение было вознаграждено: число слушателей и моих спорщиков стало прибавляться день ото дня».¹⁶

Да, так можно было говорить, когда с тех памятных для ветерана событий прошло почти четыре десятилетия. Тогда же, в преддверии стачки, настроение у П.А. Моисеенко было совершенно другое. Столкнувшись с забитостью рабочих на Морозовских предприятнях, с их почти поголовной безграмотностью, в силу чего они с трудом воспринимали и осознавали прочитанное им агитатором, последний вынужден был обратиться за «консультацией» к своим товарищам, оставшимся в ссылке, в частности, к И.А. Гурвичу. Ознакомившись, с достаточно подробным письмом П.А. Моисеенко, последний ответил адресаты не менее пространным посланием. Приведем лишь отдельные положения из него. «Ваше положение, — подчеркивалось в нем, — безусловно, печально,.. но, судя по вашему письму, как мне кажется, не следует падать духом. Сохраните бодрость для будущих испытаний и будущей работы. А [то], что работа должна найтись, в том я сомневаться не могу. Ведь вы что ни на есть [находитесь] в самом интересном центре жизни. Ваше положение — тоже одно из наиболее удобных. Вас сразу признают за своего брата, в вас никто не заподозрит барина, бьющегося за восстановление крепостного права. Один факт вашего существования — есть уже живая демонстрация, способная рассеять распространенное про нашего брата предубеждение. Помните, что вы теперь один из пионеров критической мысли в таком захолустье, куда, выражаясь образно, еще не ступала человеческая нога... Вы можете, благодаря своему положению, то, чего не может человек, происходящий из других сословий и живущий в других классах общества. Я не допускаю, чтобы среди нескольких тысяч человек не нашлось несколько десятков людей, жаждущих света, а для начала — и этого очень и очень достаточно. Вы, например, пишете, что ваши товарищи читают, но не понимают прочитанного,.. почему бы вам не прийти им на помощь. Косность массы, о которой вы говорите, мне кажется, в значительной степени сильно преувеличена [вашими] первыми впечатлениями. Помнится я читал ваше письмо из Анцбры, как только вы там основались. Вы там высказывали гораздо более мрачный взгляд на население, чем впоследствии, когда прожили там года два».¹⁷

Когда П.А. Моисеенко получил этот ответ, он уже работал не на Морозовской фабрике, а на Ликинской фабрике Смирнова, куда он перешел весной 1884 года. Однако этот переход не помешал ему поддерживать связи с бывшими товарищами: он каждую неделю посещал их, а встретившись, всегда интересовался «житьем — бытjem» своих товарищей по работе, живо интересуясь всем, что произошло и что делается сейчас на фабрике.

Однако летом того же года, Петр Анисимович покинул Смирновское предприятие и устроился рабочим на Богородск-Глуховской фабрике,¹⁸ а еще два месяца спустя, — он уже трудился на Морозовской мануфактуре в Орехово-Зуево. Столь частая смена им рабочих мест была для Моисеенко (и не только для него, а для большинства революционно настроенных рабочих) вынужденной мерой. Таким способом он и его товарищи пытались сбить «полицейскую охранку», шедшую по следам «забастовщиков и революционеров».

Свое возвращение на Морозовскую фабрику, Моисеенко объяснял впоследствии тем, что к концу лета к нем приехал его старый товарищ Лука Абраменков и его надо было устроить на работу. «Вот я, — отмечал потом в своих воспоминаниях ветеран, — и устроил его на Смирновскую фабрику, а сам перешел к ...Морозову... Я уже не гнался за заработком... Я видел, что на фабрике надо во что бы то ни стало организовать стачку рабочих... и я стал агитировать. Чтобы мне ни говорили, я стоял на своем. Будь, что будет, а дальше ее откладывать нельзя».¹⁹

И Моисеенко пошел, как говорится «напролом». На его счастье, он познакомился на фабрике тогда с В.С. Волковым. Это был, по словам Моисеенко, «статный, красивый, молодой человек, всегда проповедывавший наши идеи... Но у нас не было нужной литературы».²⁰ Поэтому организаторы задуманной стачки читали рабочим все, что можно было достать на базаре — «Бову-Королевица», «Священного Лазаря», «Невесту-Потеху» и др. Но на этой «литературе, — справедливо подметил впоследствии П.А. Моисеенко, — далеко не уедешь... И тогда мы вспомнили о газете «Московский листок», в котором печатался роман о «Разбойнике Чуркине», которым тогда зачитывались все... Однажды я говорб рабочим: «Чуркин стал разбойником потому, что лучше быть разбойником, чем работать на Морозовых... Как-то я взял в библиотеке (она, по словам Моисеенко, располагалась в рабочей казарме № 6, располагавшейся за железной дорогой) «Вестник Европы»,²¹ где была опубликована драматическая хроника о «Стеньке Разине». Читая ее, Я разъяснял людям, как человек, не вытерпевший царского гнета, поднял восстание» Поскольку чтение драмы проходило открыто, то чтецу, естественно, надо было подстраховаться на случай ареста за «открытое чтение в казарме злойной хронике». Расчет мой был прост, Если меня начнут спрашивать на сей счет, то я заготовил «спрашивателям» контрвопрос:

«А зачем же тогда существует библиотека? Не для того ли, чтоб там брать книги и читать?» Этим «контрвопросом» Мосиенко пришлось воспользоваться тут же в казарме. Отвечая на «донос», пошупивший на «агитатора» мастеру Щорину, «ответчик» тут же задал последнему уже заготовленный заранее вопрос. На него, естественно последовал ожидаемы Мосиенко ответ: «Да, вы имеет право брать книги из библиотеки и читать их. Для этого библиотека и устроена».²²

Этим «агитатор», безусловно, воспользуется, ибо он отчетливо представлял, что рано или поздно, но он будет арестован. На суде же его никто по головке не погладит «за открытое чтение в казарме материалов антиправительственного характера», даже если к разряду таковых будет судом или жандармом присовокуплена «хроника о «Степане Разине». Вот для этого и нужен был П.А. Мосиенко «лишний свидетель», чтобы тот показал на суде (а таковым окажется впоследствии мастер Шорин), что подсудимый читал рабочим в казарме «разрешенную литературу».

Лишь после такого рода «юридической подготовки» и начал П.А. Мосиенко чтение хроники о «Степане Разине» среди рабочих. Оно, по воспоминаниям «агитатора», произвело на них «неизгладимое впечатление». Выходило, говорили рабочие, Разин не разбойник, а самый настоящий защитник крестьянского и рабочего люда. И такие разговоры велись не только в казарме, где читали рабочим хронику, но за ее пределами. Словом, Стенька, говорили там и тут, шел против московских бояр, которые притесняли крестьянский люд, но против попов долгогривых, которые морочили и морочат головы православным.²³

В обстановке повысившейся активности рабочих масс, П.А. Мосиенко, естественно, потребовался смышленный и энергичный помощник. И он был найден им в лице (как уже упоминалось выше) молодого ткача Василия Сергеевича Волкова, приехавшего из Серпухова и совсем недавно устроившегося на Морозовскую фабрику. Приглядевшись к молодому человеку, опытный пропагандист «вплотную принялся за его обработку». И, надо сказать, не безрезультатно: не прошло и «трех дней, — подчеркнет потом П.А. Мосиенко в своих воспоминаниях, — а Василий Сергеевич готов был идти со мной, хоть в огонь, хоть в воду». Это обстоятельство, продолжал свой рассказ ветеран рабочего движения, «несказанно меня обрадовало, ибо я приобрел себе молодого, энергичного, а главное, — надежного товарища по борьбе за рабочее дело».²⁴

Решив для себя эту, немаловажную задачу, П.А. Мосиенко развернул (теперь уже при поддержке и помощи В.С. Волкова) широкую агитационно-разъяснительную работу среди рабочих фабрики, настраивая их на проведение стачки. Готовясь к ней, ее организаторы никак не могли определиться с днем выступления. И тут на «помощь» им пришла, сама того не ведая, администрация предприятия. Об этом ее «шаге», П.А. Мосиенко вспоминал

так: «Когда [нам] стало известно, что 7 января (по старому стилю) у Морозова фабрика будет работать, тогда как на других, соседних с ним фабриках — этот день считался праздником, этого для нас было достаточно, — и мы решили использовать этот случай».²⁵

Определившись с днем начала стачки, ее организаторы «повели агитацию среди наиболее подготовленных ткачей» и попросили их собраться в «нужном месте», чтобы тщательно обсудить «все вопросы», дабы потом не вышло «какой-либо розни и неприятностей». Именно с этой целью и пришел П.А. Моисенко в казарму №8, где проживал В.С. Волков. В его каморке и прошло первое совещание «по проведению стачки», в котором приняло участие несколько человек. Более «широкое собрание» было назначено им на вечер 5 января, в местном трактире. В назначенный час там собралось около 100 рабочих. Чтобы не привлекать внимание трактирщика к себе, рабочие заказали водку, закуску, т.е. все необходимое для «широкого застолья».

Выпив и закусив, собравшиеся заговорили о «делах», разрешить которые они и собрались здесь. Выступивший первым П.А. Моисенко вновь напомнил участникам собрания о невыносимых условиях, в которых живут и работают рабочие, о притеснениях, которые творятся на Морозовской фабрике, о грабеже ее хозяина своих рабочих. Вы знаете, говорил он, что каждый из вас выработывает в пользу фабриканта товаров на 1740 рублей, а получает рабочий за свой труд «жалкие гроши», которые обрекают его и его семью на голодную смерть. Чтобы пресечь этот грабег, особо подчеркнул Моисенко, и нужно «организовать стачку», которая должна быть «дружной, всеобщей и солидарной во всех отношениях». Выступивший вслед за ним В.С. Волков, поведал товарищам о том, как «дружно бастовали» рабочие Серпухова, как поддерживая друг друга в трудную минуту, они выиграли борьбу с хозяином. Опыт «друзей по работе» вдохновил «орехово-зуювцев» и они «пришли к согласию», что «фабрику надо остановить», а действовать надо «дружно и решительно».²⁶

По окончании собрания «на Песках», П.А. Моисенко, В.С. Волков и еще с десятком рабочих отправились в другой, зуювский трактир, чтобы подвести итоги закончившейся «сходки». Они же, по общему мнению, вселяли в организаторов стачки уверенность в том, что все будет, «как надо». Дело в том, что люди были подготовлены, они были вполне надежны и стойки. И, тем не менее, здесь в Зуеве, собравшиеся порешили: еще раз провести собрание «на Песках», чтобы окончательно обсудить вопрос о предстоящей стачке, о дальнейших действиях ее организаторов и стачечников в целом.²⁷

Но, прежде чем идти «на Пески», П.А. Моисенко встретился 6 января с Л.И. Абраменковым и своим братом Григорием, пришедшими из Ликина, и В.С. Волковым. Еще раз уточнив отдельные моменты предстоящей стачки, они пошли на собрание рабо-

чих, созданного «на Песках». Первым перед собравшимися там рабочими выступил Л. Абраменков и не случайно. Дело в том, что он имел «нелегальный листок», призывавший всех московских рабочих к «объединению и организации». Это необходимо было сделать для того, разъясняла листовка, чтобы сообща избавиться от гнета фабрикантов и заводчиков. Для этого, уточнил Л. Абраменков, нужно организовываться нашему брату и обращаться за помощью к «Северному союзу русских рабочих», который ставит своей главной задачей «помощь всем рабочим, борющимся за свое лучшее будущее». ²⁸ «Эмоционально-пламенное» выступление Луки Ивановича поддержал выступивший вслед за ним В.С. Волков. Как всегда он просил рабочих никогда не унывать, а за свое дело «стоять твердо». Лишь своей «решительной борьбой», — подчеркнул оратор в заключение, — мы можем одержать победу над капиталом». Подвел черту под выступлениями своих товарищей Моисеенко. «Раз и навсегда, — резюмировал он, — надо запомнить лозунг: «Один — за всех, и все — за одного». Без воли, без свободы — мы все равны скоту и даже будем хуже него, даже хуже своих палачей. Но, надо помнить — волю-мать искоренить нельзя: гонимая, забитая, но она все же живет в наших душах, таится, дожидается она кровавого расчета за все бывшее...». ²⁹

Когда собрание закончилось, было видно, как сильно «наэлектризованы» рабочие. Там и тут раздавались реплики, что «силе грабителей надо противопоставить свою рабочую силу». А для этого им надо объединиться, что с «живоглотами надо управляться топорами, а не бабьей болтовней». И, когда П.А. Моисеенко бросил в толпу: «Готовы ли вы идти бороться с мироедами»? В ответ громыхнуло единодушное: «Да ...Мы идем все с вами!» ³⁰ Этот ответ рабочих свидетельствовал только об одном: вопрос о стачке был решен на данном собрании окончательно и бесповоротно.

4. Начало стачки и ее ход

Это же, воочию, подтвердили и события следующего дня. Они же, согласно судебным материалам, развивались следующим образом. В 5 часов утра 7 января 1885 года (по старому стилю) П.А. Моисеенко и В.С. Волков направились на фабрику. Несмотря на столь раннее время, к ней отовсюду стекался народ. Подойдя к фабрике, Моисеенко и Волков увидели, что ко всем входным дверям предприятия администрацией выставлены вооруженные дубинками, ломami и другими «орудиями» люди, не позволявшие рабочим останавливаться у проходных. Тех, кто задерживался около них, новоявленная охрана тут же разгоняла и предлагала «незамедлительно приступить к работе». Увидев это, организаторы стачки ушли обратно, решив появиться вновь на фабрике к самому началу работы на ней. Когда это время подошло, они снова оказались около предприятия. Там уже находились все рабочие и они готовились приступить к работе.¹

Воспользовавшись царившей предрботной суматохой, Волков и Моисеенко прошли по второму и третьему этажам ткацкой фабрики. Созвав нужных им работников, они прошли в уборную дабы посоветоваться: что делать далее. Там же, как описывает в своих воспоминаниях П.А. Моисеенко, было «полно народу». Стоявший в помещении невообразимый шум то и дело прерывался возмущенными голосами женщин. «Да вы, — кричали они, обращаясь к своим мужьям и их товарищам, — хуже нас, баб... Вас притесняют, жмут, а вы все терпите.., что же смотрите!?!.. что вы топчитесь как стадо баранов!?!». Тут мы с Волковым начали увещевать и даже бранить ткачей и прядильщиков».²

Организаторы стачки отчетливо представляли, что настал критический момент. И если он будет упущен, т.е. рабочие, покричав, пристпят к работе, то задуманное ими «дело» потерпит крах. А чтобы этого не случилось, т.е. чтобы не началась работа, — необходимо было «обесветить фабрику», т.е. погасить на ней газовые фонари. Именно в этот «критический момент, — писал Моисеенко, — ко мне подошел подросток и говорит: «Я знаю, как погасить газ (т.е. перекрыть газовый кран)... Скажите, чтобы передние ряды привернули свои горелки, чтобы [меня] не так было видно»... И, когда работницы, стоявшие в передних рядах завернули свои горелки, подростки, живо вскочив друг другу на плечи, добрались до главного «коренного» крана и быстро перекрыли его. И тут в корпусе сразу же стало темно. В силу этого, весь фабричный люд повалил к выходу».³

Прекратившие работу ткачи, прядильщики, красильщики (а всего их набралось несколько тысяч человек) вышли на Никольскую улицу и разделились на две группы. Одна из них, во главе с

ткачом Щербаковым* отправилась по Никольской улице, в сторону Старого двора, чтобы остановить работу Старой ткацкой фабрики и плисорезочной, а другая — под руководством В.С. Волкова — направилась по Английской улице, чтобы остановить работы красильной фабрики и в слесарной мастерской. Этому движению пыталась воспрепятствовать фабричная вооруженная охрана. Однако вид и настроение «организованной толпы» устроили охранников и они разбежались. Это придало «силу и уверенность бунтовщикам». Достигнув здания главной конторы, они попытались проникнуть во двор. Однако чернорабочие, изгнанные стачечниками от ткацкого корпуса и собравшиеся теперь здесь, в дворе главной конторы, успели закрыть ворота. Не достигши поставленной цели, толпа побила камнями стекла конторы и повернула назад, к новоткацкому корпусу. Здесь она, соединившись с возвращавшимися с Английской улицы, напала на красильное заведение. Сломав закрытые ворота, стачечники бросились бить фонари и стекла в окнах, а несколько человек — устремилось в паровое отделение. Угрожая сторожу В.И. Соболеву «смертию», они принудили последнего остановить машину, после чего «бунтовщики» выгнали рабочих со всех этажей красильного здания.⁴

Еще дольше пришлось «повозиться стачечникам», как явствует из «обвинительного акта по делу 33-з», около слесарной мастерской: при первом нападении на нее, слесаря успели закрыть двери и нападавшие не смогли попасть в мастерскую. И лишь, когда они ушли, стачечники ворвались в слесарную и грозя сторожу — Д.В. Давыдову — «убийством, произвели в его присутствии разрушения: была разгромлена конторка мастерской, разбиты часы, уничтожены расчетные книжки и счета». Такая же участь постигла и «старое здание», где толпа выгнала из всех корпусов ткачей, плисорезов и прядильщиков. Добившись к 9 часам утра остановки работы во всех фабричных корпусах, «бунтовщики» принялись «разрушать здания и производить грабежи». Первыми от них пострадали квартиры фабричных служащих: директора прядильного отделения М.П. Лотарева и ткацкого мастера А.И. Шорина. При первом походе толпы по Английской улице, их домам ею уже было уделено «внимание»: куски кирпича и торфа, которые бросали рабочие, уже были побиты стекла в окнах. Второе же нападение стачечников на их дома завершилось их разрушением и «полнейшим разграблением имущества».⁵

Завершив «разборку» с домами ненавистных рабочим морозовских служащих, возбужденная погромом толпа направилась на

---

* В материалах дознания указывается, что под фамилией «Щербаков» рабочие скрывали П.А. Моисеенко. См. Докладная записка начальника Владимирского жандармского управления полковника Фомицына на имя губернатора (Морозовская стачка. 1885-1935 гг. Сб. статей, док-тов и воспоминаний. — М., 1935. — С.100.

конный двор и через задние ворота ворвалась во двор главной конторы. Собранные здесь администрацией чернорабочие не в силах были (из-за своей малочисленности) противостоять натиску нападавших. Не преследуя «хозяйских охранников», последние начали грабить располагавшиеся здесь «харчевую лавку и пекарню». Наряду с этим, «бунтовщики» разграбили имевшиеся в главном управлении две денежные конторки, уничтожили книги и счета, растащили «хлеб, мясо и другие продукты, составлявшие предмет торговли для всей фабрики». Расхищена была и часть «сурового полотна», сложенного в нижнем этаже конторки. Но «главные его запасы» конторщики сохранили, успев их спрятать до прихода стачечников. Не найдя полотна, последние «отыгрались» на служащих конторы, ограбив многих из них. Эта же участь постигла и других «обитателей «конторы, а также татар, служивших на конном дворе».⁶

Разграбив, а затем разгромив харчевую лавку и перкарню, погромщики выбрались (уже через главные ворота) на Никольскую улицу. Отсюда одни из них направились (унося с собою все награбленное) в соседнее село — Зуево, — расположенное на противоположном берегу Клязьмы, а другие остались на этой же улице и начали — сначала бить стекла «в квартирах директора Дианова и бухгалтера Анофриева», а потом — «набросились» на стоявший рядом с «квартирой Дианова розничный магазин», который, согласно обвинительному акту, был «открыт год назад, на правах товарищества и принадлежал пайщикам», в числе которых значились «рабочие и служащие фабрики». Поэтому при нападении «грабителей на сей магазин, пришло много лиц, заинтересованных в его спасении и недопущении грабежа оногo». В ходе происшедшей потасовки между «грабителями и защитниками магазина, увечья и раны получили и те, и другие». Особенно пострадал среди защитников «крестьянин Иван Захаров», который от полученных «смертельных повреждений умер в ночь на 9 января».⁷

Узнав о начавшихся погромах и грабежах, организаторы стачки — «Щербаков и Волков» — тут же бросились с группой рабочих к «месту беспорядков». Однако сразу унять «разбушевавшуюся толпу» им не удалось. Лишь спустя некоторое время, «погромщики» были локализованы и «утихомирены». Обратившись к ним, «Моисеенко и Волков строго требовали, чтобы все разошлись по квартирам и вели себя тихо и спокойно».⁸

А как же повела себя фабричная администрация в сложившейся ситуации? Да, по сути дела (если анализировать официальные документы), почти никак. Она, согласно последним и обвинительному акту, просто попряталась, как только началась стачка. Не видя ее, а следовательно, не чувствуя ничьей поддержки, ретировался, причем, весьма поспешно, и полицейский надзиратель П.А. Васильев после того, как ему не удалось «уговорить рабочих не бросать работу». Видя «действия» полицейского чина,

«подстраховали» себя — на всякий случай — и ореховские купцы: они закрыли все свои торговые предприятия.

Более «деятельно» проявил себя директор фабрики М.И. Дианов. Узнав накануне (от своих осведомителей) о готовящейся на фабрике стачке рабочих, он совместно, с уже упоминавшимся выше полицейским надзирателем Васильевым, организовал на предприятии из числа чернорабочих конного двора и рабочих-торфяников «охранный отряд», вооружив всех его членов «всеми видами холодного оружия». Рано утром, эти «охранники» и заняли, по указанию администратора фабрики, «открытые и скрытые посты (т.е. засады) на случай возникновения беспорядков на предприятии». Прюдавав эту «работу», М.И. Дианов и его «коллега» — директор прядильной фабрики — М.П. Лотарев не замедлили побеспокоиться и о своей безопасности. Руководствуясь известным народным изречением — «Береженого бог бережет», — они заблаговременно перебрались со своими семьями в соседнее село — Орехово. Не отстал от начальства в этом плане и управляющий ткацкими фабриками А.И. Шорин. Зная, что рабочие питают к нему «особую неприязнь», он отправил своих детей в соседнюю, с предприятием, больницу, а сам решил «укрыться от глаз рабочих» и остаться на фабрике и «понаблюдать за бунтовщиками». Попрытались и «притихли на время, подобно Шорину, и многие другие представители фабричной администрации. Однако, когда рабочие вышли на улицу и начали громить и крошить все попадавшее им на пути, не выдержало сердце Шорина, спрятавшегося вместе с женой на чердаке своего дома, и он бежал, бросив супругу. Таким же образом избежал расправы и полицейский надзиратель Васильев, правда, известив до побега уездного исправника и судебного следователя, проживавшего в г.Покрове, о начавшейся стачке на Никольской мануфактуре.¹⁰

О возникшей на ней «беспорядках» телеграфировал начальство — исправника и губернатора — и ее директор М.И. Дианов. «Фабричные, — сообщал он последнему, — производят беспорядки в местечке Никольском. Исправнику дано знать».¹¹ Получив такого рода известия, Владимирский губернатор Судженко был в недоумении. В его голове никак не укладывалось одно: как это могут нарушать «общественную тишину и спокойствие всегда покорные и работающие люди Никольской фабрики». Потому-то он и запросил полицейского надзирателя Васильева срочно подтвердить: «действительно ли на фабрике имеют место беспорядки», что необходимо его превосходительству самому спешить на помощь просителям». И «адресат» не замедлил с ответом. «Вся фабрика, — сообщал он, — бунтует. Бьют, ломают, грабят. Ночью ожидают поджога. Я — один и, кроме увещеваний, не в силах предпринять что-либо. Из начальствующих — никого уже нет».¹²

Сообщение директора-распорядителя мануфактур, советника Т.С. Морозова расставило все точки над «I». Руководствуясь им,

владимирский губернатор тотчас отдал распоряжение об «организации военного похода против бастующих орехово-зуевских текстильщиков», для чего необходимо было приготовить «экстренный поезд для отправки необходимого количества войск». Когда все было готово, «его превосходительство» в сопровождении прокурора Владимирского окружного суда, начальника губернского жандармского управления и представителей других властных структур отбыл в м.Никольское, Покровского уезда на подавление «бунта» ткачей Морозовской мануфактуры.

Вечером того же дня, — т.е. 7 января — «экстренный поезд» прибыл в Никольское. Прибывшие в местечко войска сразу же стали занимать указанные им места. Они были расположены у здания главной конторы, возле «квартир фабричных администраторов», у отдельных фабричных корпусов, у «товарных и материальных складов», а также возле «других важных объектов и мест». Решая эту обычную, в данной ситуации задачу, губернатор сразу же столкнулся с «неудобством» в деле реализации плана охраны тех или иных объектов Морозовской мануфактуры. Дело в том, что «владения Тимофея Морозова», как выяснилось, «перемежались» с владениями другого, не менее крупного фабриканта — Викулы Морозова. Границы их владений, как доложили губернатору, были почти неразличимы. С другой стороны, рабочие первого фабриканта бастовали, а второго — работали, как ни в чем ни бывало. Не меньшую трудность для губернских представителей власти представляло «определение» — в каких казармах проживали рабочие вышеуказанных «хозяев предприятий».

А прибывшим из Владимира в Никольское представителям власти, действительно, было трудно разобраться с тем: где и чьи рабочие шли на работу, а другие — с нее, третьи же — просто толпились на улице. Попробуй тот же полицейский чин, приехавший из губернского города, выявить в этой «круговерти» — кто тут стачечник, с «коим следует разобраться» и «должным образом наказать за произведенные погромы», а где «добросовестные работники», продолжающие выполнять свою нелегкую работу ткача или прядильщика. Решая «сию головоломку», глава Владимирской губернии пришел к неутешительному для себя выводу: тех четыре роты солдат (400 чел.), которые он взял с собой ему явно не хватало для наведения «должного порядка в местечке Никольском, ибо половину солдат он должен (хочешь ты или — нет) расставить на посты, а оставшиеся солдаты обязаны были (согласно уставу караульной службы) регулярно менять их на постах. Рассудив таким образом, Судиенко запросил к себе «в помощь» — дополнительно — один батальон солдат и полк донских казаков, чтобы используя тех и других, проводить быстрые и действенные операции по наведению «общественного порядка в Никольском».¹⁵

Не предпринимая каких-либо «решительных действий против бунтовщиков» (до подхода дополнительных сил), губернатор,

тем не менее, вознамерился «прозондировать» каково же настрое-ние рабочих, а главное — проверить их «боевую готовность». С этой целью он завел со стачечниками переговоры. Для «ведения оных» Судиенко приказал рабочим избрать из своей среды «дове-ренных лиц» (в количестве 60 чел.) и отправить к нему. Приказа-ние «его превосходительства» было стачечниками быстро испол-нено и «рабочие-переговорщики», в числе которых оказался и В.С. Волков, предстали вскоре перед губернатором. На правах «организатора стачки» Василий Сергеевич разъяснил последне-му (естественно, от имени всех забастовщиков) причины, толкнув-шие рабочих на забастовку. Рабочий, заявил он, как бы хорошо ни работал, он не в силах обеспечить себе и своей семье «нормальные условия существования». Этому мешает все возрастающее число не только штрафов, но и их размер при одновременном снижении расценок на изготавливаемую рабочим продукцию. Все это вместе взятое «до такой степени понизили заработную плату рабочих, что они уже не в состоянии выполнять казенные повинности». Он так-же обратил внимание губернатора на то, что фабричные админис-траторы и управляющие производств очень грубо обращаются с рабочими. Особенно преуспел в этом, подчеркнул Волков, управ-ляющий фабриками Шорин.¹⁶

Все, что высказал В.С. Волков губернатору « в один голос под-твердили все присутствовавшие на встрече ткачи. Выслушав их претензии, «его превосходительство» попытался «успокоить» ра-бочих, пообещав им разобраться во всех их «бедах и обидах», не преминув при этом призвать ткачей «покончить с забастовкой и приступить к работе». А тем, кто не желает этого сделать, губер-натор предложил взять расчет и поискать работу в другом месте. Однако на это «Соломоново» предложение Судиенко тут же после-довал довольно резкий и однозначный ответ Волкова» никто из рабочих брать расчет не желает, все согласны работать здесь, но только при условии отмены штрафов, повышения расценок на про-изводимые товары и нормального обращения административных лиц с рабочими. Без соблюдения этих условий, подчеркнул Вол-ков, никто к работе приступать не намерен. Если руководство ма-нуфактуры сочтет необходимым расчитать нас, то мы не будем возражать лишь только в том случае, если господа Морозов уплатит нам по день окончания условий найма, т.е. по 24 марта* 1885 года, ибо контракт, его условия нарушены не нами — рабочими, — а господином Морозовым.

Вернувшись после встречи с губернатором в свои казармы, переговорщики пересказали своим товарищам все, что ими было «заявлено высокому начальству», о его реакции на высказанное

---

* Договор найма рабочих с предпринимателем на фабрике Морозо-ва (как и на других фабриках) заключался, как правило, на срок «от пасхи до пасхи».

ими и об обещании «его превосходительства» разобраться во всем с администрацией фабрики и лично с фабрикантом Морозовым, прибытия которого в Никольское, как сказал губернатор, намечено «на 4 часа поутру, 8 января». И, надо сказать, он прибыл к высокому начальству, причем, точно в срок. В ходе, состоявшейся у губернатора беседы, «директор- распорядитель мануфактур Морозов», увы, «не внял», согласно документу, «увещеваниям» первого, чтобы прекратить «уступкой» рабочим стачку на его Никольской мануфактуре. Однако фабрикант согласился лишь на «возвращение штрафов», взысканных с рабочих с 1 октября 1884 года, а также на то, чтобы дать расчет всем, без исключения, по день забастовки и вновь принять потом желающих работать у него, но на старых условиях. Столкнувшись с такой жесткой позицией Морозова, губернатор предложил тогда ему опубликовать выдвинутые им условия, а после их публикации не только обнародовать, «оние» в рабочих казармах, дабы хозяин лично мог видеть реакцию их обитателей» на них, но и расклеить после этого «морозовские условия» по всему Никольскому. И фабрикант выполнил все «рекомендации» губернатора. «Условия Морозова» не только были опубликованы, но и прочитаны во всех рабочих казармах. Ответом на их «обнародование в казармах» стал «страшный свист, шум, крики и новое возбуждение масс...». И как результат этого, никто из рабочих не пошел в контору, «дабы не тратить попусту», — как они заявили, — время на переговоры с мироедами». ¹⁸

Упорство фабриканта вызвало у рабочих еще большее озлобление. С самого утра они толпились группами на улице. Отовсюду были слышны угрозы как в адрес хозяина мануфактуры, так и его «приспешников». Срывая «Морозовские объявления», рабочие тут же наклеивали свои «условия». Ими они «объявляли» Морозову, что за его «ставку ткачи, прядильщики работать не соглашаются. А, если ты, Морозов, нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти [всех нас] на пасху, а..., если ты не разочтешь нас на пасху, то мы будем бунтовать...до самой пасхи... Будь согласен на эту табель, а ...ежели не согласишься, то ...фабрики вам не водить». ¹⁹

Однако «ультиматум» рабочих был проигнорирован фабрикантом. Более того, он попытался даже запустить (с помощью штрейбрыхеров) отдельные производства, в частности, «красильню». Узнав об этом, негодующие рабочие бросились туда. На помощь работавшим там людям поспешили солдаты. Это спасло штрейбрыхеров от рабочей расправы. Неуступчивость и решимость забастовщиков, несмотря на противостояние солдат, понудило руководство предприятия прекратить работу в красильне.

Это продолжавшееся противоборство забастовщиков и фабриканта, в полной мере убедило губернатора в том, что данное противостояние, прекращение «волнений рабочих невозможно «без уступок» со стороны Морозова. Правильность его предположений подтвердил и личный «выход его превосходительства» на улицу,

где он вступил в переговоры с рабочими, переходя (в сопровождении «начальствующих лиц» и солдат) от одной группы стачечников к другой. Завершая свой вояж по улице, Судиенко вновь пригласил рабочих к себе на переговоры., дав им слово, что их уполномоченные не будут арестованы.

Выслушав предложение губернатора и, вняв его обещанию, а также руководствуясь настроением масс, их вожаки, посоветовавшись со всеми, решились пойти на «повторные переговоры». Однако отпускать на них «своих выборщиков в одиночку», рабочие не отважились, а посему решили идти к главной конторе «всем скопом» и там ждать результатов переговоров.

Утром, 10 января, рабочие собрались (по сигналу) возле своих казарм. Их руководители (В.С.Волков и «Щербаков — П.А.Моисеенко), переходя от одной казармы к другой, еще раз призвали рабочих «к дружной, совместной борьбе, к продолжению начатой ими стачки», инструктируя при этом всех, как нужно вести себя с начальством и что нужно говорить губернатору. Лишь обсудив все эти вопросы и уточнив план своих дальнейших действий, рабочие двинулись всей массой — в 2 часа дня — к главной конторе. Там, встретившись с губернатором, их выборные вновь подтвердили тому, что главными причинами «недовольства рабочих» стало «постоянное снижение расценок, высокие штрафы, внедрение в производство новых сортов пряжи, не предусмотренных расценками при найме на работу (например, «молескина», на котором ткач зарабатывает в течение 15 дней всего 1 руб. 25 коп.), а также ряд других нарушений». Не устраивало рабочих и то, что при уходе работника с фабрики до срока, указанного в контракте, фабрикант неизменно высчитывает из его заработка 25%, а при увольнении хозяином рабочего до срока — первый не несет «никакого наказания» за то, что он оставляет работника и его семью «без куска хлеба». Кроме вышеназванных, «выборщики» указали губернатору и другие причины и нарушения, имеющие место на фабрике и «осложняющие положение рабочего». В заключение «переговорщики» вновь повторили «его превосходительству» свои «условия», на которых рабочие согласны прекратить забастовку: это упразднение фабрикантом штрафов, снижение расценок, существовавших до пасхи 1884 года, но не более, чем на 5%, а также выдача хлеба, пекарные листки на получение которого рабочими уже оплачены на месяц вперед. Признав «претензии» рабочих к Морозову «обоснованными», губернатор снова пообещал «переговорщикам» разобраться с их «бедами и претензиями» и в очередной раз призвал «выборных» убедить своих «собратьев — ткачей, прядильщиков и иных работников» — приступить к работе», ибо без этого, по его словам, трудно будет убедить фабриканта пойти навстречу рабочим. Но, как и в прошлый раз, Волков и его товарищи твердо заявили губернатору, что фабричные не приступят к работе до тех пор, пока Морозов не сделает «уступки» рабочим.²⁰

Пока шел этот «переговорный процесс», губернатор получил запрошенное им «подкрепление»: 10 января, в 16 часов дня, в Орехово-Зуево прибыл полк донских казаков (в составе четырех сотен), сразу же включившийся в несение «патрульно-сторожевой службы». В 19 часов, того же дня, в Никольское прибыл из Москвы директор правления Никольской мануфактуры (А. Назаров), уполномоченный Морозовым вести переговоры с губернатором, поскольку «конструктивного диалога», как бы мы сказали сегодня, между фабрикантом и губернатором не получилось. Морозов продолжал твердо стоять на своем, считая, что требования рабочих «несправедливы и незаконны». Об этом фабрикант не преминул уведомить (телеграммой) и министра внутренних дел, графа Д.А. Толстого. Ознакомившись с ее содержанием, последний «рекомендовал» губернатору Владимирской губернии действовать в «согласии с фабричной администрацией», принимать «более решительные меры против бунтовщиков», вызвав для этого «дополнительные воинские силы». Наконец, глава МВД «предложил» губернатору начать «аресты и высылку этапным порядком на родину тех рабочих, кои будут настаивать на своих требованиях».²¹

Получив столь «решительные указания сверху», губернатор Судиенко, естественно, изменил свое отношение к стачечникам. Он отказался от тактики «переговоров» и «уговоров» и перешел к «действию только силовыми методами».

Почувствовав это, организаторы стачки (в частности, П.А. Моисеенко) поняли, что наступил решающий момент в противостоянии рабочих с фабрикантом. Поэтому они тут же развернули еще более активную агитацию среди рабочих, а также среди солдат и казаков. С этой целью П.А. Моисеенко, В.С. Волков и их ближайшие помощники стали активнее обходить рабочие казармы и призывать их обитателей не падать духом и тверже стоять на своем. Не надо, увещевали рабочих агитаторы, надеяться на царя, на высшую власть, что они нам помогут. Этого не было и не будет. Нам, каждому надо осознать, что мы, рабочие, объединенные и спаянные, — есть та, единственная сила которая способна освободить нас от угнетателей. Чтобы доказать это, организаторы стачки разработали «требования рабочих»,²² которые, согласовав с ними, стали читать на собраниях рабочих и при обходе рабочих казарм. Они же гласили: «...

1. Штрафы не должны превышать 5% заработка рабочего.
2. Каждого рабочего не подвергать штрафу более двух раз в месяц, после чего он подлежит не штрафованию, а увольнению, как неисправимый работник.
3. Вычеты за прогул не должны превышать одного рубля.
4. Прогулы рабочих и простои станков по вине фабриканта должны оплачиваться последним не менее 40 коп. в день, или 20 коп. в смену.

5. Изменить условия найма с таким расчетом, чтобы никаких штрафов фабрикант с рабочего за досрочный уход с фабрики не брал, а чтобы рабочий о своем желании уволиться предупредил хозяина за две недели. За нарушение же этого, рабочий уплачивает штраф в размере двухнедельного заработка.
6. В свою очередь, фабрикант, не предупредивший рабочего об увольнении, обязан уплатить ему двухнедельный заработок вперед.
7. Определение доброкачественности получаемого ткачом материала и сдаваемого [им] товара должно записываться в товарно-приемную книгу при свидетелях из выборных от рабочих.
8. Расчет зубьев берда и плотность товара не угадать.
9. Куски товара по весу и длине не [должны] превышать против установленных норм. В случае же излишне сработанной меры по длине, записывать излишки в книгу и соответственно оплачивать.
10. Вновь пускаемые в работу товары, не предусмотренные расценками, оплачивать поденно до тех пор, пока рабочие не усвоят эту работу и не определяют стоимость, по которой можно согласиться работать сдельно.
11. В том случае, когда между рабочими и фабрикантом не состоится соглашение по определению цен на сдельную работу, необходимо для выравнивания заработка учредить государственный контроль.
12. В виду того, что остановка работы произошла по вине Морозова, оплатить прогульные дни по 40 коп. В день.
13. Выдачу заработной платы производить не позднее 15-го числа или в первую субботу после 15-го.
14. До удовлетворения предъявленных требований, выдачу харчей, за которые вычет уже произведен еще в декабре, не задерживать.
15. Уволить с должностей тех мастеров и служащих, которых рабочие укажут, составив на них отдельный список.
16. Не чинить препятствий в выборах отдельных старост, которых рабочие должны избирать не более как на трехмесячный срок, чтобы старосты не усвоили способов хищения». ²³

Вот с этими «требованиями» и пошли руководители и «активисты» стачки по рабочим казармам и не только по ним. К примеру, П.А. Мойсеенко даже решил «разведать, чем же дышат» прибывшие в Орехово-Зуево донские казаки. Согласно его воспоминаниям, он, как-то улучив момент, уселся на перила лестницы, которая располагалась как раз напротив «донцов» и повел, как бы не обращаясь ни к кому, речь «сам с собой». «Казак, — рассуждал я, — тихо, но чтобы меня слышали «служивые» — [это] вольный человек и в кабалу к купцу — охотно не пойдет; казаки — не та-

кие люди. Лишь смерть одна прикрепит казака к земле, да и тогда он землю рыть не будет и даже мертвый [он] волю не забудет... Но теперь [похоже] времена изменились,.. атаманы ихние — поглупели, как бабы от старости, разжирили как свиньи от лености, а о других не заботятся. Все слушают московского царя и толкуют о нарушении клятвы. А московский царь так пригрел казаков, что они и пикнуть теперь не посмеют. Забудьте [казаки] волю [свою], верную подругу и величайтесь рабством, как заслугою, и повинуйтесь прихотям московского царя, усмиряйте мирный народ... Нет, не тот казак называется, а тот казак, кто за народ сражается и добывает волюшку для черного народа». Завершивши свой «монолог», как пишет Моисеенко, он слез с перил и, прежде, чем идти прочь, бросил взгляд на казаков. А те, по словам Петра Анисимовича, стояли, глядя на него, и ухмылялись.²⁴

Не оставили без внимания организаторы стачки и женские артели и казармы. Посещая их, они знакомили женщин с «Требованиями рабочих», а ознакомив их с ними, убеждали работников стойко и решительно требовать претворения их в жизнь. При этом агитаторы на примерах из их жизни доказывали слушателям, как тяжело их положение и что оно значительно тяжелее, чем у рабочих-мужчин и что гнету и унижениям работницы подвергаются почти каждый день. Не забыли Моисеенко и Волков и казармы, располагавшиеся за линией железной дороги и именовавшиеся в народе «артелями холостых». Даже на суде было подчеркнуто, что перед «ораторским талантом Волкова не устояли даже те рабочие, которых администрация записала в число «усмирителей стачечников». Так, десятник «чернорабочих» В.Е. Зарайский показал следователям 10 января 1885 года, что «во все эти дни волнения рабочих... меж ними шли разговоры,.. главным начинщиком которых...был...ткач по имени Василий Сергеевич, а по прозвищу «Адвокат»,.. человек умнейший, знает все порядки и законы и говорит как по-писаному... Посмотреть на такого человека лестно. Сегодня, часов в 9 утра, я шел по своей работе на чугунок, где находятся рабочие казармы. Сзади меня шли двое рабочих: один из них сухощавый, с продолговатым лицом, кудрявый, с небольшой бородкой, а товарищ его — с рыжеватой небольшой бородой... Когда мы стали подходить к казарме...люди,.. увидя нас, сняли шапки и закричали: «Василий Сергеевич идет!»... Василий Сергеевич вошел с народом в нижний этаж казармы...Я зашел его послушать...из любопытства...Все слушали его внимательно...Затем весь народ пошел за ним в другую казарму».²⁵

11 января администрация фабрики снова вывесила «объявление» Морозова о том, что на предприятии не будет никаких изменений, что все на фабрике остается по-старому. Это известие еще более возбудило рабочих. Снова раздались угрозы, причем не только в адрес фабриканта и его администраторов, но и в адрес губернатора и «высших властей», которые продались «мироодам» и выступа-

ют с ними заодно. В этой, без преувеличения, сложной для руководителей стачки ситуации, последние поступили вполне разумно: собрались (П.А. Моисеенко, В.С. Волков, В.К. Загрядский, Ф.И. - Козлов, Г.А. Тарасов, Т.С. Яковлевич и др.) на совещание в трактире с.Зуево и обсудили план дальнейших своих действий. Получив известия о «сильном возбуждении народа», они закончили совещание и быстро разошлись по местам наибольшего скопления рабочих — к железнодорожному переезду и артельным казармам.

Не остались безучастными в сложившейся ситуации и власти. Губернатор, убедившись, что фабрикант не пойдет ни на какие уступки рабочим, отдал распоряжение оттеснить рабочих: одних — за железную дорогу, других — к казармам (по месту жительства), не пропуская ни тех, ни других обратно. Добившись выполнения своего приказа, он, расставив там и тут наряды и посты солдат и казаков, отправился сам, в сопровождении представителей губернской и уездной власти, офицерских чинов, к самому огромному скоплению рабочих, собравшихся у железнодорожного переезда. Приблизившись к ним, он крикнул толпе: «Довольно разговоров! Желающие работать, должны немедленно приступить! Нежелающие, должны получить расчет и не мешать [работать] другим!». В ответ на эти «предложения» губернатора рабочие закричали: «Никто не пойдет [работать]!.. Не согласимся с условиями Морозова!». В этом грозном шуме утонул голос губернатора. Когда толпа немного стихла, навстречу «его превосходительству» вышел рабочий Шелухин и от имени ткачей заявил ему: «На предложенные условия — никто не согласен». Вслед за ним вперед вышел В.С. Волков и подтвердил заявление Шелухина, но уже от имени рабочих всей фабрики. Вместе с этим заявлением, он передал губернатору письменные требования рабочих. Просмотрев их, последний передал «требования» прокурору. После этого, солдаты (по приказанию губернатора) оттеснили Волкова от рабочих и, окружив его, повели в главную контору. Видя себя, по сути дела, арестованным, Василий Сергеевич крикнул рабочим: «Нам с капиталистами разговаривать нельзя!.. Помните: один за всех... все за одного!». На этот призыв рабочие дружно ответили: «Берите всех [нас] Мы все одинаково виноваты!». ²⁶ Крича, они прорвали, несмотря на все усилия солдат, их оцепление и двинулись вслед за удалявшимися Волковым и Шелухиным. Основную же массу рабочих отрезали подоспевшие на помощь первым «охранникам» солдаты и казаки и штыками, и нагайками оттеснили толпу за линию железной дороги. В ходе этой «операции» власти арестовали еще 51 человека и под конвоем солдат отправили к главной конторе. Здесь арестованных (отказавшихся назвать свои имена и фамилии) переписали с «помощью табельщиков, смотрителей и других лиц фабричной администрации». В силу этого, фамилии и имена «бунтовщиков» были указаны (в большинстве своем) неправильно. Переписав их, власти поместили «заарестованных» в столовой, в

которой «харчевалась артель мальчиков». А чтобы «арестанты» не разбежались, к ним был приставлен караул, состоявший из солдат пехотного батальона.²⁷

Тот же, кто был отнесен солдатами и казаками к своим казармам, «все более озлоблялся» и был полон решимости «идти на приступ» и освободить (во чтобы то ни стало) «своих заарестованных товарищей». Эта решимость еще более возросла, когда у казарм появились П.А. Моисеенко и Т.С. Яковлев и призвали их пойти на выручку «своих собратьев». С призывом: «Пропадать, так всем пропадать! Все на выручку!», огромная масса рабочих двинулась к железнодорожному переезду. Однако там ее встретили солдатские штыки и казацкие нагайки. Но это не устрасило рабочих: они смело пошли на солдат и казаков. Во время этого противостояния, организаторам стачки удалось выяснить, что арестованные находятся в «Новом заведении». Узнав об этом, основная масса забастовщиков во главе с Моисеенко и Яковлевым, обойдя казацкий заслон, прорвалась за линию железной дороги, к «банным воротам» и проникла через них во двор «Нового заведения». Стоявшие там, у «своих казарм рабочие, тут же присоединились к освободительному отряду». С криками «Ура!» толпа набросилась на часовых, обезоружила их и освободила арестованных. Но на выходе из помещения, где находились арестованные, рабочие вновь столкнулись с солдатами, подоспевшими на помощь караулу. Однако оставшиеся на улице рабочие окружили солдат и вступили с ними в рукопашную схватку. Опрокинув растерянных и обезоруженных солдат, рабочие отошли к казармам. В этой схватке многие рабочие получили ранения, в том числе и П.А. Моисеенко, получивший удар штыком в грудь. Но, несмотря на ранения и увечья, рабочие торжествовали: 39 арестованных их товарищей были освобождены. Только Волкова и Шелухина среди них не было. Они были заточены в другом месте. Однако рабочие были полны решимости отыскать и освободить их.²⁸

Обо всем происшедшем в Никольском было тут же доложено губернатору. Примерно в 14 часов, он со своей свитой и охраной отправился осматривать «местечко». Он осмотрел место происшедшего столкновения рабочих с солдатами и казаками, а также побывал на железнодорожном переезде. И куда бы «его превосходитьство» ни прибывало, везде его встречали озлобленные рабочие. Не взирая на их вид, он продолжал убеждать рабочих «утихомириться» и разойтись. Однако в ответ ему летело только одно: «Освободите нам нашего Волкова!». Столкнувшись с «неуступчивостью забастовщиков», губернатор, выполняя (старательно и последовательно) «указания министра внутренних дел, вызвал в Никольское еще один батальон солдат и две сотни казаков.²⁹

К вечеру, организаторы стачки во главе с П.А. Моисеенко обсудили совместно с рабочими план своих дальнейших действий. Первое, что они наметили, было освобождение арестованных, ос-

тавшихся в здании главной конторы. Как только стемнело, рабочие двинулись к железнодорожному переезду. Отгеснив солдат и казаков, забастовщики разделились на две группы. Одна из них, прорвавшись через «Новое заведение», вышла на Никольскую улицу и по ней устремилась к зданию главной конторы. Путь другой группы к ней пролегал через «Старое заведение». Когда многотысячная толпа подступила — с двух сторон — к зданию главной конторы, ее встретили стянутые сюда начальством войска. Не взирая на них, рабочие приблизились к окнам конторы и громкими криками потребовали освобождения своих товарищей. Находившиеся в здании конторы начальство не стало, на этот раз, вступать в переговоры с забастовщиками. Когда они подступили к окнам, пытаясь взломать их и проникнуть через них внутрь здания, губернатор отдал приказ войскам: пустить в ход нагайки, а ружья взять наизготовку. Однако и это не устрасило стачечников: они продолжали наступать. В произошедшей схватке сильнее оказались военные, принудившие отступить «бунтовщиков». Воспользовавшись этой «передышкой», губернатор приказал отправить (под усиленным конвоем) Волкова на вокзал. Узнав об этом, честь рабочих бросилась туда, чтобы не допустить «посадку своего товарища на поезд», и освободить, таким образом, его из-под ареста еще до отхода поезда.³⁰

Однако задуманное (т.е. тот и другой планы), осуществить забастовщикам, увы, не удалось. Дело в том, что власти, предвидя и такие варианты освобождения Волкова, отправила на железную дорогу, вслед за ушедшими туда рабочими, чтобы освободить «оставшихся арестантов», две сотни казаков, которые нагайками расчистили «путь конвою». Другая же часть рабочих, сосредоточившаяся у вокзала, была разогнана солдатами и «полусотней казаков». Все это и способствовало тому, что В.С. Волков был «посажен на поезд» и отправлен во Владимирскую тюрьму.

«Неудачи» 11 января морально «ослабили» забастовщиков и, наоборот, «придали силы» властям, которые с утра, 12 января, начали «расправу с рабочими». Первый удар нанесен властями по казармам «холостных рабочих», являвшихся, по мнению губернатора, «наиболее решительными и упорными» в противостоянии с властями и администрацией фабрики. Арестовав их, власти пригнали «холостяков» на двор главной конторы. Здесь были отобраны, по усмотрению фабричной администрации, наиболее «зловредные лица», которых этапом и отправили на родину.³¹

Одновременно с «разбором с холостяками», солдаты и казаки окружили и другие рабочие казармы. Захваченных в них людей также пригнали на двор главной конторы, где с помощью табельщиков, смотрителей, «хожалых» и разных фабричных шпионов также были составлены списки «неблагонадежных». В их число попало 300 человек, которых, также как и «холостяков», тут же отправили по этапу на родину. В создавшейся ситуации руководите-

ли забастовки в срочном порядке собрались «на экстренное совещание», чтобы обсудить вопрос о «дальнейших мероприятиях по проведению стачки». На нем было единодушно поддержано предложение П.А. Моисеенко и Л.И. Абраменкова о «необходимости установить связь с революционерами Москвы». От них ореховозуевцы надеялись получить совет: как руководить в дальнейшем стачкой, а также — где и как найти стачечникам материальную поддержку, чтобы продолжить борьбу с фабрикантом. Для налаживания связи с москвичами Абраменков предложил использовать своего брата — Петра Ивановича, — «ныне проживающего в Москве». Наряду с этим предложением, обсудили организаторы стачки и вопрос о необходимости обращения забастовщиков в Петербург с тем, чтобы «высшая власть» прислала в Орехово-Зуево «особую комиссию», чтобы она разобрала возникший конфликт, возникший между рабочими и фабрикантом Морозовым. Ее присылка, по мнению участников собрания, будет свидетельством того, что «высшая власть» заботится о рабочих или же она докажет (не прислав свою «особую комиссию» в Орехово-Зуево), что в борьбе за свое освобождение от гнета и «мироедов» рабочие могут рассчитывать только на самих себя.³²

А тем временем наступившее воскресенье — 13 января — принесло новые заботы и забастовщикам, и властям. Первым было необходимо как-то отойти от субботнего «шока», вызванного отправкой В.С. Волкова во Владимирскую тюрьму, а также высылкой многих активных забастовщиков этапом на родину, а вторым — нужно было незамедлительно не только «закрепить» субботние успехи в «борьбе с бунтовщиками», но и «преумножить их в дальнейшем». Последнее для властей было особенно необходимым. Но сделать это было сложно, поскольку в воскресный день в Никольском всегда проводился базар, на который съезжалось отовсюду много народу. В условиях продолжавшейся забастовки на Морозовской фабрике, это грозило властям тем, что к ней, а точнее, «к бунтовщикам» могли «пристать рабочие соседних фабрик, пришедшие в Никольское на воскресный базар».³³

Чтобы не допустить этого, в селе, по приказанию губернатора, были усилены казачьи разъезды, увеличено число постов и солдатских патрулей. Все это дало возможность властям прервать на время сообщение между с. Орехово, где были торговые ряды и базар, и рабочим местечком Никольское. Одновременно с этим, войска, имевшиеся в распоряжении губернатора, начали проводить массовые облавы «забастовщиков», аресты наиболее «активных и упорствующих стачечников и их вожаков». Забегая чуть вперед, отметим, что только за один этот день было арестовано (по доносам «административных служащих» и разного рода «шпионов») «таковых лиц» — почти 200 человек, которые сразу же были отправлены «этапом» — через Владимир и Москву — на родину.

Проведенные 13 января «усмирительные мероприятия», заметно облегчили «работу» властей на следующий день, т.е. в понедельник, 14 января. В соответствии с приказом губернатора, войска оцепили в тот день все рабочие казармы. Административные служащие, обходя их в сопровождении солдат и казаков, силой — штыками и нагайками — выгоняли ткачей и прядильщиков на работу, не прекращая при этом арестовывать — по заранее составленному списку — «отказников» и «активистов», с последующим их отправлением по «этапу». Не выдержав такого силового давления (а главное — отсутствие продуктов питания), рабочие вынуждены были приступить к работе. Такими методами принуждения администрация фабрики пользовалась, естественно, при поддержке солдат и казаков, — вплоть до 15 января 1885 года. Все эти дни продолжалась и отправка забастовщиков по «этапу». Забегая несколько вперед, скажем, что эту «работу» власти и администрация фабрики продолжали до 23 января. Именно в этот день полицейский надзиратель П.А. Васильев доложил своим рапортом владимирскому губернатору, что «на [Морозовской] фабрике [все] благополучно,.. из числа остающихся под стражей трое — отданы под надзор полиции, один — заключен в тюрьму, и семь [человек] высланы на родину». Всего же, как явствует из справки губернатора, отправлено «этапом на родину» 601 человек. Из них отправлено 13 января во Владимир — 36 человек, в Москву — 93, 16 января — 82 и 220 человек соответственно и 21 января было отправлено в г. Покров 22 человека, а остальные — 148 человек — «этапом по родным местам».³⁴

«Успешные действия» властей «по пресечению беспорядков на фабрике Морозова» воодушевили ее администрацию, служащих, а особенно «шпионов и доносчиков». Кстати, последние и донесли «высшим властям», что на фабрике был, «кроме арестованного Волкова, еще один опасный для порядка руководитель стачки — ткач Моисеенко, который известен среди рабочих по кличке «студент», который не ночует в своей каморке, а скрывается у своего земляка, Луки Абраменкова, в деревне Ликино, на фабрике Смирнова». Эта информация фабричного «соглядатая» с должным вниманием была воспринята губернатором и начальником губернского жандармского управления полковником Фомицыным. Реагируя на нее, они срочно направили по указанному адресу «одного рабочего», знавшего в лицо П.А. Моисеенко, в сопровождении местного урядника и двух жандармов. В результате этого, один из «активистов» — Л.И. Абраменков — был арестован. Обыск на его квартире выявил обширную переписку хозяина квартиры и П.А. Моисеенко с политическими ссыльными, отбывавшими наказание в Сибири. Наличие данных писем Л.И. Абраменков объяснил полицейским просто: с П.А. Моисеенко он отбывал ссылку в Сибири (за участие в стачке 1879 года в Петербурге), где и познакомился с данными политссыльными.³⁵

«Высшие власти очень сожалели», что не удалось арестовать самого Моисеенко, «коего на момент облавы на квартире не оказалось». Но они удовлетворились тем, что обыск на квартире Абраменкова позволил установить его связь с «неким Аникием Агаповым, проживающим в Дрезне, коей получает письма из Сибири, присылаемые Петру Моисеенко и Луке Абраменкову». В силу «открывшихся обстоятельств», губернское начальство приказало Богородскому исправнику произвести у «вышеназванного Агапова обыск и, в случае надобности, арестовать его».³⁶

А таем временем ничего не подозревавший П.А. Моисеенко возвратился в ночь, с 17 на 18 января, в деревню Ликино и тут же был схвачен представителями фабричной администрации фабрики Смирнова и передан в руки жандармов, которые незамедлительно доставили арестанта в Никольское. Там в это время находился Петербургский обер-прокурор Добжинский. С арестом П.А. Моисеенко, власти — в лице обер-прокурора и владимирского губернатора Судиенко, посчитали свою задачу — «по наведению порядка на фабрике Морозова» — вполне выполненной. Об этом и доложил последний своей запиской, направленной на имя министра внутренних дел, графа Д.А. Толстого. «...С этих пор, — гласила она, — стачку [на Морозовской фабрике] можно считать законченной, а порядок [на ней] — восстановленным».³⁷

И, надо сказать, доля правды в таком заявлении губернатора была. Аресты, высылка участников забастовки этапом на родину, а некоторых — в тюрьму, естественно, не могли не отразиться на моральном состоянии рабочих. И, тем не менее, их боевой дух, настроенность и готовность продолжать борьбу «с мироедами», в частности, с фабрикантом Морозовым, уничтожить у рабочих уже было нельзя. Это, т.е. «непрочность победы властей» над стачечниками, вынужден был признать даже губернатор. Очередной раз докладывая министру внутренних дел о ситуации на Морозовском предприятии, он особо подчеркнул, что «хотя работы на фабрике начались [14 января], но шли [они] вяло; ... в слесарке работало [всего] несколько человек, [также] в красильном отделении, [всего] на фабрике работало] ... человек 600». Высызал господин Судиенко свое отношение и к арестам рабочих, как к мере наказания. «к сожалению, — писал он, — к этой мере толпа относится не только равнодушно, но и идет под арест весьма охотно. Арестуемые поют песни и весело вступают в отведенное для них помещение, встречаемые радостными возгласами находящихся там своих товарищей, задержанных прежде их. Похоже морозовские рабочие хорошо усвоили лозунг Волкова и Моисеенко: «Одни — за всех, все — за одного».³⁸

Не умолчал владимирский губернатор в свое докладе главе МВД и о причинах забастовки на Морозовской мануфактуре. «Поводом к прискорбным событиям, начавшимся 7 января, — констатировал Судиенко, — послужило то крайнее угнетение, которо-

му подвергаются рабочие, поступающие на [Морозовскую] фабрику... Поэтому озлобление рабочих отчасти справедливо... В силу этого,.. Морозов должен был пойти на уступки... Нам с прокурором хотя и удалось уговорить Морозова сделать некоторые уступки и льготы, но они.., к сожалению, весьма незначительны». ³⁹

Однако хозяин фабрики совсем не разделял мнения губернатора относительно причин забастовки на «его мануфактуре». Направляя свое прошение министру внутренних дел, он подчеркнул, что «беспорядки на Никольской мануфактуре продолжают иметь место, в силу чего, почтительнейше просили бы ваше сиятельство принять меры к прекращению оных», т.е. к прекращению забастовки на Морозовской фабрике. ⁴⁰ Иначе говоря, фабрикант был начисто лишен того оптимизма и оценок, которые звучали в докладах губернского начальства в высокие инстанции, относительно «беспорядков, учинившихся 7 января 1885 года на Никольской мануфактуре». Особенно не устраивало Морозова то, что губернские власти поддержали, по сути дела, требования стачечников к хозяину фабрики. Они же, исходя из докладной губернатора к министру внутренних дел, отправленной 19 января 1885 года, были вызваны: а) «уменьшением задельной платы с пасхи 1884 года на все роды производства почти на 20% ; б) сокращением уже пониженного заработка, штрафами и вычетами... в размере от 30-40% и низведениями оною таким способом до минимума, в большинстве своем не обеспечивающего удовлетворения насущных потребностей рабочих и их семейств; в) неоплатой прогулов по условиям до двух недель, происходящих не по вине рабочих, и, наоборот, строгим взысканием с них в случае опозданий и прогульных дней, случающихся по их вине; г) крайне притязательными требованиями фабричной администрации...». ⁴¹ И эти «требования рабочих» к фабриканту, как явствует из доклада губернатора главе МВД, признаны Судиенко (пусть негласно) — обоснованными. И этот «нелицеприятный (для фабриканта) вывод» (после которого Морозов «закусил, как говорят, удила») и не принял ни одного губернаторского предложения. Надо отдать должное Судиенко, он свои «доводы», отвергнутые Морозовым, подтвердил целым рядом примеров. В частности, работы на Морозовской фабрике, как и раньше, производились на протяжении «полных суток» — посменно. «Дневные работы, — свидетельствовал губернатор, — начинались с 5 часов утра и оканчивались в 8 часов вечера, с двумя перерывами: утром с 8 до 8 часов 30 минут — на завтрак и с 12 до 13 часов 30 минут — на обед и отдых. Размер же заработной платы рабоче-го, подчеркивал губернатор, никак не соизмерялся с продолжительностью рабочего дня. Он всецело зависел от «качества материала, рода и сорта фабрикатов», а также от расценок за труд, который с 1 октября до пасхи расценивался по одним нормативам, а с пасхи до 1 октября — по другим. Словом, подводил итог губернатор всему происшедшему на Морозовской фабрике, положение

рабочих (за исключением «прощенных штрафов» за время забастовки) осталось таким же, каким оно было до 7 января 1885 года, т.е. до начала стачки. И еще одну деталь не смог обойти в своем докладе главе МВД владимирский губернатор. Это то, что правление товарищества «Никольская мануфактура» так и не пришло к пониманию, что ему необходимо «смягчить притязательность своих требований,.. относительно к рабочему люду несколько человечнее, а... не преследовать одну единственную цель — наживу». ⁴²

И в этой связи, опять-таки, нельзя не отметить (при всей тенденциозности губернаторского доклада в целом) определенную, но вполне справедливую оценку деятельности руководителей стачки, их тактичность в ходе переговоров с руководством фабрики. «Во время переговоров, — докладывал по инстанции Судиенко, — толпа рабочих, при всем своем озлоблении против начальства, вела себя по отношению к нему (т.е. Морозову — Н.М.), к нам (т.е. к представителям губернии — Н.М.) крайне сдержанно и почтительно». ⁴³

Иначе говоря, анализ документальных источников, вышедших из-под пера чиновников властных структур всех уровней дает основания утверждать, что даже царские чиновники вынуждены были признать (в беседах и «откровенных разговорах»), что требования рабочих были а полной мере «справедливыми». «Беда людей, их выдвинувших, — заключали они, — состояла в том, что те, кто мог разрешить возникшую между рабочими и фабрикантом проблему, не хотели решать ее. Потому-то Морозов, опираясь на эту «несогласную поддержку верхов», вел себя адекватно ей: не уступил стачечникам почти ни по одному пункту их требований, а выход из создавшейся на фабрике ситуации он видел (да и не только фабрикант, но и глава МВД и даже царь) в подавлении бунта на его предприятии «силовыми методами». Солидаризируясь с ним, министр внутренних дел слал телеграмму за телеграммой губернатору о требовании перебросить войска из Москвы. Командующему же Московским военным округом главой МВД было дано прямое указание: «Послать на фабрику Морозова войска, сколько потребует владимирский губернатор». ⁴⁴ Характерно в этом плане и другое распоряжение графа Д.А. Толстого, отправленное им владимирскому губернатору. «Участвующих рабочих (читай стачечников), — гласило оно, — весьма полезно выслать этапным порядком.., к отказавшимся от работы — применять военную силу... Меры эти, — продолжал откровенничать граф Толстой, — очень хорошо помогли во время беспорядков в Московской губернии, происходивших там еще до Морозовской стачки». ⁴⁵

Таким образом, целенаправленные действия властных структур всех уровней содействовали «подавлению силовыми методами» стачки рабочих на Морозовской мануфактуре. Чтобы «обескровить силы бунтовщиков», немалая их часть «этапом была отправлена на родину». ⁴⁶ И хотя стачка орехово-зுவцев потерпела поражение, фабриканты, тем не менее, запомнили ее, причем на-

долго. Во избежание подобных «эксцессов» на своих предприятиях, многие хозяева пошли на уступки своим рабочим. Вынуждено было отреагировать на Морозовскую стачку и царское правительство, ибо требования орехово-зுவцев касались рабочих не одного, какого-либо отдельно взятого предприятия, а большинства рабочих страны. Не по этой ли причине была весьма характерной реакция царя, когда ему доложили 20 января 1885 года, что порядок на Морозовской мануфактуре восстановлен, без каких-либо уступок рабочим. Услыхав такое сообщение, последний, как явствует из документа, облегченно вздохнул и наложил на документ, сообщивший ему такую весть, следующую резолюцию: «Дай бог, чтобы так и продолжалось».⁴⁷

Вместо заключения

Однако, как показали дальнейшие события, так долго продолжаться то, что так обрадовало царя), увы, не могло, ибо орехово-зுவские ткачи, хотели того власти или нет, но преподали достойный урок всем рабочим России. «Морозовская стачка, — писал по этому поводу в свое время В.И. Ленин, — произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидело, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих прямо выставляет свои требования».¹ И, надо сказать, его предвидение полностью оправдалось, поскольку Орехово-Зувская стачка положила начало рабочим выступлениям, участники которых стали выдвигать общие для них экономические требования. Теперь, по образу морозовцев, руководство забастовками стали брать в свои руки передовые и наиболее подготовленные рабочие. В ходе противостояния рабочих с хозяевами предприятий у них стало укрепляться их солидарность и организованность. Все это вместе взятое стало делать выступления рабочих против предпринимателей все более широкими и наступательными. Это в полной мере проявилось в стачке рабочих на подмосковной фабрике Зиминых, вспыхнувшей 10-12 января 1885 года. Ее участники выдвинули почти такие же требования, которые предъявили своему хозяину орехово-зувцы. Опыт последних прошел, как показали дальнейшие события, не без «пользы» для Зиминых: фабриканты пошли, пусть не на значительные, но уступки рабочим.²

Опыт зимиинцев воодушевил рабочих столичных предприятий. Спустя несколько дней после их стачки, на борьбу со своими хозяевами поднялись ткачи Даниловской мануфактуры, затем рабочие московских заводов: латунного, чугунолитейного, Берда, Путиловского рельсового и механического. Стачечники московских предприятий выдвинули перед своими предпринимателями требования, аналогичные тем, с которыми выступили орехово-зувцы.³

Эстафету нежелательных для властей москвичей и рабочих Московского уезда (в январе 1885 года здесь активно выступили рабочие Измайловской бумагопрядильной фабрики) подхватили весной того же года рабочие Тверской и Владимирской губерний. Особый размах стачечной борьбы в них пришелся на осень 1885 года. Чтобы сбить эту волну, власти вынуждены были прибегнуть к силе: рабочие забастовки часто подавлялись с помощью солдат.⁴ Но, несмотря на принимаемые меры, властям не удалось погасить «пожар» стачечной борьбы, зажженной орехово-зувскими ткачами. И вполне справедливо писала в те дни газета «Голос Москвы», что «Морозовскую стачку не следует рассматривать как единичное явление, ее надо рассматривать как звено громадного движения рабочих, охватившего за последнее время русские фабрики и коснувшегося почти всех центров нашей фабричной жизни».⁵

Новая волна стачечного движения в Центральном промышленном районе поднялась весной 1886 года и была связана с судом над орехово-зுவцами. Как известно, суду было предано 33 рабочих, в том числе П.А. Моисеенко, В.С. Волков и Л.И. Иванов. Этот, второй судебный процесс проходил в мае 1886 года во Владимире. В ходе судебного разбирательства вскрылись факты чудовищного притеснения рабочих на фабрике, что присяжные заседатели вынуждены были вынести всем, кто был привлечен к судебной ответственности за участие в стачке, оправдательный приговор. Присяжным, как известно, были предложены 101 вопрос о «виновности» обвиняемых. На каждый из них они дали отрицательный ответ. Подобный вердикт, естественно, поверг в ярость монархистов и всерьез обеспокоил фабрикантов. Но, несмотря на оправдательный приговор, руководители стачки на Никольской мануфактуре — П.А. Моисеенко и В.С. Волков — на свободу не вышли. Их выслали, по распоряжению министра внутренних дел, графа Д.А. Толстого, в административном порядке.⁶

Демократическая Россия с сочувствием отнеслась к выступлению орехово-зувцевских рабочих. Их выступление, по мнению В.И. Ленина, явилось не только важной вехой в российском рабочем движении, но и началом новейшей истории в нем.⁷ Своими требованиями орехово-зувцы выразили не только свои интересы, но и интересы всего российского пролетариата. Наконец, стачка, вспыхнувшая в январе 1885 года на Никольской мануфактуре, без преувеличения, стала по своему размаху, организованности, сплоченности и пролетарской солидарности не только выдающимся событием тех лет, но и по праву обрела важное политическое значение в условиях, когда реакция, казалось бы, уже задавила все способное, что было в состоянии выразить хотя бы мало-мальский протест.⁸

Морозовская стачка существенно катализировавшая развитие рабочего движения в России в целом вынудила царское правительство обратить свое внимание на проблему — фабрикант — рабочие, на некоторую регламентацию отношений между ними. Их в полной мере определил закон, увидевший свет 3 июня 1886 года, рождение которого всецело было связано с Морозовской стачкой. С его выходом было регламентировано взимание штрафов, максимальный размер которых не должен был превышать треть заработка рабочего, запрещена расплата с рабочими купонами вместо денег, а также товарами, хлебом и др. Расширил закон 3 июня, причем значительно, и права фабричной инспекции, которой отныне принадлежало право утверждения правил внутренне-го распорядка, как на предприятии, так и в казармах. Получили рабочие, в соответствии с законом, и право жаловаться на хозяина и фабричную инспекцию. Свои жалобы и прошения рабочие обязаны были подавать, в созданные, опять-таки, в соответствии с законом 3 июня, «коллегияльные губернские присутствия по фабричным делам».

Но расширяя права и обязанности рабочих, закон 3 июня, в то же время предусматривал «значительную уголовную ответственность» за участие работников в стачках и особенно за «руководство ими».

Закон 3 июня 1886 года, инициатором разработки которого был министр финансов Н.Х.Бунге, явившийся, по мнению, фабрикантов, уступкой правительства рабочим вызвал откровенное недовольство предпринимателей. Это обстоятельство понудило Бунге уйти в отставку. Но она для них не имела никакого принципиального значения, поскольку они уже нашли пути и возможности обходить «ненавистное им фабричное законодательство». Но, несмотря на «отдельные огрехи», закон 3 июня 1886 года, без преувеличения, стал значительным завоеванием рабочих, и в первую очередь, ткачей, прядильщиков и «иных работников Морозовской фабрики, ибо он был отвоеван у правительства объединенной борьбой сознательных рабочих масс, показавших на деле, что, когда они объединены, сплочены и действуют «сообща», то они являют собой громадную силу.

Примечания

Введение

1. Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. 2-е издание — Т.19. — С.120
2. Подробнее от этом. См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России. — Полн.собр.соч. (ПСС). — Т.3.
3. Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — Т.16. — С.67.
4. Ленин В.И. ППС. — Т.1. — С.194.
5. Там же. — Т.16. — С.417.
6. Там же. — Т.3. — С.582.
7. Там же. — Т.39. — С.16; -Т.3. — 504.
8. Там же. — Т.4. -С.158-160, 182-183, 218-219.
9. Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. Т.23. — С.365.
10. Ленин В.И. ПСС. — Т.25. — С.100-101.

I. История Морозовской мануфактуры

1. Маркс К. Капитал. Партиздат, 1932. — С.572.
2. Советский энциклопедический словарь/А.М.Прохоров. — М., 1984. — С.856.
3. Морозовская стачка. 1885-1935. Сборник статей, документов и воспоминаний. — М., 1935. — С.35.
4. Советский энциклопедический словарь... — С.856.
5. Морозовская стачка... — С.56.
6. Там же.
7. Там же. — С.37.
8. Там же.
9. Там же.

2. Условия труда и быта на Морозовских предприятиях

1. Морозовская стачка. 1885-1935. Сборник статей, документов и воспоминаний. — М., 1935. — С.38.
2. Там же. — С.39.
3. Там же.
4. Там же. — С.40.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Рабочий класс России от зарождения до начала XX. — М.: Наука, 1989. — С.345.
10. Там же.
11. Там же.
12. Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. — М., 1897. — С.248-249.

13. Рабочий класс России... — С.325.
14. Погожев А.В. Фабричный быт в Германии и в России. — М., 1882. — С.53.
15. Янжул И.И. Фабричный быт Московской губернии. — М., 1884. — С.126-129.
16. Толстой Л.Н. Полн. СОБР. Соч. — М., 1938. — 83. — С.488.
17. «Русское богатство». 1904. — №4. — С.5.
18. Рашин А.Г. Формирование промышленного пролетариата в России. — М., 1940. — С.204.
19. Рабочий класс России... — С.277.
20. «Южно-русский альманах». — Одесса, 1902. — С.38.
21. Блахин. Жизнь фабричного рабочего//Библиотека для чтения. — СПб., 1862. Июнь. — С.62.
22. Рабочий класс России... — С.343.
23. Морозовская стачка... — С.41.
24. Там же.
25. Рабочий класс России... — С.344.
26. Морозовская стачка... — С.41.
27. Рабочее движение в России в XIX в. В 4т. — М., 1950. — Т.2. — С.585.
28. Морозовская стачка... — С.42.
29. Эрисман Ф.Ф. Санитарное исследование фабричных заведений Московского уезда//Сборник статистических сведений по Московской губернии. — М, 1881. — т.3. — Вып.1. — С.181-185.
30. Рабочий класс России... — С.315.

3. Подготовка к стачке

1. Рабочий класс России от зарождения до начала XX. — М.: Наука, 1989. — С.364.
2. Там же.
3. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. — Т.6. — С.30.
4. Рабочее движение на Ярцевской фабрике в 1880-1917 гг. Сборник документов. — Смоленск, 1956. — С.5-7, 37 и др.
5. Морозовская стачка. 1885-1935. Сборник статей, документов и воспоминаний. — М., 1935. — С.23.
6. Рабочий класс России... — С.371.
7. Никольская мануфактура Т.С.Морозова находилась в местечке Никольском, у станции Орехово, Московско-Нижегородской железной дороги.
8. Морозовская стачка... -С.24.
9. Там же.
10. Там же.
11. Советская историческая энциклопедия. — М., 1966. — Т.9. — С.551.
12. Подробнее об этом. См.: Воспоминания П.А.Моисеенко. — М., 1924.

13. Морозовская стачка... — С.43.
14. Моисеенко П.А. Воспоминания о стачке 1885 года. Речь на вечере, посвященном 38-ой годовщине Морозовской стачки. — «Путь к Октябрю». Вып. II. 1923.
15. Там же.
16. Там же.
17. Морозовская стачка... — С.44.
18. Богородско — Глуховская мануфактура была основана в г.Богородске (с 1930 г. — г. Ногинск) в 1847 г.
19. Морозовская стачка... — С.44.
20. Дмитриев С.С. Хрестоматия по истории СССР. — Т.3. — М., 1948. — С.483.
21. «Вестник Европы». — № 5. 1871 г.
22. Воспоминания П.А.Моисеенко. — М., 1924. — С.61-67.
23. Морозовская стачка... — С.45.
24. Дмитриев С.С. Указ. Соч. — С.484.
25. Там же.
26. Воспоминания П.А.Моисеенко... — С.65.
27. Дмитриев С.С.Указ. соч. — С.484.
28. Там же.
29. Там же.
30. Морозовская стачка... — С.46.

4. Начало стачки и ее развитие

1. Морозовская стачка. 1885-1935. Сборник статей, документов и воспоминаний. — М., 1935. — С.47.
2. Дмитриев С.С. Хрестоматия по истории СССР. — Т.3. — М., 1948. — С.484.
3. Там же.
4. Морозовская стачка... — С.77.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же. — С.78.
8. Там же. — С.48.
9. Там же.
10. Там же. — С.48.
11. Там же.
12. Там же. С.48-49.
13. Там же. — С.49.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. — С.50.
17. Там же.
18. Там же.
19. Дмитриев С.С. Указ.соч. — С.485.
20. Морозовская стачка... — С.52.

21. Там же. — С.51.
22. Требования Морозовских рабочих, разработанные П.А.Моисеенко и В.С.Волковым. См.: Морозовская стачка 1885 г. — М., 1925. — С.49-50.
23. Там же.
24. Морозовская стачка... Сб. док-тов... — С.54.
25. Там же. — С. 55.
26. Там же. — С.56.
27. Там же.
28. Там же. — С.57.
29. Там же.
30. Там же. — С.58.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же. — С.59.
34. Там же.
35. Дмитриев С.С. Указ.соч. — С.484.
36. Морозовская стачка... Сб. док-тов... — С.60.
37. Там же.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же.
41. Там же. — С.91.
42. Там же. — С.93.
43. Там же. — С.94.
44. Там же. — С.60.
45. Там же.
46. Толоконский Н.И. Орехово-Зуевская стачка 1885 г. — М., 1956. — С.87.
47. Морозовская стачка... Сб. док-тов... — С.61.

Вместо заключения

1. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. — Т.2. — С.23.
2. Рабочий класс России от зарождения до начала XX. — М.: Наука, 1989. — С.395.
3. Там же.
4. Иванова Н.А. Рабочее движение в Центральном промышленном районе в 70-х — начале 90-х гг. XIX в. // Морозовская стачка 1885 г. И рабочие Центрального промышленного района России в конце XIX — начале XIX в. — М., 1984. — С.73-81.
5. История СССР. XIX — начало XX вв. — М., 1981. — С.239.
6. Рабочий класс России... — С.394.
7. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. — Т.9. — С.250.
8. Рабочий класс России... — С.394.

Источники и литература

1. Блахин. Жизнь фабричного рабочего//Библиотека для чтения. — СПб., 1862. Июнь.
2. «Вестник Европы». — № 5. 1871 г.
3. Воспоминания П.А.Моисеенко. — М., 1924. 214 с.
4. Гордон М. Очерк экономической борьбы рабочих в России: Из истории волнений и забастовок. — Л., 1925. 200с.
5. Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. — М., 1897.
6. Дмитриев С.С. Хрестоматия по истории СССР. — Т.3. — М., 1948.
7. Иванова Н.А. Рабочее движение в Центральном промышленном районе в 70-х — начале 90-х гг. XIX в.//Морозовская стачка 1885 г. И рабочие Центрального промышленного района России в конце XIX — начале XIX в. — М., 1984. — С.73-81.
8. Из истории развития металлургической промышленности Москвы. 1883-1932 гг. Документы и материалы. — М.,1981. 221с.
9. История России. 1861-1917. — М, 1998.
10. История СССР. XIX — начало XX вв. — М., 1981.
11. Кириянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. — М., 1979. 288с.
12. Лаврычев В.Я., Соловьева А.М. Боевой почин российского пролетариата: К 100-летию Морозовской стачки 1885 г. — М., 1985. 270 с.
13. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн.собр.соч. — Т.3. — С.1-609.
14. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократии? // Полн. собр. соч. — Т.1. — С.125-346.
15. Ленин В.И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах.//Полн. собр. соч. — 2. — С.15-60.
16. Ленин В.И. Царскому правительству//Полн.собр.соч. Т.2. — С.111-116.
17. Ленин В.И. О стачках // Полн.собр.соч. — Т.4. — С.156-160, 182-183, 218-219, 288-298.
18. Ленин В.И. Проект нового закона о стачках // Полн. собр. соч. — Т.6. — С.399-408.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Анкета для рабочих // Соч. 2-е издание — Т.19. — С233-240.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономики // Соч. — Т.23. — С.1-784.
21. Моисеенко П.А. Воспоминания о стачке 1885 года. Речь на вечере, посвященном 38-ой годовщине Морозовской стачки. — «Путь к Октябрю». Вып. II. 1923.
22. Морозовская стачка. 1885-1935. Сборник статей, документов и воспоминаний. — М., 1935. 104 с.

23. Морозовская стачка 1885 г. и рабочие Центрального промышленного района России в конце XIX — начале XX в. — М., 1984. 249 с.
24. Погожев А.В. Фабричный быт в Германии и в России. — М., 1882.
25. Пробуждение: К 100-летию Морозовской стачки. 1885-1985. — М., 1984. 128 с.
26. Рабочее движение в России в XIX в. В 4т. — М., 1950. — Т.2.
27. Рабочее движение на Ярцевской фабрике в 1880-1917 гг. Сборник документов. — Смоленск, 1956. 95 с.
28. Рабочий класс России от зарождения до начала XX. — М.: Наука, 1989.
29. Рашин А.Г. Формирование промышленного пролетариата в России. — М., 1940.
30. «Русское богатство». 1904. — №4.
31. Советская историческая энциклопедия. — М., 1966. — Т.9. — С.551.
32. Советский энциклопедический словарь/А.М.Прохоров. — М., 1984. — С.856.
33. Стачки: История и современность. — М., 1978. 344 с.
34. Столпянский П.Н. Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования. 1704-1914 гг. — Л., 1925. 199 с.
35. Толоконский Н.И. Орехово-Зуевская стачка 1885 г. — М., 1956. 128 с.
36. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. — М., 1938.
37. Трофимов А.С. Рабочее движение в России. 1861-1894. — М., 1957. 200 с.
38. Эрисман Ф.Ф. Санитарное исследование фабричных заведений Московского уезда//Сборник статистических сведений по Московской губернии. — М, 1881. — т.3. — Вып.1. — С.181-185.
39. «Южно-русский альманах». — Одесса, 1902.
40. Янжул И.И. Фабричный быт Московской губернии. — М., 1884. 144 с.

Приложения

Приложение 1

1. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 80-х ГОДОВ. ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИС НАЧАЛА 80-х ГОДОВ

Промышленный подъём конца 70-х годов, связанный с благоприятным влиянием хороших урожаев 1877-1879 гг. и ростом заказов в связи с русско-турецкой войной 1877-1878 гг., сменился с начала 80-х годов кризисом, а потом длительным застойным состоянием. Промышленный кризис 80-х годов в России был тесно связан с западноевропейским кризисом 1882 г., а также с сокращением железнодорожного строительства в России и начавшимся с конца 70-х годов затяжным кризисом в русском сельском хозяйстве, продолжавшимся до середины 90-х годов.

Кризис очень тяжело отразился на положении рабочего класса. Всю тяжесть кризиса капиталисты старались переложить на плечи рабочих; капиталисты сокращали заработную плату, удерживали от 20 до 50% её с помощью штрафов, понижали расценки.

Ниже приведены отрывки из статьи «Хроника рабочего труда в России», принадлежащей перу С.А. Приклонского, известного публициста того времени, нередко писавшего о быте рабочих.

(«Дело». № 1. 1883. — С. 53-61, 73-82.)

...Зимой 1880—1881 гг. рабочие, во всех отраслях промышленности, были поставлены в самое бедственное положение. В Петербурге крупные заводы, особенно механические, стали распускать рабочих. Механическое производство у нас преимущественно поддерживалось казёнными заказами, которые теперь значительно уменьшились, а от этого сократилось и самое производство. Так, например, на огромном заводе Берда, где прежде работало 3-4 тысячи человек, теперь осталось 1000 рабочих; на Александровском заводе вместо 800 осталось 350 рабочих; на Сампсониевском, вместо 1200-1500, только 450 человек; на заводе Нобеля, вместо 900-1200, около 600; на остальных механических заводах точно так же произошло значительное уменьшение числа рабочих. Вообще миллионные обороты заводов сократились почти наполовину...

...В Москве и Московской губернии, где фабричное производство развито более всех остальных местностей России, застой в промышленности начался ещё весной 1880 года. Сначала уменьшалась заработная плата, которая в особенности сильно упала после Нижегородской ярмарки, а затем зимой 1880-1881 гг. начался роспуск рабочих. Мелкие фабриканты не в силах были выдерживать тяжёлого застоя в промышленности и были вынуждены закрыть свои фабрики...

...Во Владимирской губернии застой в промышленности поставил в самое бедственное положение как фабричных работников, так и кустарей, находящихся в тяжёлой зависимости от крупных фабрикантов... В знаменитом фабричном городе Иваново-Вознесенске к январю

1881 г. уже было рассчитано хозяевами и оставалось без работы и без куска хлеба не менее 3 процентов рабочего населения, составляющего здесь целые десятки тысяч. В другом промышленном городе Владимирской губернии, в Шуге, фабриканты всевозможными средствами старались сократить заработную плату. Никогда ещё штрафы на фабриках не достигали такого развития, как в эту зиму. Например, на одной фабрике штрафовали за всё, — и за то, что челнок вылетит из станка, и за то, что зубец сломается на шестерне и пр.; наконец, штрафы дошли до того, что, несмотря на безработицу, рабочие все до одного потребовали расчёта...

...В Смоленской губернии... на известной Ярцевской фабрике Хлудова, в Духовщинском уезде, к 1 января 1881 г. уже две тысячи рабочих получили расчёт и оставили фабрику, крайненедовольные мерами, принятыми фабричною администрациею с целью сокращения заработной платы...

...В Костромской губернии, зимою 1880—1881 гг., фабриканты сократили число рабочих на одну треть...

...В Черниговской губернии... посад Клинцы служит центром южнорусского сукноделия. На здешних 12 суконных фабриках, с производством на сумму до 3 млн. руб. ежегодно, работают около 5 тысяч человек. Конец 70-х годов был временем наибольшего оживления суконной промышленности вследствие громадных казённых заказов на сукна по случаю военного времени... Но затем, в 1880 г., наступила тяжёлая безработица по случаю застоя в промышленности. Ночная работа на фабриках прекратилась; две фабрики сгорели, оставив без работы до 1500 рабочих; на других фабриках число рабочих уменьшено на $\frac{2}{3}$, а заработная плата сокращена на 30 и даже 50%. Это обстоятельство, в связи с чрезвычайной дороговизной повело к переполнению рынка рабочими руками...

...На фабриках в Тверской губернии точно так же последовало весьма значительное сокращение числа рабочих и уменьшение заработной платы. Так, например, в Твери на фабриках Морозова и Берга, часть рабочих была распущена, а остальным сокращена заработная плата на 20% ...

...В Саратове заработная плата упала до того, что здоровый, сильный рабочий, работая с раннего утра до позднего вечера, едва мог приобрести в день 15-25 коп. и редко 30-45 коп.

Множество работников бродило по городу, нигде не находя заработка. Винокуренные и маслобойные заводы, пользуясь чрезмерным предложением рабочих рук, нанимали рабочих по 4-5 руб. в месяц на хозяйских харчах. Вскоре цены на труд были сбиты до такой степени, что рабочие стали наниматься по 2 руб. в месяц на хозяйских харчах. Затем начались случаи найма рабочих из-за одних хозяйских харчей. Наконец, наниматели стали уменьшать расходы на пищу для рабочих: прежде кормили их щами и кашею, а теперь кашу заменили картофелем. При всём том, вследствие всеобщей бедности и отсутствия спроса, производство сократилось до такой степени, что многие заводы должны были закрыться...

...Знаменитые Мальцевские заводы, находящиеся в губерниях: Орловской, Калужской и Смоленской, также не избежали горькой участи, на которую было обречено промышленное производство зимою 1880-1881 гг. На Мальцевских заводах находится 13 380 постоянных рабочих, считая в том числе женщин и детей, да сверх того 16 580 рабочих временных... Работы на Мальцевских заводах были значительно сокращены, и много рабочих было распущено...

...После значительного сокращения работ и понижения заработной платы зимою 1880-1881 гг. положение рабочих, занятых неземледельческою промышленностью, нисколько не улучшилось до настоящего времени... Так, в Петербурге, в конце 1880 г., на фабриках и заводах считалось рабочих 78194 человека. Летом 1881 г. это число рабочих уменьшилось на 5440 человек. Рабочие отпускались с заводов и фабрик целыми тысячами. Например, Обуховский пушечно-литейный завод распустил 1000 человек; по корабельному отделению чугунолитейного завода Берда распущено 1000 рабочих и оставлено только сто человек. На Балтийском заводе Макверзена рабочие постоянно жаловались, что заводская администрация не выдаёт им сполна заработанные деньги. Вместе с тем, на фабриках и заводах заработная плата постепенно понижалась, несмотря на ужасную дороговизну...

...В Одессе, летом 1881 г., последовало сильное сокращение заработков. Весною некоторые паровые мукомольные фабрики прекратили работы до нового урожая, т. е. до приобретения новой пшеницы в августе и сентябре. Многие фабриканты рассчитали на эти 2-3 месяца всех рабочих, а служащим убавили жалованье — кому на 30%, а кому — на 50%...

...Начиная с весны 1881 г., последовало сокращение работ на фабриках и заводах в Царстве Польском. Застой в торговле и промышленности заставил многие большие фабрики в Варшаве значительно сократить производство; например, железная фабрика Лильпопа, Рауи Левенштейна весной 1881 г. отказала в занятиях целой тысяче рабочих. Летом 1882 г. в Варшаве оставались без заработка около 20 000 рабочих...

...В местечке Ружанах, Гродненской губернии, суконные фабрики остановились с 1881 г. по случаю крайнего зстоя в торговле; много рабочих осталось без заработка и принуждено выпрашивать подаяние. В Белостоке, в том же году, рабочее население было поставлено в самое тяжёлое положение. Дороговизна почти на все предметы потребления увеличивалась почти с каждым днём, а в то же время фабрики, одна за другою, уменьшали свою деятельность и тысячи рабочих оставались без занятий и без средств к жизни.

В Московской губернии, во весь описываемый нами период времени, продолжался застой в промышленности и, вместе с тем, шло постепенное сокращение рабочего заработка... В течение прошлого года, вплоть до последнего времени, заработная плата на фабриках всё продолжала понижаться, так что, наконец, упала на 40—50% сравнительно с прежними годами. В 1878 и 1879 гг. за выработку куска плотного тикю в 58—60 аршин фабриканты платили от 3 руб. до 3 руб.

40 коп., теперь же не более 1 руб. 60 коп. Более лёгкие бумажные ткани: камлот, серпянка и другие оплачивались прежде 2—2¹/₂ коп. с аршина, а теперь ткань их ценится по 1 с четвертью до полутора копеек с аршина. Вместе с таким чрезмерным понижением скудного заработка цены на предметы первой необходимости и не понизились, а, напротив, возрастали сравнительно с прежними годами...

...В прошедшем году положение гончарно-фарфоровой промышленности в Гжели выяснилось в следующем виде. Одни из фабрикантов, как например, Храпунов-Новый и Курин, благодаря данным им значительным заказам получили возможность расширить свои дела; другие же фабрики были обречены на застой вследствие отсутствия спроса на рынках и вынуждены постепенно сокращать своё производство. Когда-то небызвестные заводы Б орд пи на и Аксёнова совсем приостановлены; другие начинают рассчитывать рабочих за ненадобностью. То же самое сокращение производства на фабриках заметно и в других местах Московской губернии. Так, в начале 1882 г. с завода Струве, в Коломенском уезде, было отпущено 1000 рабочих и ожидался роспуск, за недостатком дела, остальных тысяч рабочих. В Дмитровском уезде положение фабричных работников дошло до последней крайности. Наибольший возможный для простого рабочего заработок не превышает 20 руб. в месяц, но из этого числа различными способами переходит в карман хозяина около ²/₃. Вообще на фабриках Дмитровского уезда заработная плата уменьшается и численность рабочих сокращается.

Не в лучшем положении находятся рабочие во Владимирской губернии... В Иваново-Вознесенске положение многочисленных фабричных работников нисколько не улучшилось по окончании голодной зимы 1880—1881 гг... Мало того, зимой прошлого года многие рабочие на ивановских фабриках частью оставались без работы, частью испытывали значительное сокращение заработков. Так, например, фабрикант Грезон закрыл фабрику и распустил около двухсот рабочих, не дождавшись срока найма и даже не предупредив заблаговременно рабочих о закрытии фабрики. На фабрике Дербеневых заработок занимающихся здесь пятисот ткачей сильно сократился оттого, что фабрикант закупил, ради дешевизны, плохие основы, которые требовали от ткачей более усиленного внимания при работе и постоянно замедляли её, отчего и сдельная плата сокращалась. Сверх того, гнилые основы, постоянно обрываясь, при всём внимании со стороны рабочих, всё-таки давали такие неровности в ткани, за которые, по фабричным правилам, произвольно введенным фабричною администрациею, из рабочего заработка вычитается штраф. Благодаря всему этому заработок на фабрике Дербеневых сократился до такой степени, что почти не из-за чего стало работать. На ткацкой фабрике наследников Зубкова был поставлен новый цилиндр, оказавшийся очень плохим, так что он то останавливался, то шёл чересчур тихо или очень быстро. При таких неровностях в ходе цилиндра всякий раз происходила остановка в работе ткачей, а вследствие этого и сдельная плата их убавилась наполовину. На фабрике Гречина с лишком двести рабочих были наня-

ты подённо, по 50 коп. в день, так как никто из них не соглашался наняться сдельно, по существующим на других фабриках ценам, потому что фабричные машины были плохо приспособлены к работе. Между тем, когда на всех фабриках наём рабочих окончился, так что нанявшимся у Гречина рабочим невозможно было оставить у него работу и перейти к другим фабрикантам, тогда он объявил своим рабочим, что будет рассчитывать их не подённо, как было условлено ранее, но сдельно, по существующим на других фабриках ценам. Подобными недобросовестными действиями фабрикантов заработная плата в Иваново-Вознесенске была доведена до последней возможной степени понижения.

В особенно жалком положении оказались в 1881 и 1882 гг. рабочие казённых заводов. Так, например, на оружейном заводе в Туле было произведено значительное сокращение работ, причём рассчитано за ненадобностью 3000 рабочих. Только небольшая часть уволенных рабочих нашла себе занятие на патронном заводе... На известном казённом Луганском литейном заводе в 1882 г. наступила страшная безработица; много рабочих рассчитано; между ними происходят какие-то волнения, вследствие чего заводское начальство опасается за своё спокойствие. В Петрозаводске работы на казённом пушечном заводе значительно сократились, заработок упал, и при чрезмерно усилившейся дороговизне рабочее население города поставлено в самое тяжёлое положение...

Приложение 2

БЫТ ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ в 80-х годах

Отрывки из воспоминаний А.С. Шаповалова(1871-1942), рабочего-металлиста, старого большевика, члена «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с 1895 г.

Тяжёлый и грубый быт, зарисованный в приводимых воспоминаниях, — закономерный результат ужасного положения рабочих в 80-х годах в системе повседневной капиталистической эксплуатации пролетариата. Чрезвычайно большой рабочий день, крайне низкая заработная плата, отсутствие сколько-нибудь сносных производственных и жилищных условий приводили к пьянству, кулачным боям и т. п.

(А. Шаповалов. На пути к марксизму. — Л., 1926. — С. 22-31.)

...Мне исполнилось 13 лет (в 1884 г.), когда железнодорожная мастерская среднего ремонта приняла меня в свои недра. Хотя сделаться слесарем совпадало с моими желаниями, хотя я не был избалован судьбой и уже прошёл суровую школу, но после дня, проведённого под началом старика медника Алексея Игнатьевича Соколова, я хотел сбежать. Вместо того, чтобы дать мне возможность учиться ремеслу, меня с утра до вечера гоняли за водкой...Выпивки устраивались при всяком удобном и неудобном случае. Рождение ребёнка, крестины, похороны, свадьбы, — все эти события ознаменовывались выпивкой. Когда новый работник поступал на завод, он принуждён был ставить товарищам «привальное». Когда он брал расчёт, с него требовали «отвальное». Особенно сильно напивались в день молебна иконам, которые висели в каждой мастерской...

Только через год — после того, как, бегая по морозу без тёплой одежды, я очень сильно простудился, — я вырвался из-под власти медника Соколова и перешёл в слесарную мастерскую.

Слыша постоянно от взрослых слесарей, что ещё должен считать себя счастливым, что меня не бьют и платят 30 коп. в день жалованья, я совершенно примирился с положением слесарного ученика. До известной степени огрубел, опустился, перестал читать книги, научился курить, пить и ругаться самой отборной, крепкой русской руганью. Эта ругань слышалась целый день в мастерской..

Рабочий день с «вечерами» (сверхурочные часы) длился с 7 утра до 10-30 вечера. Работали также все воскресенья и такие большие праздники, как рождество, пасха и т. д. От постоянной тяжёлой работы я начал ещё более тупеть. С моим товарищем Володькой Ватнером по вечерам мы ходили в портерную. Возвращаясь назад подвыпивши, физически очень сильный Володька сваливал фонарные столбы, перераживая пустынную дорогу. Я, конечно, помогал ему.

Осенью и зимой часто устраивались кулачные бои. Два враждебных лагеря шли друг против друга, стенка на стенку. Когда к подросткам начинали примыкать взрослые рабочие, бой иногда принимал жестокий характер. По окончании такого сражения расходились с фонарями под глазами, с выбитыми зубами, окровавленными лицами, поло-

манными рёбрами. Однажды я получил такой чудовищный удар в спину, после того как предыдущим ударом был свален на землю, что остался лежать на месте замертво, без чувств...

...Самыми отсталыми на железной дороге являлись кочегары и черноработчие. Они жили в казарме, пораженной грязью. Это были крестьяне, оторванные от сохи, прибывшие в Питер, чтобы подработать и вернуться в деревню. Это были люди очень выносливые, с самыми минимальными потребностями. Проработав известное время и накопив денег, кочегар покупал «тройку» — костюм, лакированные сапоги с блестящими голенищами, пунцовую рубаху с поясом, гармоннику — «тальянку», — и возвращался к себе в деревню. В свободное время они ходили толпами по улицам, наигрывали на «тальянках» русскую и пели частушки: «Я во Питере живал, много денег наживал, платки девкам покупал!» и т. д.

Слесари, помощники машинистов и машинисты составляли аристократию рабочих...

...Чтобы усовершенствоваться в ремесле, я перешёл в главные мастерские Варшавской железной дороги. Время было мрачное (автор имеет в виду политическую реакцию 80- годов XIXв. — Н.М.). Самодержавие торжествовало победу над «Народной волей». Замер голос друзей народа. Подняла голову поповщина. О забастовках, о рабочем движении я ничего ни от кого не слышал. Профсоюзов не было. Отдельные рабочие, сочувствовавшие народолюбцам, которые уцелели от разгрома, замкнулись в себя. От тяжёлой постоянной работы я всё более тупел. Ничего не читал. Особенно газеты с огромной массой иностранных слов казались непонятной китайской грамотой. Стал замечать, что разучиваюсь и писать. На меня как бы надвинулась ночь, и я погрузился в тот глубокий сон, которым спали рабочие массы. Слово «товарищ» носило только личный характер. Не было никаких касс взаимопомощи. Каждый рабочий был предоставлен самому себе и не мог рассчитывать ни на какую товарищескую поддержку. На фабриках процветали хамство, наущничество. Сознание собственного достоинства было очень редким качеством у рабочего. Мастер был «царь» и «бог». Он, обыкновенно, знал не только то, что делается на заводе, но и в семьях рабочих. Когда он шёл по мастерской, рабочие, не дожидаясь поклона с его стороны, первые и часто униженно, заискивающе снимали шляпу и говорили: «Здравствуйте, господин мастер!» Все начальники, мастера, чиновники, за редким исключением, немилосердно обворовывали казну и брали взятки. Это проклятое наследие царского рабства привилось рабочим. Тащили и крали с завода всё, что могли, даже инструмент тащили друг у друга. Правилom жизни было: «не зевай, держи ухо востро!» Бели у зазевавшегося токаря крали резец, кусок инструментальной стали для обточки металла, что обыкновенно случалось у точил, где собирались очереди для обточки резцов, толпа, видевшая, как крали резец, встречала с хохотом его вопрос: «кто взял мой резец?» Украсть, «облапошить», обмануть — считалось делом хорошим. На честного, правдивого, кто не лгал и не крал, смотрели как на глупца и чудака...

Приложение 3

ЖИЗНЬ РАБОЧИХ ДОНБАССА в 80-х годах

Приводимые ниже данные заимствованы из описания быта рабочих Бахмутского уезда, составленного на основании обследования, произведённого Екатеринославским губернским земством в 1884 г. Здесь даются отрывки, касающиеся рабочих одного из крупнейших акционерных предприятий Донбасса — «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства», имевшего ряд металлургических заводов и каменноугольных копей.

(Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. II. — Екатеринослав, 1886. — С. 234—242, 278, 283—284.)

...Внешние санитарные условия посёлка (посёлок Юзовка; затем — г. Сталино, центр Сталинской области, ныне — Н.М.) благоприятствуют рождению и развитию болезней: базар и улицы содержатся нечисто, смрадный, удушливый дым и гарь с завода и рудников смешиваются с угольной и известковой пылью, с миазмами от нечистот в балке и от разлагающихся на площади и улицах органических отбросов и портят воздух в весьма значительной степени. Внутренность жилищ, по крайней мере большинства рабочего населения, представляется также антигигиенично... «Балаганы» (в *балаганах* жили мелкие служащие и некоторая часть квалифицированных рабочих — Н.М.) представляют собой довольно длинные здания с несколькими жилыми отделениями, большими и малыми; но внутри их грязно, и они до тесноты наполнены жильцами. «Каюты» (в *каютах* помещалось большинство рабочих — Н.М.) лепятся по окраинам, по берегу реки Кальмиуса и вообще в отдалении; «каюты» — просто землянки, низкие, невзрачные; есть из них такие, что сразу их не заметишь, — так невелико возвышение над поверхностью земли, представленное их крышами, состоящими из земли и мусора; стены «зданий» забраны деревянными досками или выложены камнем и легко пропускают сырость; пол земляной. Проникнуть в «каюту» можно только спустившись в землю по нескольким ступеням земляной лестницы; «каюты» темны и тесны, воздух в них сырой, затхлый и удушливый, внутренность жилищ содержится неопрятно. Вообще обстановка этого жилища вполне антигигиенична, несравненно непригляднее обстановки даже «балаганов», занятых рабочими же. Между тем в «каютах» нередко живут семейные рабочие с грудными детьми...

Заболеваниям много способствуют условия заводских и рудничных занятий... На заводе многим рабочим приходится быть всё время буквально при огненной работе, например, когда выплавляется сталь, раскаляется металл добела для выделки рельсов и производится самая вальцовка последних и т. д. Воздух при всех этих работах в тех помещениях, в которых они производятся, накаляется до нестерпимости. Пишущий эти строки, осматривая заводские отделения, присут-

ствовал, между прочим, при прокатке рельсов. Толстый кусок чугуна (в тексте ошибка: в 70-х XIXв. рельсы в России изготовлялись из стали — Н.М.), длиной в 2—5 аршина раскалённый в печи, горячий и, кажется, дышащий пламенем, передаётся рабочим на валцы при посредстве ручных рогатин. Когда этот кусок, пройдя через все валцы, выползает из последнего станка и, извиваясь огненной змеей, в виде уже готовой рельсы, поступает ещё раз на рогатины рабочих, металл успевает уже значительно охладиться; но, тем не менее, ещё в этом состоянии он пышет жаром и при перерезке на станке брызжет тысячами огненных металлических искр. В этот момент, на расстоянии от рельсовой полосы не менее 2 сажен, стоять было почти невозможно от жары. А рабочие, почти соприкасающиеся с раскалённым металлом, выносят несравненно сильнейший жар и горят в этом пекле и день и ночь. Такая работа не может не расслаблять организма и способствует частоте заболеваний. После испытанной жары истомлённому и расслабленному рабочему достаточно выйти в холодное зимнее время, хоть ненадолго, из мастерской на открытый воздух, чтобы получить какую-нибудь, простудную болезнь. Яркий пламенный свет, вероятно, не проходит без вреда для глаз...

Ночное освещение при работах — керосиновое, а также маслом конопляным, сурепным и т. д...

...Работы заводские производятся днём и ночью; дневная смена рабочих становится на место в 6 час. утра и уступает его ночной смене в 6 час. вечера. На завтрак рабочим полагается полчаса (8-30 до 9 час.) и на обед час (между часом и двумя)...В последние годы нередко бывает, что размеры заказов не только не требуют добавления рабочих сил со стороны, но не занимают всего времени и у наличных рабочих. Непостоянство в производстве завода, понижая заработок или вовсе отнимая его, ставит рабочего, нередко с семьёй, в довольно невыгодное, а иногда очень тяжёлое положение. При постоянном деле рабочий может покупать пищевые и другие необходимые ему предметы на наличные деньги, а при перерывах в нём должен покупать всё это в долг, в счёт будущего заработка, причём обязательно переплачивает на цене не менее трети стоимости покупаемого...

...Заработная плата за прошедший месяц выдаётся около второй субботы следующего месяца (около 15-20 числа) на руки рабочему в особой жестянке, в которую вкладывается и расчётный лист, где обозначается заработок, штрафы и выдаваемая сумма. Таким образом, полумесячный заработок рабочего всегда остаётся за конторой; если заработка прошлого месяца хватило лишь на покрытие штрафов, то рабочему выдаётся в жестянке для сведения об этом расчётный лист. ...Когда ствол шахты пройден и закреплён (каменем или деревом), начинается проходка «продольных» — широких и высоких (от 3 аршин) галерей, от которых идут потом боковые штреки, или «печи». Ширина «печей» различна — от 2 аршин и более, а высота — в толщину пласта, вообще от полутора до 2 аршин, так что стоять в них во весь рост нельзя, а необходимо быть в согнутом положении. Понятно, что

в продольных нет такой тесноты при работах, как в «печах»; в последних углекопы, пли «забойщики», лежат на боку, опираясь на локоть, лицом к каменноугольной стене, и долбят эту стену «кайлом», отбивая куски угля. Отбитый уголь отгребается от углекопов «отгребщиками» в сторону и накладывается в санки, которые волокутся «саночниками» по земле вдоль «печи» до продольной, где уголь высыпается в вагончики и откатывается в них по рельсам к стволу рабочими, называемыми «вагонщики», или же вагончики отводятся лошадьми, находящиеся при которых рабочие называются «кононогами», или «коноводами»...

Жилища здешних рабочих (Рабочих «Семеновской» и «Александровской» шахт — Н.М.) — землянки, вроде юзовских «кают»... Стены кое-как забраны досками или выложены слегка камнем и иногда побелены; пол земляной, потолка нет — его заменяет крыша подземелья на стропилах; внутри подтопок с плиткой, стол и скамейка для сиденья; кровати попадают как исключение... Сквозь крышу и стены проникает в подземелье и сырость и влага, а от всего этого в жилище постоянно, даже в летнее время, воздух затхлый и гнилой. Крошечные окошечки с нечисто содержимыми стёклами пропускают внутрь жилища тусклый полусвет. Таким образом, рабочие, задыхаясь в спёртой и тяжёлой атмосфере подземных галерей, во время своих дневных и ночных работ (когда, не надо забывать, лёгкие рабочих, в особенности забойщиков, функционируют особенно интенсивно), и портя зрение при тусклом мерцании чадающей масляной лампы, лишены возможности пользоваться достаточным светом и чистым свежим воздухом даже и во время своего отдыха. Благодаря всему этому углекоп представляет собой измождённую малосильную фигуру с болезненно-бледным цветом лица и плохим зрением...

...Самые шахты «Семёновская» и «Александровская» содержатся неисправно; в них нередко случаются обвалы, вследствие чего и без того недостаточное проветривание подземных ходов ещё более затрудняется, и воздух сгущается в них до того, что лампы тухнут, или, как говорят рабочие, «светло не горят». Можно себе представить, каково дышать этим «воздухом»...

ФАБРИЧНЫЙ ИНСПЕКТОР
О САНИТАРНОМ СОСТОЯНИИ ФАБРИК

Подъём рабочего движения 80-х годов заставил правительство Александра III приступить к фабрично-заводскому законодательству. «Как ни безобразны были старые фабричные порядки, — писал Ленин в 1895 г. — начальство ровно ничего не сделало для облегчения рабочих, покуда рабочие не начали бунтовать против них... *Только тогда правительство испугалось и уступило*» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2, С. 36—37).

В 1882 г. издан был закон об учреждении фабричной инспекции. Фабричные инспекторы — должны были наблюдать за исполнением рабочего законодательства. Институт фабричной инспекции, впрочем, довольно быстро потерял своё значение: честных и добросовестных инспекторов, пытавшихся улучшить положение рабочих и привлечь к нему общественное внимание, власти устраняли с их постов; люди менее устойчивые были куплены капиталистами и превратились фактически в их пособников.

Ниже приведены отрывки из отчёта фабричного инспектора Владимирского округа д-ра Пескова за 1885 г.

(Д-р Песков, Владимирский фабричный окрджт, отчёт за 1885 г., СПб 1886, С. 62—69.)

...Виденная мною обстановка льняного производства на огромном большинстве льнопрядильных фабрик... представляет верх нарушения всяких гигиенических правил. В то время как в Западной Европе давно уже все чесальные машины, отделяющие пыль, снабжены всевозможными вентиляторами и крышками, у нас на льнопрядильных фабриках, по моим наблюдениям, только на одной (на фабрике И.И.Сенькова — Н.М.) все «карды» (узкие игольчатые ленты, обтягивающие барабаны и валики чесальных машин и служащие для расчесывания волокна, — Н.М.) были плотно прикрыты; на других же фабриках все «вальяны» (цилиндры кардочесальных машин — Н.М.) этих машин совершенно открыты, а трепальные аппараты (волчки) снабжены недостаточной вентиляцией...

Вследствие указанных причин, мне постоянно приходилось видеть, при посещении кордовых мастерских на льнопрядильных фабриках, такую пыль, что после пребывания в них в течение только нескольких минут я выходил оттуда весь покрытый пылью, как мукой. Особенно велика бывает эта пыль на тех льнопрядильнях, где обрабатываются низшие сорта льна; тут пыль носится, буквально, густыми облаками, так что трудно становится не только дышать, но и видеть всё в каком-то сером тумане. Как ни невзыскателен вообще наш рабочий, но и он против такой пыли, в чём я лично убедился, считает нужным принимать меры, и придумал, например, такого рода

импровизированный респиратор: берёт длинный пучок расчёсанного льна и накладывает *его на рот, закидывая концы* пучка с обеих сторон лица назад и таким образом старается спасти свои лёгкие.

Для устранения гнилостных испарений, выделяющихся на мокрых ватерах («*ватер*» тип тонкопрядильной машины; «*мокрые ватера*» — прядильные машины, при работе которых волокно смачивается водой — Н.М.), обыкновенно стараются производить смачивание льняной пряжи быстротекущею водою, и не особенно горячею, и затем, по выходе её с ватера, разбавляют её ещё чистою водою. Но такие приспособления я видел только на упомянутой выше фабрике Сенькова И. И., вследствие чего в мастерских ватеров здесь ощущителен был очень слабый запах. На всех же остальных льнопрядильных фабриках мастерские эти крайне грязны, с липким полом и тяжёлым гнилым запахом, а на некоторых фабриках, как, например, Кекина, в мастерских мокрых ватеров атмосфера, в момент моего посещения, имела буквально запах помойной ямы...

Заслуживает внимания по своим антигигиеническим условиям спичечная фабрика товарищества во Владимире. Вся она помещается в двух деревянных строениях, из которых одно состоит из избы, разделённой сенями на две неравные части. В большей половине здания помещается набойная, где набиваются спички, а в меньшей — ма-кальная вместе с сушильной. В мастерской этой нет никакой вентиляции, а фосфорная масса варится в простом открытом, ведре и размешивается в сенях; термометра в сушильной тоже нет. В другом строении находится кухня, где рабочие обедают и спят; тут же производится и набивка в коробочки соломки. Кухня до-нельзя мала и тесна; рабочие в числе 9 человек мужчин (между ними один был малолетний), все спят на полатах...

Крайне неблагоприятную гигиеническую обстановку представляют виденные мною табачные фабрики... Мастерские, где крошится и сушится табак, до такой степени пропитаны едкой пылью и испарениями никотина, что при входе в эти мастерские у меня всякий раз делались спазмы в горле и жжение в глазах, а при более продолжительном пребывании в них — даже головокружение, несмотря на то, что я сам курю табак. А между тем в этой атмосфере работают иногда, как я видел, и женщины!

Малолетние на табачных фабриках работали в качестве так называемых гнульчиков и картузников (делают бумажные мешочки для табака) и набойщиков (набивают в мешочки табак), между которыми работали и дети, не достигшие 12 лет.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ в 80-х годах XIX века.

Отрывки из отчёта фабричного инспектора Московского округа И. И. Янжула за 1885 год. Профессор И. И. Янжул (1864-1909) был одним из первых фабричных инспекторов. Он сочувственно относился к тяжёлому положению рабочих.

(И. И. Янжул. Фабричный быт Московской губернии. - СПб, 1886, с. 79-124.)

... Штрафы так же разнообразны, как самые фабрики; и размеры их, как и мотивы, определяются только волей хозяина или фабричной администрацией, не дающими в этом отношении никому отчёта. Лишь на весьма немногих фабриках, как братьев Малютина № 49, Кузьмичёва № 149 и некоторых других, штрафы эти ничтожны и взимаются редко; на значительном же большинстве фабрик они достигают весьма почтенных размеров и берутся по самым различным поводам; так, например, на мануфактуре № 115 за рабочий год 1881 и, только за нарушение фабричных правил разного рода (т. е. за исключением вреда и ущерба, наносимых хозяину) взыскано было конторой 5702 рубля. На многих промышленных заведениях мотивы и величины штрафов заранее не определяются совсем, и стоит в правилах только одна фраза: «замеченные в нарушении фабричных правил штрафуются по усмотрению хозяина» (№ 47 и 34)...

Крайний произвол в назначении штрафов, а следовательно, и бесконтрольное распоряжений заработком рабочего, достигает на некоторых фабриках маловероятных размеров, - на фабриках № 131 и 135, в Подольском уезде, например, существует десятирублёвая неустойка за оставление фабрики прежде срока; но дело здесь не ограничивается лишь назначением..её, в случае произвольного оставления фабрики рабочим, но контора сама налагает этот высокий штраф на каждого рабочего, которого захочет почему-либо удалить с фабрики, и даже взыскивает его в известных случаях с лица, подвергшегося три раза штрафу. Между тем поводы к штрафованию весьма многочисленны и значительны, и, следовательно, подпасть под эту крупную неустойку для каждого рабочего — дело весьма возможное; так, например, одним рублём штрафа наказывают тех из рабочих, которые почему-либо явились в контору не по одиночке, а несколько человек разом, а во второй раз такие нарушители удаляются даже совсем с фабрики, с уплатой упомянутой неустойки. Мало того, на фабрике № 135 до сих пор, по видимому, сохранился вполне взгляд на рабочих как на крепостных людей: так, деньги на обеих фабриках выдаются лишь 2 раза в год, но и при этом лишь те, которые нужны для податей (а остальные потребности удовлетворяются фабричной лавкой); выдаются они, кроме того, рабочим отнюдь не на руки, а посылаются по почте сельским старостам и волостным правлениям. Таким образом, рабочие круглый год

остаются без денег, уплачивая, между тем, по расчётным книжкам крупные штрафы на своей фабрике, которые будут у них вычтены при окончательном расчёте в конце года.

Крайняя регламентация, опутывающая рабочих на каждом шагу и влекущая за собой более или менее крупные штрафы, уменьшающие их заработок, часто и без того небольшой, представляет собой весьма обычное явление на наших фабриках, а на некоторых достигает поистине своего рода виртуозности в деле разнообразия поводов к штрафам: лучшим образцом в этом отношении может служить мануфактура № 172, кратким указанием, хотя далеко не всех, но некоторых штрафов, коей мы и ограничимся. От 24 октября 1877 г. на этой фабрике вывешено объявление, в котором означаются штрафы, по усмотрению конторы, в четырнадцатиразных случаях по поводу соблюдения тишины и чистоты; от 4 декабря 1881 г. — объявление с назначением штрафов по четырём различным поводам; от 4 сентября 1882 г. — также назначение штрафов по четырём поводами затем несколько десятков мелких объявлений, каждое назначает штраф по какому-нибудь отдельному мотиву: например, от 4 августа 1883 г. — огромный штраф до 5 рублей за пение песен на дворе фабрики позднее 9¹/₂ часов, или во всякое время, в каком-нибудь другом, кроме указанного хозяином месте (около спальни), 3 июня 1881 г. назначен штраф с рабочих, которые вздумают пронести в ткацкий корпус чай с сахаром, хлеб или какие-нибудь припасы «во избежание, — говорит объявление, — разведения всякой твари». 4 марта 1881 г. объявление о штрафах, возвышаемых за каждый раз, если рабочий вздумает мыть своё бельё в спальне, или кто умоется на дворе у колодца; от 14 мая 1880 г. — штраф для тех, кто будет писать карандашом, или мелом, или чем-либо другим на стенах в красильном или ткацком корпусе. 8 декабря 1881 г. объявление о штрафах: «если кто из рабочих мальчиков будет заводить драку или биться на кулачки для первого раза штраф 3 рубля».

29 декабря 1879 г. объявление о штрафах для самоткачей и красильщиков, которые вздумали бы за чем-нибудь сходить в слесарно-столярную мастерскую, в паровую и котельную; от мая 1880 г. контора фабрики объявляет «ручным ткачам, резчикам и прочим рабочим по фабрике, что песни петь в рабочие дни окончательно не дозволяется под опасением штрафа»; от 29 ноября 1877 г. контора фабрики строго воспрещает холостым рабочим ходить в гости в семейные помещения или женские и т. д., и т. д...

Все деньги, собираемые штрафами и разными вычетами, по какому бы поводу ни было, поступают в бесконтрольное распоряжение хозяина и, достигая на некоторых фабриках весьма значительных размеров — до нескольких тысяч рублей — могут, при недобросовестности хозяина, сделаться немаловажным источником добавочного дохода. По крайней мере на «большинстве фабрик употребление денег, собранных хозяином посредством штрафов, составляет его тайну, — и лишь на немногих фабриках прямо указывается способ распоряжения этими деньгами, что, разумеется, ещё не служит полной гарантией, что деньги употребляются именно для назначенной цели...

Из всех осмотренных мною по настоящее время 181 промышленных заведений оказалось, что правильная расплата имеет место всего лишь на 71 фабрике; но и эта цифра, я полагаю, гораздо выше действительной, ибо со стороны каждого хозяина и директора фабрики весьма естественно было на мои расспросы о правильности сроков расплаты отвечать утвердительно; удостовериться же в справедливости показанного я не всегда имел возможность. Сроки этой правильной расплаты разнообразны, но господствующим и более распространённым термином расплаты является и в данном случае месячный срок, принятый у нас и на государственной службе...

Таким образом, остаётся более 100 фабрик, т. е. значительное большинство, на которых расплата, как мы говорили, совершенно неопределённа и зависит вполне от воли и от кармана хозяина; обычай устанавливает здесь лишь меньшее или большее число сроков в году, когда производится так называемый «счёт», т. е. подводятся итоги взаимной задолженности хозяина и рабочего, но расплата не всегда совпадает со временем «счёта»...

В г. Москве и в её окрестностях фабричные лавки встречаются лишь как редкое исключение, и рабочие получают припасы из вольных лавок; но так как и здесь, в большинстве случаев, рабочие не могут найти самостоятельного кредита, сколько-нибудь значительного, то хозяин или контора обыкновенно указывают рабочим на те мясные и колониальные лавки, где они могут брать в долг товары под гарантией конторы, за что, как я убедился из расспросов, на многих фабриках хозяева пользуются от лавочников или «маркитантов» в свою пользу скидкой с общего забора от 5 до 10 копеек на рубль. Вне Москвы и её ближайших окрестностей, хотя бы даже в местностях населённых и с лавками, например во многих уездных городах, фабрики, по общему правилу, имеют свои собственные лавки, хотя существование их и не вызывается необходимостью. В г. Коломне, например, почти все фабрики или имеют лавки, или так или иначе рабочие вынуждены брать все припасы лишь чрез посредство своих хозяев, которые этим путём зарабатывают себе хороший процент. На рогожных фабриках, например, даже по письменному условию рабочие обязаны приобретать все припасы не иначе, как чрез своих хозяев, хотя последние своих лавок не держат и покупают сами в той же Коломне, получая по договору не менее 10-15% за комиссию. Наконец, в местах, отдалённых от Москвы и вообще от населённых пунктов, фабричные лавки являются, безусловно, необходимыми, но и тут, несмотря на эту необходимость для существования самих фабрик, некоторые хозяева слишком широко, к сожалению, пользуются естественной в данном случае коммерческой монополией, доставляя себе значительным повышением цен на продукты новый крупный источник дохода и уменьшая и без того сравнительно небольшой, как мы убедимся дальше, заработок рабочего...

Спальни на московских фабриках являются в двух видах — общих спален, или казарм, и каморок. На немногих и сравнительно небольших фабриках существует исключительно лишь первый тип по-

мещения. В большинстве же помещения смешанного характера, т. е. на одной и той же фабрике встречаются и казармы, и каморки; в первых всегда помещаются холостые и, в случае недостатка места, женатые; а в каморках—рабочие женатые; впрочем, это разделение в значительной части фабрик соблюдается не строго, и если на некоторых холостые люди отделены от девиц, а женатые — от тех и других, то на большинстве господствует безразличное смешение полов и возрастов, и сплошь и рядом все спят в одной и той же казарме или каморке...

Обстановка спален рабочих, будь это казармы или каморки, везде очень однообразна: по общему правилу, в них обыкновенно помещены в несколько рядов досчатые, большею частью голые нары и весьма редко железные кровати... О подстилке рабочий обязан позаботиться уж сам, и в большинстве рабочие спят на собственном полушубке или кафтане... На фабрике № 45 спальни у рабочих помещаются в подвальном этаже с крайне душловым и сырым воздухом; для сна стоят тут деревянные козлы, на которых сложено, но не сколочено, понескольку досок; и на таких-то постелях спят по два и даже по три человека, без различия возраста; для женщин и женатых особых спален нет. Ещё худшую черту, пожалуй, представляет фабрика № 109, где выдаются рабочим матрацы с соломой, но за них делается вычет в 10 коп. в месяц, так что рабочий, проживши год, переплачивает хозяину с избытком стоимость матраца, который за его уходом остаётся в пользу хозяина и за 10-копеечную плату поступает к следующему рабочему, составляя, таким образом, новую доходную статью для фабриканта...

Но на большинстве фабрик для многих рабочих, почти по обычаю, особых спален не делают. Это касается, во-первых, всех ручных ткачей, что бы они ни работали: бумагу, шерсть или шёлк; даже ткачи, работающие у С. парчу за сдельную плату, доходящую до 3 руб. за вершок, располагаются спать, большею частью, на тех же станах, внизу или вверху; лишь на немногих подобных ткацких фабриках встречаются особые спальни и то большею частью не для ткачей, а для прочих рабочих, например, моталок, красильщиков и т. п. То же самое можно сказать о набойщиках и резчиках плиса, которые всегда почти спят на столах, где работают; особенно вредным этот обычай нужно считать относительно именно набойщиков, так как рабочее помещение, ими занимаемое, всегда отличается крайне душловым воздухом, пропитанным целой массой красок, отчасти ядовитых. Столяры точно так же, по общему правилу, спят на верстаках, на которых работают, и о какой-нибудь для них постели не может быть, конечно, и помина. Рабочие всякого пола и возраста на рогожных фабриках спят вместе на тех же самых, часто сырых, мочалах и рогожах, которые обрабатывают, и прикрываются ими же; лишь больных помещают на единственной печке, находящейся посреди каждого отделения рогожной фабрики. Точно так же на фабрике (шёлковой) № 61 девушки-работницы спят вповалку на полу, в крайней тесноте, там же, где работают, — во втором этаже длинного деревянного дома, имеющего лишь один выход, — деревянную лее лестницу...

Точно так же на отбельно-красильной фабрике № рабочие спят везде по мастерским, не исключая промывной и отбельной, среди вредных испарений... Точно так же на брезентовой фабрике № 83 особых спален не имеется, и женщины-брезентщицы спят вместе с детьми на особых длинных верстаках, где шьют, посреди резкого запаха свежего брезента...

Про санитарную обстановку мастерских можно сказать то же, что и о жилых помещениях, т. е. в значительной части фабрик их нельзя признать удовлетворительными...

Приведу для примера из моего дневника описание нескольких фабрик. В кондитерской № 11 «мастерские помещения крайне темны, грязны; большая часть шоколадного отдела помещается в подвальном этаже, весьма тёмном, куда проникает грязь со двора, почва которого насыщена экскрементами, помоями и т. п...»; на суконной фабрике №, как и на многих, впрочем, других суконных фабриках, «в красильне воздух до того насыщен парами, что в ней во время осмотра ничего нельзя было видеть, — и я двигался по красильне ощупью, как бы с завязанными глазами: очевидно, тяги тут не было никакой. При этом машины расставлены очень тесно, и ремни скрепляются во всех направлениях: проход крайне затруднителен, и несчастье от машин легко возможно без всякой вины со стороны рабочего».

На химическом заводе № «удушливые газы в отделении, где приготавливают оловянные соли, настолько сильны, что для непривычного человека делают невозможным пребывание в течение нескольких минут. В отделении, где готовят ртуть, единственной предосторожностью при этой страшно ядовитой операции служит завязывание рта у рабочих, и не только нет никаких более верных и безопасных для того приспособлений, но в том же самом отделении, лишь чрез дверь, живёт семья одного рабочего».

На бумагопрядильной и ткацкой мануфактуре № «рабочие помещения крайне тесны и низки. Ограждений механизмов весьма мало, особенно в трепальной: многие шестерни совсем без прикрытий и машины большею частью старой, более опасной для рабочих, конструкции. Вентиляции, кроме немногих форточек, не существует, почему воздух крайне пыльный и душный, даже в сортировальной, где вовсе нет машин. Рабочие, особенно дети, отличаются крайне болезненным «видом». На суконной фабрике «в главном рабочем корпусе имеется собственно одна лишь лестница, так как другая грозит разрушением от ветхости. Все машины плохо огорожены, и зубчатые колёса большею частью без ограждений. В аппаратном отделении (деревянное здание в два этажа), где происходит обработка верблюжьей шерсти, сильнейшая пыль, и у детей весьма нездоровый вид».

На мануфактуре № 115 «в некоторых отделениях, особенно в трепальной и старом ткацком корпусе — большая теснота от машин и, кроме того, недостаток вентиляции, почему в чесальной и трепальной страшная пыль от хлопка и движения воздуха; приспособления к удалению пыли недостаточны, и многие механизмы, преимущественно в трепальной, не прикрыты и опасны; в опальной и палильной пра-

вильной тяги не устроено, и сильный дым настолько едок, что я не в состоянии был оставаться более двух или трёх минут...».

Приложение 6

ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ФАБРИЧНАЯ ИНСПЕКЦИЯ

Министр финансов И.А. Вышнеградский, тесно связанный с крупной московской буржуазией, держался правила: «фабрикантам нужно помогать, а не мешать». Вышнеградский всячески стремился свести на нет фабричную инспекцию, в чём и успел довольно скоро.

Это отношение И.А. Вышнеградского к фабричной инспекции и показывают отрывки из «Воспоминаний И. И. Янжула», относящиеся к 1886-1887 гг. («Русская старина», т. 142, 1910, с. 95-97).

Наши промышленники искони привыкли к неисполнению всяких законов, регулирующих их действия. Всякое выполнение нового закона для них всегда имело лишь одно значение: надо ли платить и сколько?! В лице же фабричного инспектора вдруг появился перед очами промышленников совсем особенный начальник, не похожий ни на полицию, ни на губернских техников: денег ни под каким предлогом не берёт, угощение не принимает, вина не пьёт и т. д. и т. д., мало того, даже И. А. Найдёнову (в то время председатель Московского биржевого комитета — Н.М.). визитов не делает! И вот отсюда вытекла необходимость таких инспекторов сплавить с рук долой. На собрании фабрикантов серьёзно, говорят, обсуждался этот вопрос. На помощь был приглашён известный борзописец Сергей Шарапов (консервативный публицист того времени, сначала сотрудник «Нового времени», затем редактор-издатель газеты «Русское дело» -Н.М.), который за умеренную плату, цифру которой он иногда сам выставлял, взялся помогать фабрикантам это дело исполнить наилучшим образом в своей газете, которая кстати называлась «Русское дело». И вот в «Русском деле» начинается форменная атака на инспекцию вообще и на меня в особенности. Не проходит номера газеты, чтобы не было какой-нибудь клеветы или выдумки самого невероятного сорта. Так, в некоторых номерах г-н Шарапов прибегал прямо к доносу, доказывая, например, по поводу права инспекторов утверждать харчевые расценки припасов, продаваемых в фабричных лавках, что г-н Янжул, как инспектор, старательно на фабриках в великий пост разрешает всё скоромное и по возможности запрещает всё постное!

В то же самое время, помимо постоянного нервного напряжения со всех сторон, даже от некоторых близких лиц, я встречал сомнения и неожиданные препятствия к выполнению гуманных предначертаний правительства в фабричном деле (под «гуманными предначертаниями правительства в фабричном деле» автор разумел рабочее законодательство 1882—1886 гг. — Н.М.)и в самом введении закона и его распоряжений. Законы издавались, а дополнений, необходимых и су-

щественных — нет! Правила появлялись на свет, а толкований их нет, и сумбур этот часто вносился на место какой-нибудь разумной и твёрдой постановки вопроса! Все мои отчёты переполнены жалобами и настояниями о

необходимости тех или иных мер, которые не приводились никогда в исполнение, а многие и до сих пор не осуществлены...

...Положение моё, как фабричного инспектора, ввиду всех объяснённых выше причин, становилось нестерпимым, а деятельность между тем, обратно с моими мечтами об общем благе и улучшения быта рабочих, видимо, улетала в трубу и я оказался бессильным. Естественно, всё это способствовало тому, что я постепенно более и более, скрепя сердце, примирялся с мыслью о необходимости покинуть любимое начатое дело и уйти от инспекции, но происходило и многое иное, что переполнило чашу моего терпения и вызвало необходимость такого решения. Так, опишу одну сцену и разговор. Замечу при этом, что 1 января 1887 г. Н. Х. Бунге (министр финансов с 1881 по 1886 г. — Н.М.) вышел в отставку и его место занял известный «делец» И. А. Вышнеградский (министр финансов с 1887 по 1892 г. — Н.М.).

12 января 1887 г. происходил обычный торжественный акт в Московском университете. Множество народу едва помещалось в огромной круглой зале университета... Ещё во время чтения я заметил запоздавшую и прошедшую в первые ряды грузную фигуру почтеннейшего городского головы Н. А. Алексеева, с которым я был всегда в наилучших отношениях, как с наиболее корректным, по своим образцовым отношениям к рабочим, из фабрикантов Московской губернии. Когда речь кончилась, Алексеев, подойдя ко мне, поздравил по обычаю с праздником (Татьянин день) и шепнул, чтобы я не торопился уходить, что ему надо со мной поговорить. «Мне очень вас прискормно огорчать в день вашего праздника и после торжества вашей речи, — сказал Алексеев, когда мы с ним отошли в сторону, — но я считаю долгом вас предупредить, чтобы вы приняли это к сведению: новый министр финансов сильно предубеждён против фабрично-инспекторской деятельности вообще и против вас в особенности. Он мне прямо и откровенно заявил при недавнем свидании: «Я постараюсь передать инспекцию в министерство внутренних дел, пусть из инспекторов сде-

лают станových приставов»... И так, вот что вам предстоит», — закончил своё сообщение Алексеев...

Приложение 7

П. А. МОЙСЕЕНКО. МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА 1885 года

Стачка в январе 1885 г. на Никольской мануфактуре Морозова в Орехово-Зуеве (Владимирской губернии) была крупнейшим проявлением борьбы рабочих в тяжелые для пролетариата годы промышленного кризиса. Положение рабочих на фабрике Морозова в эти годы стало исключительно тяжёлым.

Морозовская стачка произвела огромное впечатление на рабочий класс, царское правительство и так называемое «общественное мнение» «Эта громадная стачка, — писал Ленин, — произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования» (Ленин, Соч., т. I, с. 68)..

Непосредственным результатом стачки явился фабричный закон 3 июня 1886 г. (см. приложение на с....).

П. А. Моисеенко (1852—1923) являлся организатором Морозовской стачки, был активным участником рабочего движения в Петербурге в конце 70-х годов, состоял членом «Северного союза русских рабочих». Здесь приводятся отрывки из его воспоминаний, написанных в 1921—1922 гг.

(Воспоминания П. А. Моисеенко. — М., 1924, с. 61-71).

...Подходили рождественские праздники (в декабре 1884 г. - Н.М.), ждали полочки: каждый рассчитывал, что он получит, и что можно купить, и т д... Наступила полочка, а получать нечего, - то за харчи, то за штрафы. Заработок 8-9-12 руб., не более, вычет штрафа 3-4 руб., а то и более, вот тут и живи, как знаешь. Мужчины зарабатывали 12-15-17 руб., штрафов в среднем на каждого приходилось не менее 3 р. 50 к., да харчи, и приходилось получать 2-3 рубля.

Наступили праздники. Люди ходили унылые, недовольные, проклиная жизнь, и себя, и всех. Вот тут-то и приходилось подливать масла в огонь.

Тут я впервые столкнулся с товарищем Волковым (*Василий Сергеевич Волков* один из организаторов стачки — Н.М.), который оказался смышлённым и толковым [молодым человеком]. Он недавно поступил к Морозову, а раньше работал в Серпухове. Я вплотную взялся за него, и в два-три дня Волков мой был готов на всё, — и в огонь, и в воду. Я несказанно был рад, что приобрёл себе такого товарища. Он был молод и красив собой, чем много выигрывал среди ткачих.

Наша агитация приняла широкие размеры; нужно было выбрать время, когда начать. Время это указала нам сама контора.

Когда стало известно, что 7 января (по старому стилю) у Морозова фабрика будет работать, тогда как на других, соседних, фабриках этот день считался праздником, этого для нас было достаточно, и мы решили использовать этот случай. Повели агитацию среди более подготовленных товарищей-ткачей, что нам нужно собраться и потолковать о деле, которое необходимо тщательно обсудить, чтобы не вышло розни и т. д., где собираться и когда. Судили, рядили и, наконец, решили собраться на Песках, в трактире...

...Настал сочельник, 5 января. Работа на ум не шла... Наконец-то дождалось, — машина остановилась, все принялись за чистку станков: обметали, вытирали, и через полчаса всё было готово.

Мастера обошли, осмотрели. Ткачи начали выходить. Вышли и мы с Волковым и стали поджидать других. Когда набралось несколько человек, пошли на Пески.

В трактире уже сидело человек десять, и мы все уселись за средним столом, заказали чаю, принесли бубликов. Товарищи всё подходили, и нас набралось человек 70. Чтобы отвлечь внимание трактирщиков, заказали кое-кто водки, и видя, что уже достаточно народу, я начал рисовать все те притеснения, грабежи, которым мы подвергаемся, и, не видя выхода из этого положения, говорю, что нам остаётся одно, — как можно теснее и дружнее сплотиться и общими силами повести борьбу против ненасытного вампира, который высосал всю нашу кровь. Для этого у нас одно оружие — стачка. Стачка дружная, общая, солидарная во всех отношениях, чтобы все не только бросили работу; но и другим не давали работать и т. д. Все рабочие — ткачи, прядильщики — не только согласились с этим, но поклялись во что бы то ни стало остановить фабрику и не дать работать другим фабрикам...

...На утро 6-го пришли ко мне из Ликина (село рядом с местечком Никольское — Н.М.) Лука (Лука Иванович Абраменков был сослан вместе с П.А. Моисеенко в Сибирь за участие в стачке 1879 г. в Петербурге; в это время он работал на фабрике Смирнова в Ликине — Н.М.) и брат мой, которому я рассказал, что у нас делается, и пригласил Луку на наше собрание. У него оказался нелегальный листок к московским рабочим с призывом организоваться. Листок был в единственном экземпляре, да и то уже затасканный. Пришёл Волков и мы отправились собирать кого знаем, — а те, в свою очередь, — кого они знали.

Итак, мы снова собрались и пошли на Пески. Уселись за чаепитием, подошли ещё ребята. Я попросил Луку прочесть нам воззвание к московским рабочим и пояснить сущность воззвания. Лука прочёл с пояснением, что не одни мы страдаем, а страдают все рабочие, находящиеся под гнётом капитала, а чтобы избавиться от этого гнёта, нам необходимо обратиться за помощью к «Северному рабочему союзу», который объединяет всех рабочих, и, в случае нужды, помогает в борьбе за лучшее будущее для всех рабочих. Волков призывал также не унывать, а стоять твёрдо и т. д. Мне оставалось только резюмировать всё сказанное: раз навсегда нужно помнить лозунг — «один за всех и все за одного», без воли, без свободы мы равны скотам и даже хуже их,

хуже палачей своих. Волю-мать искоренить нельзя: гонимая, забитая, повсюду она в душах таится и дожидается кровавого расчёта за былое...

Условились встать пораньше, стать у дверей и никого не пускать. Распростились...

...7-го мы рано встали и пошли на фабрику. Было 5 часов утра. Понемногу стекался народ. Подойдя к фабрике, мы увидели, как у дверей стоят сторожа с дубинами, ломами, оглоблями и не дают оставливаться...

...Волков и я прошли по второму этажу, потом опять в третий, пригласили кое-кого и пошли прямо в уборную Там уже полно народу; галдят. Мы начали их усоветывать и бранить...

В это время ко мне подходит подросток и говорит: «Я знаю, как погасить газ зараз... Вот пусть только передние ряды завернут свои горелки, чтобы не так видно было»...

Бабы завернули горелки в первых рядах, подростки живо вскочили один на другого и завернули коренной кран газа. Моментально стало темно. Выпроводив всех из третьего этажа, я бросился во второй, потом в первый этаж...

...Тем временем пришли с прядильного корпуса с просьбой прийти к ним и остановить работу. Мальчуганы тут как тут, живо побежали вперёд, я за ними. Прибежали в чесальную, сняли всех с работы...

Мы пошли в механическую мастерскую, остановили там работу, потом на красильный двор. Там- уже находились Волхов с товарищами. Работу и тут остановили...

...На утро следующего дня, напившись чаю, я пошёл по зданиям. Всюду было тихо и спокойно; нигде никого не было видно — все сидели по домам, администрация вся попряталась, сторожа — и то кое-где...

Когда мы снова собрались и стали обсуждать, где какие требования мы выставим, и кто будет писать, оказалось, что, кроме меня, некому. За писанием требований прошло не мало времени.

Я прочёл им также письмо, написанное мною министру внутренних дел, в котором просил его выслать особую комиссию, ввиду того, что рабочие не поверят местным властям и т. д. Письмо нашли правильным, и я его отослал. К вечеру стало известно, что прибыли казаки. Стало прибывать разное начальство: пристава, жандармы, следователи и тому подобная сволочь...

ТРЕБОВАНИЯ МОРОЗОВСКИХ РАБОЧИХ

Эти требования были выработаны руководителями забастовки на фабрике Морозова в январе 1885 г. — П. А. Моисеенко и В. С. Волковым — и вручены Волковым в разгар стачки (11 января) приехавшему на фабрику владимирскому губернатору. В тот же день Волков был арестован и отправлен во Владимирскую тюрьму. Попытки рабочих отбить Волкова не увенчались успехом. 14 января рабочие начали приступать к работе.

(Морозовская стачка 1885 г. — М., 1925. с. 49-50)

По общему нашему согласию рабочих при фабрике Саввы Морозова... Также и по требованию нашему с хозяина возвратить штраф в пользу рабочих с пасхи 1884 г. ткачей, также и прядильщиков... в пользу хозяина оставить не более пяти процентов с рубля заработка. О пожеланию хозяина уволить рабочих от работы хозяин [должен] удовлетворить по уже условленному договору нашей расписки, то-есть до пасхи (договор найма рабочих с предпринимателем на фабрике Морозова, как обычно и на других фабриках, заключался на срок «от пасхи до пасхи» — Н.М.), т.е. до 23 марта 1885 г., без всякого вычета. Также по нашему общему согласию, мы рабочие, уже в продолжение несколько лет нашей работы мы желали бы возбудить заработки 1880-81-82 также года (т.е. повысить заработную плату до уровня 1880-1882 гг. В связи с кризисом на фабрике Морозова с 1882 по 1884 год сделано было 5 сбавок с расценок — Н.М.), когда все мы, рабочие, довольны нашими выработками и не имели никакой претензии на хозяина, также мы, все рабочие в течение 1884 и по 1885 год остаёмся не обеспеченными им в своей работе, что мы не можем оправдать самих себя, нежели своего семейства и остаёмся неудовлетворительными своему обществу казённых повинностей (т.е. не в состоянии уплачивать подати — Н.М.)...

1. По изданному государственному закону хозяин не должен производить чрезмерных штрафов, которыми обременяет своих рабочих. Мы, рабочие, требуем и просим, чтобы штрафы не превышали 5% заработанного рубля и чтобы рабочий был предупреждён о его плохой работе и вызывался не более двух раз в течение месяца.

2. Вычет за прогул, чтобы не превышал более одного рубля, но с тем, чтобы и хозяин также был бы обязан уплатить рабочему за прогул, происходящий по вине хозяйской: как то за простой, из-за основ, поломки машин и переделку оных на другие работы и пр., и пр., чтобы каждый прогульный час записывался в тетрадь расчётную, заработную, считая по выработке, но не менее сорока копеек в день (40) или двадцати копеек в смену (20).

3. Полное изменение условия найма между хозяином и рабочими по изданному государственному закону, чтобы каждый рабочий мог получить полный расчёт без всякого вычета и задержки, по заявлению рабочим за 15 дней о нежелании продолжать работу. Также и хозяин обязан объявить рабочему, за 15 дней о его расчёте и всё это записывалось бы в расчётные тетради. Буде же будет неисполнено с какой-либо стороны, то чтобы удовлетворилось двухнедельной заработной платой как с рабочего, так и с хозяина.

4. Доброкачественный материал соответствующий спросу о работе и заявление о сем происходило бы с сведениями тех рабочих, которые работаю поблизости, и записывалось бы в товарно-приемную книгу. Записи в книжку излишней меры в аршинах не превышать вес товара, не учащать расчет бердов (*бердо* – составная часть ткацкого станка в виде гребня из плоской проволоки с вертикально поставленными зубьями для удержания основы и для вынимания утка — Н.М.) и плотность товара. До сего времени от нас не принималось никакое заявление. Вновь назначенные работы не объявленные в расценках производились бы поденной оплатой до тех пор, пока рабочие окончательно усвоят эту работу и объявят, за сколько можно работать такой товар. Без общего соглашения на расценки, выставленные конторой, учредить государственный контроль, который уравнивал бы заработную плату.

5. Полное изменение условия найма между хозяином и рабочими по изданному государственному закону, чтобы каждый рабочий мог получить полный расчёт без всякого вычета и задержки, по заявлению рабочим за 15 дней о нежелании продолжать работу. Также и хозяин обязан объявить рабочему, за 15 дней о его расчёте и всё это записывалось бы в расчётные тетради. Буде же будет неисполнено с какой-либо стороны, то чтобы удовлетворилось двухнедельной заработной платой как с рабочего, так и с хозяина.

Полное удовлетворение рабочих за прогул со дня нашей остановки, происшедшей по вине хозяина. Прогульный день считать, по просьбе рабочих, не менее 40 коп. в день.

Беспрепятственные выдачи харчей до тех пор, пока рабочие будут удовлетворены в своих требованиях, без всякой расписки, потому что у нас за них уже вычтено и на каждом счету положено клеймо, что [деньги получены сполна]. Также и на будущее время не задерживать, потому, что у нас за хозяином за декабрь месяц удержана заработка. Выдача жалованья не задерживалась бы далее 15 или первую субботу после 15-го.

Свободный выбор старосты в артелях и чтобы староста не мог служить более трёх месяцев в виду того, чтобы не усвоить для хищения сбыта; производить ежемесячный учёт. Уволить от должностей

тех служащих и мастеров, которых найдут нужным рабочие и покажут отдельной запиской.

Приложение 9

Общий обвинительный акт (по делу 17 обвиняемых)

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

коим предаются суду Владимирского окружного суда без участия присяжных заседателей по обвинению в буйстве и стачке нижепоименованные 17 человек состоящие на свободе.

7 января 1885 г. в местечке Никольском Покровского уезда, на фабрике товарищества Саввы Морозова сын и К° начались среди рабочих беспорядки, продолжавшиеся и в течение последующих дней. Рабочие новоткацкого корпуса, недовольные задельною платою и вычетами за недоброкачественную выделку товара, прекратили в этот день работы и, обойдя вместе с прядильщиками остальные фабричные корпуса, заставили рабочих и других отделений прекратить работы. Когда во всех фабричных корпусах работы были приостановлены, то толпа фабричных, собравшиеся на улицах, стала производить грабежи, разрушая при этом здания. К вечеру этого дня в Никольское прибыли владимирский губернатор с двумя батальонами войска и судебные власти. В последующие затем дни беспорядки продолжались, несмотря на присутствие властей и войска. Толпы рабочих расхаживали по улицам и угрожали насилием всем тем, кто согласится стать на работу. Несмотря на неоднократные увещания со стороны губернатора прекратить стачку и беспорядки, причем рабочим предоставлялось или отправиться на работу в фабричные корпуса, или же в контору за получением расчета по день забастовки, толпа, выслушав эти увещания, отвечала отказом, требуя, чтобы был выдан расчет по пасху, т. е. за несколько месяцев вперед, причем уполномоченные от забастовщиков высказывали, что согласятся стать на работу в том только случае, если будут даны им те цены, что существовали до пасхи 1884 г., и если вычеты за недоброкачественную выработку не будут превышать 5% с заработанного рубля. Эти требования со стороны рабочих сперва заявлены были словесно, а затем 11 января были предъявлены и письменно в форме тетради, переданной уполномоченным от рабочих Василием Сергеевым Волковым в присутствии губернатора прокурору окружного суда. Волнения среди рабочих стали прекращаться только с 12 января, когда по распоряжению губернатора наиболее действующие из них арестованы при содействии войск и высланы с фабрики этапным порядком в ссылки их на места родины.

Произведенным предварительным следствием обнаружено, что стачка между рабочими была подготовлена главным образом двумя лицами, работавшими в новоткацком корпусе, крестьянином *Петром*

Анисимовым Мосеенок и серпуховским мещанином *Василием Сергеевым Волковым*. По приглашению *Мосеенка* ткачи в числе 19 человек собрались 5 января в соседнем селе Зуеве в ренковом погребе Конфеева для совещания о стачке. Из показания сознавшихся руководителей стачки *Петра Мосеенок* и *Волкова* на этой первой сходке участвовали 19 человек, но из числа участников указаны ими только *Федор Леонтьев Козлов*, *Филипп Григорьев Чугунов*, *Василий Андреев Курочкин*, он же *Васягин*, и *Иван Дмитриев Никифоров*. Из показания приказчика ренковского погреба Кулакова видно, что собравшиеся на эту сходку потребовали четверть водки, сдвинули столы, уселись кругом и начали о чем-то тихо говорить. Более других говорил *Мосеенок*, а остальные его слушали. Из разговора этого он расслышал, как *Мосеенок* объяснил рабочим, что каждый из них вырабатывает, на хозяина 1 470 руб. Когда водка была выпита, то он, Кулаков попросил рабочих удалиться из заведения, так как торговать четвертями было невыгодно для заведения. Уходя из ренковского погреба, *Мосеенок* громко сказал рабочим: «Здесь нам не позволяют говорить, но обида хозяина нам ясна», на это остальные рабочие закричали: «да». Так как на этой первой сходке не были окончены все те совещания, которые признавались необходимыми для устройства стачки, то порешили собраться на другой день в трактире на Песках, при чем *Мосеенок* советовал позвать на эту вторую сходку побольше народу. 6 января после обеда в трактире Трофимова, расположенном на песчаном берегу реки Клязьмы, между Никольским и селом Зуевым, собрались человек пятьдесят рабочих, были здесь и все те, что участвовали на первой сходке. Свидетели этого сборища — служащие в трактире Василий Смирнов, Иван Погодин и Роман Лемяхов показали, что из числа рабочих больше всех говорили *Мосеенок* и *Волков*. Они читали какие-то записки, толковали, что трудно жить, что надо что-нибудь устроить, совещались о стачке: слышны были даже и угрозы, что кто пойдет на работу, тому голову долой. На этом совещании решено было на следующий день на работу не ходить, а собираться всем у дверей фабричных корпусов, но в самые корпуса не входить. Вечером 6 января проживающий на Никольской фабрике директор Дианов узнал об этом решении рабочих, а потому распорядился, чтобы служащие при фабрике чернорабочие на утро не уходили на работы, а

отправлялись к новоткацкому корпусу и не дозволили рабочим останавливаться у дверей. Около 5 часов утра 7 января чернорабочие расположились около этого корпуса в числе около ста человек, и когда в 6-м часу ткачи, подходя к этому корпусу, стали было останавливаться у дверей, то чернорабочие, исполняя данное им приказание, принуждали их входить в корпус, чему ткачи не могли не подчиниться, потому что, собираясь по одиночке, не в силах были сопротивляться целой сотне поставленной охраны. Когда в новоткацком корпусе собрались почти все ткачи, то был зажжен газ и начались работы во всех трех этажах здания; но работали недолго: в исходе 6-го часа ткачи начали отходить от станков, собирались кучками в коридорах и

отхожих местах и о чем-то между собою совещались. Ровно в 6 часов по всему корпусу раздались крики: «сегодня праздник, кончайте работу, гасите газ, бабы, выходите вон». Вслед затем началось завертывание газовых рожков, и все рабочие этого корпуса с шумом и гамом, криками «ура» стали одеваться и выбегать на улицу. Поставленная здесь охрана уже не могла сдержать насилия толпы в несколько сот человек, направившейся в соседний прядильный корпус. К появлению ткачей прядильщики видимо были подготовлены, и когда те ворвались к ним, то по всему прядильному корпусу также раздались крики: «кончать работу и гасить газ» — и вскоре все прядильщики, соединившись с ткачами, вышли на улицу, напали здесь на чернорабочих, избili их и прогнали за реку. Затем толпа эта обошла все фабричные корпуса и всюду принуждала прекращать работу. Когда во всех фабричных зданиях работы были остановлены, толпа в несколько тысяч человек в течение целого утра производила буйства, грабежи, разрушала здания, позволяла себе угрозы и насилия против сторожей и фабричной администрации. Начавшиеся с этого дня волнения среди рабочих не прекращались и в следующие дни, а приостановленные по всей фабрике работы возобновились только с 14 января» причем в этот день явилось в фабричные корпуса желающих работать всего около 800 человек. В следующие за тем дни число согласившихся работать постепенно увеличивалось, и к концу января во всех фабричных корпусах уже не ощущалось недостатка в рабочих.

Предварительное следствие, обнаружив устроителей стачки, а также и участников в грабежах и разрушении зданий, выяснило также виновность нижеследующих лиц, преступная деятельность которых ограничилась лишь участием в стачке и буйстве. По показаниям свидетелей — смотрителей ткацкого корпуса Пенкина и Прусакова и конторщика прядильной фабрики Александра Орлова, ткачи: Федор Авдеев, Шелухин, Павел Семенов Кузнецов, Алексей Антонов Хотков, Герасим Сергеев Холконов, Максим Васильев, Феофан Егоров Елизаров, Ефим Дмитриев Спиридонов и Михаил Данилов — перед началом забастовки кричали по ткацкому корпусу, чтобы гасили газ, кончали работу и выходили вон с фабрики. Из показания смотрителя нижнего этажа прядильного корпуса Гусева видно, что ткач Михаил Денисов Козлов один из первых ворвался в прядильную и стал гасить газ. Свидетель — подмастерье ткацкого корпуса — Введенский удостоверил, что толпа ворвалась в старое ткацкое заведение под предводительством ткача Филата Тимофеева Титова. Принимавший участие в совещаниях о стачке 5 и 6 января ткач Федор Леонтьев Козлов, по показанию свидетелей — капитана Великолудского полка Янушевского, жандармского полковника Фоминщина и полицейского надзирателя Васильева, во время уличных беспорядков, всегда находился впереди толпы, управлял ею и подговаривал не ходить на работы. Замеченный свидетелями как подстрекатель рабочих в новоткацком корпусе к прекращению работ — ткач Шелахов во время беспорядков, происходивших 11 января, был арестован по распоряжению губернатора как подстре-

кавший и в этот день рабочих не соглашаться на условия, предложенные фабрикою, и не ходить на работы.

При нападении, сделанном того же 11 января толпою рабочих на военный караул, с целью освобождения арестованных, ткач Венедикт Зиновьев Зубрилин, как удостоверил свидетель Крылов, стал звонить в набатный колокол, чем еще более произвел беспорядок и тревогу. Из показания свидетеля Сысоева видно, что 12 января ткач Иван Егоров Капранов ругал его, Сысоева, за то, что он ходит на работу, а 15 января, он и Капранов, войдя в 8-ю казарму, крикнул на весь коридор: «хорошенькую новость принес: Щербаков (Мосеенок) приехал из Москвы с деньгами, у кого хлеба не будет — будут раздавать, слышно, что и Ваську (Волкова) освободили». Показаниями свидетелей Епифана Семенова и Филимона Кручинина удостоверено, что утром 14 января к ним в 7-ю казарму пришел из 6-й казармы ткач Леонтий Васильев Васильев, уговаривал столпившихся в коридоре рабочих не ходить на работу и говорил при этом, что скоро наступит девятый день и у них на фабрике будет новый хозяин.

Поименованные семнадцать человек, допрошенные в качестве обвиняемых как участники стачки и уличных беспорядков, не признали себя виновными в этих преступлениях, за исключением одного из них — Ивана Дмитриева Никифорова, который в показании своем объяснил, что принимал участие вместе с другими в стачке рабочих, устроенной с целью принудить фабрику к возвышению заработной платы.

На основании вышеприведенных свидетельских показаний: 1) кр. Федор Леонтьев Козлов, 37 лет; 2) Филипп Григорьев Чугунов, 23 лет, 3) кр. Васильев Андреев Курокин (он же Васягин), 32 лет; 4) мещанин Павловского посада Иван Дмитриев Никифоров, 25 лет; 5) запасный рядовой Федор Авдеев Шелухин, 27 лет; 6) запасный рядовой Павел Семенов Кузнецов, 31 года; 7) запасный рядовой Алексей Антонов Ходков, 37 лет; 8) запасный рядовой Филат Андреев Титов, 27 лет; 9) кр. Герасим Сергеев Холконов, 24 лет; 10) кр. Максим Васильев, 19 лет; 11) кр. Феофил Егоров Елизаров, 25 лет; 12) кр. Ефим Дмитриев Спиридонов, 25 лет; 13) кр. Михаил Денисов Козлов, 24 лет; 14) кр. Михаил Данилов, 19 лет; 15) кр. Венедикт Зиновьев Зубрилин, 32 лет; 16) запасный унтер-офицер Иван Егоров Капранов, 28 лет, и 17) кр. Леонтий Васильев Васильев, 27 лет, достаточно уличаются в том, что принимали участие в уличных беспорядках и в стачке, имевшей целью принудить Никольскую мануфактуру к возвышению заработной платы и отмене денежных вычетов за недоброкачественную работу. Преступные деяния эти предусмотрены 37 и 38 ст. уст. о нак., нал. мир. суд., и 1358 ст. уголов. суд. о нак. Ввиду чего и согласно 202 ст. уст. уг. суд. означенные 17 человек предаются суду владимирского окружного суда, без участия присяжных заседателей.

Составлен 17 июня 1885 г. в г. Владимире.

Прокурор Товарков.

(Морозовская стачка 1885 г. — М, Централхив, 1935. — С. 153—/58).

Обвинительный акт по делу 33-х.

1885 г., августа 22 дня по указу его императорского величества московская судебная палата, по уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством председателя департамента А. И. Воеводского и Н. А. Манасеина, при товарище прокурора палаты Н. Х. Померанцева и при помощнике секретаря В. В. Кричевском, слушала: 1) доклад члена палаты А. В. Воеводского по делу, предложенному прокурором палаты 27 июля с. г. за № 2898, о беспорядках на Никольской мануфактуре «Саввы Морозова сын и К^о», 2) обвинительный акт прокурора владимирского окружного суда Товаркова и 3) словесное заключение товарища прокурора палаты» Обстоятельства дела: 7 января 1885 г. в местечке Никольском, Покровского уезда, на фабрике товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» начались среди рабочих беспорядки, для прекращения которых потребовалось вмешательство военной силы. Вечером накануне этого дня директор-распорядитель на фабрике Дианов узнал от конторщика прядильного заведения Гаранина, что ткачи собираются бунтовать, и что в соседнем селе Зуеве, около кабачков и трактиров, видели человек полтора ста рабочих, которые совещались о бунте и решили даже для этого сделать складчину по 3 руб. с человека. Предполагая, что ткачи затевают обыкновенную стачку, Дианов, в предупреждение могущих быть по этому поводу беспорядков, распорядился еще с вечера, чтобы служащие на фабрике торфяники кг расходились на утро на работы, а оставались в своих казармах. Утром 7 января, часу в пятом, торфяники были расставлены около ткацкого корпуса и им приказано было не допускать ткачей, идущих на работы, останавливаться у дверей корпуса. В 5 часов утра, следуя фабричному порядку, сторожа при рабочих казармах прошли с кологушками по коридорам, после чего из казарм начали выходить рабочие, направляясь каждый к своему корпусу. Те из них, которые работали на новоткацком заведении, стали было останавливаться у дверей этого заведения, о чем-то переговариваясь между собой, но поставленные здесь чернорабочие принуждали их войти в здание. Около 6 часов утра во всех фабричных корпусах был зажжен газ и начались работы, В новоткацком корпусе во всех трех этажах ткачи стали у станков и также принялись за работу. Но это продолжалось недолго; в исходе 6 часа смотрители этого корпуса стали замечать, что рабочие о чем-то переговариваются между собою, отходят от станков, собираются кучками в коридорах, в отхожих местах, при требовании разойтись не сопротивляются, расходятся в одном месте, но собира-

ются в другом и как-то неохотно подходят к станкам. В 6 часов утра, как бы в условленное время, во 2-м этаже этого корпуса раздались призывные крики: «бабы, выходите вон, гасите газ, все кончайте работу, сегодня праздник». Вслед за тем ткачи, перебегая из 2-го этажа в 3-й, стали гасить газ, и с криком «ура» толпа в несколько сот человек вышла на улицу и двинулась по направлению к соседнему прядильному корпусу, где еще продолжалась работа. Войдя в прядильный корпус, ткачи разделились на четыре партии и разошлись по всем четырем этажам, везде закручивая газовые рожки. Прядильщики видимо были подготовлены к этому движению, и когда ткачи ворвались к ним, то во всем здании послышались крики «кончайте работу», при этом гасили газ, рвали пряжу и разбивали газовые фонари, бросая в них катушками пряжи. Вслед за тем работы в этом корпусе прекратились, и все прядильщики, присоединившись к ткачам, со свистками и гамом вышли вместе с ними на улицу, где образовалась толпа уже тысячи три человек. Вооружившись кольями, ломами, кусками кирпичей и торфа, толпа разогнала поставленных для охраны чернорабочих и затем, разделившись на две партии, направились по двум главным фабричным улицам. Одна партия шла по Английской улице, по направлению к больнице и училищу, а другая по Никольской улице, к зданиям главной фабричной конторы. Первое шествие толпы по этим двум направлениям ограничилось разбитием стекол в фабричных зданиях и в квартирах некоторых служащих. Та толпа, которая направилась по Никольской, улице, пыталась было войти во двор главной конторы, но чернорабочие, прогнанные от ткацкого корпуса и собравшиеся теперь на этом дворе, успели запереть ворота. Ограничившись на этот раз разбитием стекол в окнах конторы, толпа прошла обратно к новоткацкому корпусу и здесь, соединившись с другой партией, возвратившейся с Английской улицы, напали на красильное заведение. Запертые ворота этого заведения были разломаны, фонари и стекла в окнах побиты, затем несколько человек из нападавших бросились в паровое отделение и, угрожая сторожу Соболеву убить его, заставили остановить машину, после чего из всех «этажей красильного здания рабочие были выгнаны. На слесарную мастерскую было сделано два нападения; в первый раз слесаря успели запереть двери и не пустили в мастерскую, но затем, когда они ушли из мастерской, то толпа ворвалась в слесарную и, угрожая убить сторожа Давыдова, произвела здесь разрушение. Конторка мастерской была разгромлена, часы сброшены, книги и счета уничтожены. От слесарной мастерской толпа отправилась на так называемое старое заведение и здесь точно так же выгнала из корпусов ткачей, плисорезов и прядильщиков. Прекративши работы во всех фабричных корпусах, бунтующая толпа рабочих, часов около девяти утра, когда уже сделалось совсем светло, начала разрушать здания и производить грабежи. Первое нападение было сделано толпою на квартиры служащих при фабрике: директора прядильного отделения Лотарева и ткацкого мастера Шорина. В домах, где живут эти лица, рабочие, проходя еще в первый раз по Анг-

лийской улице, уже побили стекла, бросая в окна кусками торфа и кирпичами. При втором нападении дома эти подвергались разрушению, а дом Шорина вместе с тем полнейшему разграблению всего находившегося в нем имущества. Покончивши с этими домами, толпа прошла на конный двор и отсюда через задние ворота ворвалась во двор главной конторы. Собранные здесь чернорабочие не могли по своей сравнительной малочисленности удержать насилия вооруженной толпы, многие из них были побиты, и потому большинство их разбежалось и спряталось по казармам. Во дворе главной конторы толпа рабочих начала грабить харчевую лавку и хлебопекарню, разрушивши предварительно все окна и запертые двери этих помещений. Разграбление продолжалось около двух часов, причем денежные конторки в обоих помещениях были изломаны, деньги из них похищены, счета и книги уничтожены; все жизненные припасы из харчевой лавки, как-то: мясо, хлеб, масло и т. п., составлявшие предмет торговли для всей фабрики, были расхищены; из хлебопекарни не только похищен был готовый хлеб, но и вынут из печей только что туда посаженный, а также унесено и тесто, приготовленное для печения. Одновременно с разграблением лавок сделаны были еще следующие нападения на тот же двор с целью грабежа. Из нижнего этажа конторы нападавшие делали попытку похитить сложенный здесь товар, но им удалось только унести штуки две сурового полотна, так как остальные конторщики успели спрятать. У проживавшего при конторе лакея Александра Самарина похищено: пара платья, две фуражки и перчатки. Одновременно с этим несколько человек из бунтующей толпы ворвались в казарму на конном дворе, где помещаются татары. При появлении их татары разбежались и остался один только Хусейн Колиберов, к которому нападавшие и подступили, угрожая убить его. Колиберов встал на колени и упросил пощадить его. Грабители забрали здесь одежду татар, перебили у них посуду и затем удалились. Разграбивши харчевую лавку и пекарню и уничтожив в этих помещениях почти все, что неудобно было похитить, грабители вышли со двора через главные ворота на Никольскую улицу. Отсюда одни из них целыми толпами направились на противоположный берег реки Клязьмы, в соседнее село Зуево, унося с собою награбленные съестные припасы, другие же остались на Никольской улице и начали сперва бить стекла в квартирах директора Дианова и бухгалтера Анофриева, а затем приступили к разграблению розничного магазина. Этот магазин был открыт с год тому назад на правах товарищества и принадлежал пайщикам, в число которых могли вступить только рабочие и служащие при фабрике, внесшие для торговли в магазине известную сумму. В описываемое время в магазине было товара на сумму до 30 тыс. руб.; доход от торговли составлял собственность пайщиков, поэтому при нападении на магазин грабителей явилось много лиц, заинтересованных в том, чтобы не допустить расхищение магазина. Когда грабители, добывши лестницу, разбили ею окна магазина, а затем влезли по этой лестнице во внутрь магазина, то видевшие все это приказчики и рабочие-пай-

цики стали подговаривать народ отбить грабителей от магазина, обещая за это угостить водкою и вознаградить деньгами. На этот призыв явились охотники, которые и вступили в борьбу с грабителями. Раз три защитники должны были отступить перед насилием более многочисленных грабителей, но когда нападавшие на магазин, побросав колья и ломы, которыми они были вооружены, влезли в самый магазин для грабежа, то этим временем лица, решившиеся отбить грабителей, завладели этим оружием и, разместившись по окнам магазина, начали бить каждого вылезавшего из магазина грабителя. Результатом этих действий было, что розничный магазин пострадал весьма на малую сумму сравнительно со стоимостью товара, в нем находившегося, но зато после этого побоища в тот же день в фабричную больницу было доставлено с более или менее значительными ранами пять человек, а шестой — крестьянин Иван Захаров — получил, безусловно, смертельные повреждения, от которых и умер в ночь на 9 января, находясь все время в бессознательном состоянии. После не вполне удавшегося разграбления этого магазина толпа возмущившихся рабочих прекратила насильственные действия, и хотя движение по улицам продолжалось до вечера, но открытых нападений на имущество уже не происходило. Вечером того же 7 января на место происшествия прибыли: владимирский губернатор с двумя батальонами пехоты, а также и судебные власти. В последующие за тем дни, ввиду продолжавшихся беспорядков и нежелания со стороны рабочих подчиняться требованию губернатора о прекращении стачки, были выгребованы из Москвы еще батальон пехоты и Донской казачий полк в полном составе. Утром 8 января по распоряжению губернатора были призваны ткачи, явившиеся в числе ста человек во двор главной конторы, и им приказано было высказать причины, по которым они прекратили работы. Стоявшие впереди толпы рабочие высказали при этом, что их замучили штрафами, придираются к каждой штуке товара и, вследствие этого, заработка сделался настолько мал, что не хватает даже на харчи. После этих объяснений рабочие были отпущены. В тот же день, прибывший из Москвы на фабрику главный директор-распорядитель Тимофей Саввич Морозов, по совещании с губернатором, решил сделать уступку для рабочих и посредством письменных объявлений, расклеенных по фабричным зданиям, объявил, что те взыскания, которые сделаны с ткачей, прядильщиков и плисорезов с 1 октября 1884 г. по 1 января 1885 г. за плохие работы, им возвращаются и притом всем им делается расчет. Затем желающие поступить на работы могут быть вновь наняты на тех же условиях, которые были объявлены им при найме 1 октября 1884 г. В тот же день эти объявления во многих местах были сорваны, а условия, в них обозначенные, послужили поводом к новым беспорядкам. С утра 9 января на фабричных улицах появились массы рабочих и с криками «ура» производили беспорядки, несмотря на присутствие властей и войск. Около 11 часов утра толпа рабочих, вооруженная кольями, напала на красильное заведение, где в это время только что начаты были работы, и хотя красильщики при

помощи подоспевшего войска и отбили нападающих, но ввиду угроз, высказанных забастовщиками, что они будут уничтожать имущество всех тех, кто решился идти на работу, красильщики уже стали опасаться оставлять свои казармы, и таким образом того же 9 января прекратились работы и на этом заведении. В требованиях своих, заявленных в этот день губернатору, ткачи через своих уполномоченных высказали, что они желают, чтобы цены на работу были существовавшие до пасхи 1884 г., чтобы вместо штрафов был сделан у них вычет по 5% с заработанного рубля и что, если хозяин желает кого-либо теперь же расчесть из них, то чтобы расчет был выдан по пасху. В доказательство своих малых заработков ткачи указали на новую материю «малескин», работая которую ткач в течение 15 дней получает только 1 р. 25 к.

На эти требования рабочих администрация ответила отказом, распорядившись лишь приостановить расценку на работу малескина, и затем, через вновь повторенные объявления, расклеенные 11 января, директор фабрики подтвердил все те условия, о которых объявлено было рабочим 9 января. С утра 11 января на переезд железной дороги, отделяющей фабричные здания от казарм, где живут рабочие, собралась громадная масса фабричных, сдерживаемая в дальнейшем своем движении заранее расставленным войском. В 10 часов утра к этому переезду прибыли губернатор совместно с должностными лицами административного и судебного ведомств. На требование губернатора, чтобы рабочие разошлись и отравились или на работы, или не желающие работать — за расчетом в контору, из толпы раздались крики: «не согласны работать, расчет по пасху». Затем из толпы отделился ткач Федор Авдеев Шелухин и, как уполномоченный от рабочих, заявил губернатору, что на предложенные фабрикою условия никто согласиться не может. К Шелухину присоединился другой ткач, Василий Сергеев Волков, и, подтверждая сказанное Шелухиным, приказал толпе молчать. Влияние Волкова на массу бунтующих рабочих, замеченное и в предыдущие дни, оказалось и в этот раз. Толпа мгновенно стихла, и тогда, обратившись к кому-то из рабочих, Волков потребовал условия, составленные самими рабочими, и когда ему кем-то была подана тетрадь, то Волков, передавая эту тетрадь прокурору окружного суда, требовал, чтобы написанные в ней условия были здесь же прочитаны всем рабочим. Ввиду вредного влияния на толпу рабочих, не раз уже проявленного Волковым, губернатор распорядился арестовать его и Шелухина. Когда Волков был окружен войсками, то, обратившись к рабочим, сказал: «мы перед капиталистами говорить не можем, пропадать, так пропадать всем, я за всех или все за меня». Этими словами он вызвал в толпе крики «все», «все». После ареста Волкова и Шелухина толпа стала подвигаться вслед за ними, но была удержана развернутым фронтом казаков. С удалением Волкова и Шелухина беспорядки не прекращались, что и вызвало со стороны губернатора новое распоряжение — окружить войсками передние ряды рабочих и арестовать их. Арестованных при этом оказалось 51

человек, которые под конвоем и отведены были в помещение главной конторы. Здесь все они были переписаны, причем, как оказалось впоследствии, большинство из них назвалось ложными именами, и затем отправлены для содержания под стражей в казарму против нового ткацкого корпуса. Помещение для арестованных отведено было в 3-м этаже этой казармы, где в обыкновенное время имеет жительство артель мальчиков. Весь этот этаж состоит из двух комнат очень большого размера, имеющих сообщение между собой через двустворчатые двери. Прежде чем поместить арестованных в одну из этих комнат, распорядились забить соединяющие обе комнаты двери досками, а у выходных дверей, ведущих на лестницу, был поставлен караул. Но едва арестованные были введены сюда и караул успел занять свой пост, как из смежной комнаты послышались крики вбежавшей туда толпы рабочих, вслед за тем была разрушена забитая дверь и арестованные, воспользовавшись этим выходом, бежали. Пока военный караул, поставленный лишь у наружных дверей, успел сбегать вниз и призвать на помощь подкрепление от войск, расположенных вблизи этих казарм, большинство арестованных уже успело вмешаться в толпу, так что из 51 человека арестованных было удержано только 12 человек. При этом нападении толпы, проявившей насилие над военным караулом, солдаты должны были действовать прикладами и даже штыками, но и рабочие в свою очередь нападали на солдат, вооруженные досками, и бросали в них камнями, причем у одного из солдат ударом камня разбито ложе ружья. После этого столкновения оставшиеся под арестом 12 человек были переведены в другое, более безопасное помещение, именно в одно из зданий, расположенных во дворе главной конторы. Здесь же содержались и арестованные утром в тот же день Волков и Щелухин. Часу во 2-м дня вновь собравшаяся на улице толпа рабочих пожелала сделать заявление губернатору, и когда губернатор вышел на улицу, чтобы выслушать их, то из толпы послышались голоса, требовавшие освобождения арестованных. На вопрос, кого именно, отвечали: «Василия». На это требование губернатором дано было объяснение, что Волков арестован по распоряжению судебной власти за грабеж. Дальнейших требований толпа не предъявляла. В тот же день, часу в 6-м вечера, когда уже совсем стемнело, к зданиям главной конторы фабрики, где имели пребывание должностные лица и где также содержались арестованные, собралась толпа рабочих в несколько тысяч и заняла всю Никольскую улицу. Послышались крики, требовавшие выдачи арестованных, и в особенности кричали об освобождении «Васьки», «нашего человека»; толпа при этом все ближе надвигалась к окнам нижнего этажа, и, несмотря на неоднократные увещания со стороны военного начальства, рабочие не отступали и продолжали кричать о своих требованиях: тогда по распоряжению губернатора военным начальством отдано было приказание войскам оттеснить толпу силою. Исполняя это распоряжение, казаки должны были употреблять в дело нагайки и этим только способом могли рассеять толпу. Во время преследования бегущих из тол-

пы было брошено в казаков несколько камней. На следующий день, ввиду продолжающихся беспорядков, губернатором сделано распоряжение о заарестовании рабочих, наиболее замеченных в неповиновении и беспорядках, и о высылке таковых с фабрики на места их родины. Меру эту начали приводить в исполнение с 12 января, и в течение последующих затем дней с Никольской фабрики было выслано под надзором военной стражи около 600 человек, отправленных партиями в Москву и во Владимир для отсылки их из этих городов на места их родины. После этих распоряжений волнения среди рабочих уже не возобновлялись, а с 14 января на фабрике начались работы. Произведенным по поводу этих беспорядков предварительным следствием выяснено, что причиной стачки рабочих было недовольство уменьшившимися за последние годы заработками, а также высокими вычетами из заработной платы за недоброкачественную работу. Застой в торговле, принудил фабрикантов понизить заработную плату в 1884 г. для всех рабочих почти на 25%. Независимо от сего, товарищество Никольской мануфактуры стремилось к выработке товара возможно лучшего качества, и поэтому служащие на этой фабрике довольно строго относились к доброкачественности изделий и, согласно расценкам, заранее объявленным в особых таблицах, делали вычеты из заработной платы в случае порчи товара или недоброкачественности исполнения работы. По словам рабочих, особенно строгостью на фабрике отличался ткацкий мастер Шорин, на дом которого, прежде чем на другие помещения, толпа рабочих и сделала нападение, разграбив и уничтожив все имущество. Кроме того, следствием обнаружено, что беспорядки, происшедшие в январе месяце 1885г., были подготовлены работавшим на той же фабрике крестьянином Петром Анисимовым Мосеенко, поступившим на фабрику в ноябре 1884 г. Мосеенок работал на одном из станков во 2-м этаже новоткацкого корпуса; жена его, Екатерина Сазонова, тоже ткачиха, поступила в качестве работницы в 3-й этаж того же корпуса. С первых дней поступления на фабрику Мосеенок, заметивши неудовольствие ткачей за большие с них вычеты, начал еще более восстанавливать их против фабричной администрации. По вечерам, в казармах, собирая вокруг себя рабочих, он объяснял им их тягостное положение, читал статьи по экономическим вопросам, толковал об эксплуатации труда и советовал что-нибудь сделать такое, чтобы заставить возвысить заработную плату. Под влиянием этих речей ткачи решились сделать стачку еще перед рождественскими праздниками, но отступились от этого решения потому только, что это лишило бы их получки денег и некоторым из них не с чем было бы встретить праздник; поэтому условились сделать стачку после праздников. Первое совещание по вопросу о стачке состоялось 5 января в селе Зуеве, в ренском погребке Конфеева. Сюда, по приглашению Мосеенка, явился человек девятнадцать ткачей; они потребовали четверть водки, сдвинули столы и, усевшись кругом, начали о чем-то тихо говорить. По показанию находившегося приказчика Кулакова, больше всех говорил Мосеенок, а остальные слушали

его. Из слов его он расслышал только, как тот сказал, что рабочий выработывает 1470 или 1 740 руб. Когда водка была выпита, то он, Кулаков, попросил рабочих удалиться из заведения, потому что для них выгоднее торговать в розницу, а не четвертями. Уходя из заведения, Мосеенок уже громко сказал: «здесь нам не позволяют говорить, но обида хозяина нам ясна». На это остальные рабочие закричали «да». В этой сходке принимал участие и Василий Сергеев Волков. Ввиду того, что совещания на этой сходке не были вполне окончены, рабочие решили собраться на другой день в трактире на «Песках», причем Мосеенок советовал позвать по больше народу; 6 января, часов в 12 утра, в трактире Трофимова, расположенном на песчаном берегу реки Клязьмы, собралось рабочих человек пятьдесят. Свидетели этого сборища—служащие в трактире Василий Смирнов, Иван Погодин и Роман Лемяхов — показали, что из рабочих больше всех говорили Мосеенок и Волков. Они читали какие-то записки, толковали, что трудно жить, что надо что-нибудь устроить, совещались и о стачке, слышны были и угрозы, что кто пойдет на работу, тому голову долой. Из показания Мосеенка видно, что на этом совещании решено было на следующий день на работу не ходить, но собираться всем у фабричных корпусов и оставаться на улице; этот план, как показывали последующие события, не удался. Рабочие, собираясь по одиночке к ткацкому корпусу, не могли оказать сопротивление поставленной здесь охране из чернорабочих и, принуждаемые ими, должны были войти в здание и даже приняться за работу. В совещаниях, которые начались в 6 час. утра 7 января в новоткацком корпусе относительно прекращения работ, особенно деятельное участие принимали те же Мосеенок и Волков, оба они перебежали из одного этажа в другой, созывали рабочих в отхожие места и здесь уговаривали их: прекратить работу, погасить газ и всем идти из корпуса на улицу. В уличных беспорядках Волков с флагом в руках предводительствовал толпой. Его видели свидетели и при разрушении слесарной мастерской и при нападении с целью грабежа и разрушения зданий на квартиру Шорина. В последующие дни Волков продолжал управлять толпой. Днем он обыкновенно был на улице и подстрекал рабочих к продолжению стачки, вечером вместе с Мосеенком обходил казармы и уговаривал рабочих не поддаваться на увещания начальства, стоять твердо на своих требованиях и не ходить на работу, пока фабричная администрация не согласится на заявленные ими условия. Таковы в отношении Волкова и Мосеенка показания Горячкина, Прусакова, Зарайского, Шапина, Залетаева, Орлова, Барышкова, Разумова, Садекова, Корчажкина и других. При разрушении квартиры директора Лотарева замечен был, между прочим, столяр Ермолай Иванов Курбатов, который, находясь в толпе, подстрекал рабочих бить стекла и уничтожать имущество Лотарева; это удостоверяется показанием свидетеля-крестьянина Терентия Григорьева Котяхина (т. II, л. 106 об.). При разбитии стекол в доме директора Дианова и во время разру-

шения и разграбления розничного магазина обратил на себя внимание свидетелей прядильщик Егор Александров Тарасов, который, по показаниям Алексея Козьмина, Любынского, Фортова, Чумакова, Кузнецова и Быстрова, бил стекла, приставал к проходящим, дрался и вообще принимал участие в буйстве и разрушении зданий. Из лиц, участвовавших в ограблении дома Шорина, свидетельскими показаниями и найденным поличным достаточно уличаются: ткачиха Лукерья Фектистова Тихомирова, у которой по обыску, произведенному в ее каморке 9 января, найдены следующие вещи, похищенные из этого дома: саквояж, мельница, миткалева занавеска, подхваты от драпировки, пара чулок, носок и обрывок кисейной занавески. Тихомирова показала, что вещи эти подняла на улице. Ткач Адриан Никифоров Семенов и ткацкий смотритель Кирилл Васильев Загрядский утром 7 января были задержаны близ местечка Никольского на болоте со стенными часами, оказавшимися из квартиры Шорина, оба они продавали часы за 5 рублей, что удостоверено показаниями Зуйкова, Петрова, Епифанского, Якунина и Коновалова. В ограблении Семенов и Загрядский не сознались, объяснив, что отобранные от них часы подняты ими на улице. В то же утро в селе Орехове полицейский урядник Минервин, по указанию свидетелей Гордея и Ивана Епифановских и Николая Недошивина, задержал двух рабочих: присучальщика Матвея Петрова и прядильщика Игнатия Степанова, Поварова, которые продавали Недошивину картину в золоченой раме, а Поваров — зеркало в ореховой раме. Обвиняемые не сознались в ограблении этих вещей из дома Шорина и объяснили, что отняли картину и зеркало у мальчишек. Из показания свидетелей—Ольги Павловой, Сергея Трифонова и Настасьи Федосеевой видно, что рабочий шпоруточник Ефрем Иванов Скворцов во время грабежа влезал в квартиру Шорина, ходил *там* по комнатам, а потом выпрыгнул из окна, унося с собою что-то спрятанное под полою надетого на нем дипломата. Прядильщик Николай Богданов кричал толпе, грабившей дом Шорина: «за мной, ребята» и разбивал при этом железной палкой окна дома. Ткач Алексей Петров Коробкин (по фабричному—Селедкин) сначала бил в доме Шорина окна, а затем влез через окно в дом и начал выбрасывать оттуда картины, книги, бумагу, а когда в окно были выброшены кем-то два ковра, то Селедкин вынул из кармана нож, стал резать ковры и эти куски выбрасывал по сторонам. В показаниях своих эти трое обвиняемых не признали себя виновными в грабеже и объяснили: Скворцов, что у дома Шорина поднял на снегу книгу «Механическое ткачество», спрятал ее под полу и ушел. Богданов сознался только в истреблении имущества Шорина, а Коробкин (Селедкин) заявил, что у дома Шорина вовсе не был, а весь день 7 января нигде не выходил из своей каморки. При разграблении харчевой лавки и хлебопекарни замечены были следующие лица: ткач Кирилл был задержан 7 января в селе Зуеве с похищенными из харчевой лавки весами и гирями, при задержании в кармане у него оказалось сало (показание Гомерова, Щербакова, Куревова и Кулинина), обвиняемый Петров не сознался в грабеже, объяс-

няя, что не знает, как попали к нему гири в карман. Свидетель Максим Новиков видел, как во время разграбления лавок рабочий Григорий Тимофеев Копылов тащил по направлению к селу Зуеву свинину и муку. Обвиняемый Копылов не признал себя виновным в грабеже, объяснив, что в тот день он и не был в Никольском, а находился в Зуеве у своего брата, у которого живет с покровы, не имея места. Свидетели Михалкин и Абрамов (он же Худяков), как очевидцы, удостоверяли, что ткач Николай Иванович Евстифеев во время разграбления влезал в лавку и выбрасывал оттуда хлебы. Обвиняемый Евстифеев не сознался в этом, утверждая, что участия в грабеже не принимал, хотя и был у харчевой лавки. По показанию тех же свидетелей, рабочий-колотилыщик Антон Семенов разбивал окна у харчевой лавки, взламывал замок у двери и влезал в лавку, но взял ли что-либо оттуда, — свидетели не видели. Обвиняемый Семенов не признал себя в том виновным, объяснив, что до время разбития лавок был на дворе из любопытства и никакого участия в том не принимал.

Свидетель, помощник старшего конторщика Василий Рогов, часов около 11 утра увидел троих рабочих на дворе с награбленною из лавок мукою. Двое из них убежали, а третьего он удержал с пятью холщевыми мешками с клеймом Бугрова, вложенными один в другой. Задержанный оказался чернорабочий Макар Сергеев Устинов. Привлеченный в качестве обвиняемого, Устинов не признал себя виновным в грабеже, и хотя не отвергает того, что действительно был задержан Роговым, но утверждает, что при задержании мешков у него не было. Показанием свидетеля очевидца конторщика Дмитрия Сергеева Авдеева ткач Никита Никоноров Мясиков уличается в том, что во время разграбления, происходившего во дворе, тащил из лавки мешок с мукою или крупую. Спрошенный в качестве обвиняемого крестьянин Мясиков показал, что, когда их выгнали из ткацкого корпуса, то он ушел к себе в каморку и там выпил, поэтому не помнит, был ли он у харчевой лавки и в какое время.

Показаниями свидетелей Аксиньи Сергеевой и Алексея Малькова удостоверено, что 7 января они видели, как от разграбленной лавки по направлению к железной дороге шел смотритель мотальной Константин Васильев Волков и нес на плече полтуши свинины. Привлеченный на основании этого в качестве обвиняемого в ограблении, оставной фельдфебель Волков показал, что свинину, с которой его встретили, он отбил от неизвестных лиц и отдал ее сторожу при пожарном депо Хлебникову, но свидетель этот заявил, что Волкова он совсем не знает, свинины от него не принимал, да и вообще в течение 7 января никто ему свинины не передавал. Кроме того, свидетель Мальков показал, что 7 января, в полдень вблизи переезда через железную дорогу он встретил Волкова, несшего на плече свинину. Волков даже обратился к нему со словами: «Алексей, пособи нести свинину», но он, свидетель, сказал, что ему некогда, и пошел своей дорогой. Когда Волков содержался под арестом, то жена его принесла от него Малькову записку, в которой было писано: «скажи Алексею, чтобы он говорил,

что отняли и сдали в пожарный сарай сторожу в кошельке». Записка эта приложена к делу.

Показаниями свидетелей Сидора Трофимова и Константина Никитина рабочий плисорез Гаврило Нефедов Чирьев уличается в том, что во время разграбления харчевой лавки рубил топором сало в кадке и куски раздавал народу. Не сознаваясь в этом, крестьянин Чирьев показал, что в лавке он был и когда увидел, что мальчики берут из кадки сало, то только сказал им: «добирайте его, уже немного осталось». Свидетели Игнатий Козьмин и Дмитрий Семенов утром 7 января задержали проходившего мимо ткацкого корпуса рабочего плисореза Ивана Маркова, который нес три куска мыла и четверик стеариновых свечей. Допрошенный в качестве обвиняемого крестьянин Марков не признал себя виновным в грабеже и объяснил, что мыло и свечи поднял и унес потому, что все уносили.

Свидетелями Иваном Цырковым и Федором Содсковым во время разграбления лавки был задержан чернорабочий Петр Дмитриев, который нес на плече мешок с полпуда с белой мукою. Будучи привлечен в качестве обвиняемого, Петр Дмитриев не признал себя виновным в грабеже, объясняя, что по глупости поднял у харчевой лавки мешок с овчиною, но десятник Иван отнял у него этот мешок. Тот же свидетель Цырков и десятник Василий Зарайский часов около 11 утра задержали на конном дворе фабричного из села Зуева Алексея Флегонтова Мелихова, который нес под полою фунтов 30 коровьего масла. Допрошенный в качестве обвиняемого крестьянин Мелихов показал, что в течение всего 7 января он в Никольском не был.

Во время разграбления лавки свидетели Зайцев, Кулипин и Кудашев задержали во дворе главной конторы рабочего промывальщика плиса Павла Алексеева Володина с ограбленными из лавки сапогами и галошами, которые он нес под полою. Задержанный Володин был отведен в сторожку, но об этом узнали грабившие харчевую лавку и освободили его. Привлеченный в качестве обвиняемого крестьянин Володин не сознался во взведенном на него преступлении, заявляя, что целый день 7 января просидел дома в казарме и никуда не выходил.

Того же 7 числа на Никольской улице хожалый фабрики Викулы Морозова Иван Вертухин задержал работающую на этой фабрике крестьянку Меланью Гаврилову Мартяхину, которая несла на плече мешок с мукою. Мешок этот он отобрал от нее и передал сторожу Тулякову. В мешке оказалась пшеничная мука, перемешанная с картофельною, и семь кусков серого мыла, по фунту весом каждый. Привлеченная в качестве обвиняемой Мартяхина заявила, что отобранный от нее мешок купила, не посмотревши, что в нем лежит, у неизвестного человека за 20 коп.

Из показаний свидетелей Максима Новикова и Петра Соколова видно, что во время разграбления харчевой лавки, когда народ толпами шел в Зуево с награбленной провизией, они, стоя на берегу Клязьмы, видели двух братьев: сапожника Константина Парфенова и ткача Никиту Парфенова Овчинниковых; из них Константин шел впереди и

нес круг свинины, а за ним Никита нес на плече полтуши свинины. Привлеченные в качестве обвиняемых в ограблении, мящане Павловского посада, Константин и Никита Овчинниковы показали, что, проходя берегом Клязьмы, они увидели у молодых парней свинину: круг и полгуши, которую те продавали старику. Свинину эту они отобрали потому, что им самим хотелось попользоваться, и понесли ее в Зуево, но парни те нагнали их и полтуши отняли, а круг с полпуда весом они принесли домой и спрятали в чулан. На другой день пришли к ним в дом солдаты с обыском и отобрали эту свинину, так что не пришлось ее и попробовать.

Показаниями свидетелей Мехалкина и Конона Абрамова (Худякова) ткач старого заведения Семен Никаноров Сундатов уличается в том, что во время разграбления на конторском дворе влезал в хлебную лавку и выбрасывал оттуда хлеба. Обвиняемый Сундатов не сознался в этом и объяснил, что 7 января даже не входил во двор конторы, а только прошел мимо по Никольской улице. При разграблении розничного магазина были похищены большею частью мелкие вещи, которые удобно было спрятать и не быть замеченным кем-либо из свидетелей. Лица, вызвавшиеся защищать магазин, заботились только о том, чтобы выгнать грабителей из магазина, но никого из бежавших они не задерживали и не обыскивали, поэтому следствием обнаружен только один участник этого грабежа.

8 января на станции Ундол Нижегородской железной дороги был задержан пассажир 3-го класса, ехавший без билета. Когда местный жандармский унтер-офицер Банисов узнал, что задержанный прибыл с фабрики Морозова, то обыскал его и в котомке у него нашел 12 новых платков и 2 замка, признанные впоследствии за похищенные из розничного магазина. Задержанный оказался крестьянином Михаилом Васильевым Забелиным; он служил плотником на морозовской фабрике. Участие его в разграблении розничного магазина доказано свидетельскими показаниями Ерофеевой, Хребтова, Лобачева, Кузнецова и Банисова, Допрошенный в качестве обвиняемого Забелин сознался, что целый день 7 января находился в толпе бунтовавших рабочих и что похитил из розничного магазина 13 платков, из которых один успел продать.

Во время беспорядков, происходивших 11 января, толпа рабочих три раза оказывала неповиновение распоряжениям властей: в первый раз утром на переезде железной дороги ткач Волков при арестовании его обратился к толпе рабочих с заявлениями, которые повлекли за собой беспорядки, прекращенные только благодаря присутствию войска; во второй раз толпа выломала двери в помещении, где содержались арестованные, освободила большинство из них и произвела насилие над военным караулом; в третий раз уже вечером толпа сделала нападение на главную контору, чтобы освободить арестованных, но не успела в этом намерении, потому что была рассеяна войском. Во время беспорядков на проезде железной дороги, был арестован Волков. Нападение на казармы с целью освобождения арестованных было уст-

роено Петром Анисимовым Моисеенко, как он сам заявил о том в своем показании. Это же обстоятельство удостоверено и свидетелем Михаилом Разумовым, из показания которого видно, что когда арестованные были помещены в здании артели мальчиков, то в казармы за железною дорогою явился Петр Анисимов вместе с прядильщиком Тимофеем Сергеевым Яковлевым, и они начали подговаривать народ идти выручать арестованных; на этот призыв собралась толпа, которая и двинулась через полотно железной дороги к воротам между больницею и училищем; казаки не пропустили их в эти ворота, тогда народ бросился к так называемым баннным воротам, где были войска, и этим путем достиг казармы, где содержались арестованные; вход в эти казармы с лицевой стороны не был охраняем конвоем, и через этот вход толпа ворвалась в помещение мальчиков, соседнее с тем, где содержались арестованные, взломала двери и освободила их.

Когда военный караул уже на улице стал удерживать арестованных, то из числа сопротивлявшихся действиям войска был замечен сторож прядильного заведения Федор Захаров Лифанов, бросившийся с доскою в руках на рядового Тупова, чтобы ударить его. Это обстоятельство удостоверили свидетели Матвеев и Сашин. Привлеченный в качестве обвиняемого в нападении на военный караул крестьянин Лифанов показал, что в беспорядках не участвовал, а пришел в казарму потому, что его два сына - ткачи — были арестованы.

Нападение толпы вечером в этот день с целью освобождения арестованных было подготовлено тем же Петром Анисимовым Мосеенковым, который в показании своем и сознался в этом. Количество убитков, причиненных 7 января при разрушении зданий и разграблении имущества, определено конторою фабрики в следующих суммах: по харчевой лавке и хлебопекарне — на 6269 р. 53 к., по розничному магазину — на 873 р. 93 к.; по слесарной — 778 р. 32 к.; по химическому заведению уничтожено материалов на 27 р. 92 к.; уничтожено фабричных вещей в квартирах служащих на 249 руб.; разбито стекло и рам на 3684 р. 68 к.; убыток от приостановки работ на фабрике определен в 35 тыс. руб.; убытки, причиненные Лотареву и Шорину, не приведены ими в надлежащую известность.

Рассмотрев вышеизложенное и выслушав заключение товарища прокурора палаты, судебная палата находит, что данными, обнаруженными предварительным следствием, нижепоименованные обвиняемые достаточно изобличаются в следующих преступных деяниях: 1) крестьянин Петр Анисимов Моисеенко, 33 лет 2) владимирский мещанин Тимофей Сергеев Яковлев, 37 лет, в том, что во время беспорядков, происходивших на фабрике товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова сын и К^а утром 11 января подговорили толпу к нападению на военный: караул с целью освобождения арестованных по распоряжению надлежащей власти рабочих, что и было ими и другими подговоренными ими лицами исполнено, 3) серпуховской мещанин Василий Сергеев Волков, 26 лет, в том, что вместе с другими лицами умышленно разрушал фабричные здания, а также участвовал в

разрушении дома, где жил ткацкий мастер Шорин, и в открытом похищении принадлежащего последнему имущества; преступные деяния эти предусмотрены относительно Моисеенко и Яковлева 308 ст. улож. о наказ., а относительно Волкова 1621 и 1637 ст. того же уложения, 4) ростовский мещанин Ермолай Иванов Курбатов, 32 лет и 5) крестьянин Петр Иванов Чулков, 23 лет, в том, что вместе с другими лицами участвовал в умышленном разрушении квартиры директора фабрики Лотарева и других фабричных зданий, каковое деяние предусмотрено 1621 ст. улож. о наказ., 6) владимирский мещанин, ныне рядовой Софийского полка, Егор Александров Тарасов, 21 года, 7) крестьянин Евдоким Федотов, 18 лет, в том, что участвовал в уличных беспорядках, происходивших в январе 1885 г. на Никольской мануфактуре, и в умышленном разрушении квартиры директора Дианова и других фабричных зданий, что предусмотрено 38 ст. уст. о наказ. и 1621 ст. улож. о наказ., 8) солдатский сын Адриан Никифоров Семенов, 19 лет, 9) запасный рядовой Кирилл Васильев Загрядский, 28 лет, 10) крестьянин Матвей Петров, 19 лет, 11) крестьянин Ефрем Иванов Скворцов, 18 лет, 12) горнозаводский мастер Игнатий Степанов Поворов, 21 года, 13) новгородский мещанин Николай Иванов Богданов, 32 лет, 14) крестьянин Алексей Петров Коробкин (он же Селедкин), 18 лет, 15) крестьянин Кирилл Петров, 26 лет, 16) крестьянин Григорий Тимофеев Копылов, 30 лет, 17) муромский мещанин Николай Иванов Евстифеев, 26 лет, 18) крестьянин Никита Никаноров Мясигов, 27 лет, 19) отставной фельдфебель Константин Васильев Волков, 40 лет, 20) крестьянин Таврило Нефедьев Чирьев, 37 лет, 21) крестьянин Иван Марков, 18 лет, 22) крестьянин Петр Дмитриев, 18 лет, 23) крестьянин Алексей Флегонтов Мелехов, 24 лет, 24) крестьянин Павел Алексеев Володин, 25 лет, 25) крестьянин Семен Никаноров Сядагов, 24 лет, в том, что участвовал в разрушении квартиры ткацкого мастера Шорина, харчевой лавки и хлебопекарни и в разграблении имущества как самого Шорина, так в хранившемся в означенных помещениях, что предусмотрено 1621 и 1637 ст. улож. о наказ., 26) крестьянин Макар Сергеев Уснинов, 20 лет, 27) крестьянка Меланья Гавриловна Мартяхина, 34 лет, 28) крестьянка Лукерья Феоктистова Тихомирова 20 лет, 29) мещане Павловского посада Константин Парфенов, 23 лет и 30) Никита Парфенов, 29 лет, Овчинниковы в том, что участвовали: Тихомирова — в открытом похищении имущества из квартиры Шорина, а остальные в разграблении харчевой лавки и хлебопекарни, что предусмотрено 1637 ст. улож. о наказ., 31) крестьянин Михаил Васильев Забелин, 20 лет, в том, что участвовал в разрушении харчевой лавки и розничного магазина и в ограблении имущества, хранившегося в розничном магазине, что предусмотрено 1621 и 1637 ст. улож., 32) крестьянин Антон Семенов, 20 лет, в том, что вместе с другими участвовал в умышленном разрушении харчевой лавки и хлебопекарни на той же фабрике, что предусмотрено 1621 ст. улож., 33) отставной ря-

довой, из крестьян, Федор Захаров Лифанов, 65 лет, в том, что участвовал вместе с другими лицами в нападении на военный караул, с целью освобождения арестованных рабочих, т. е. в преступлении, предусмотренном дополн. к 286 ст. улож. о наказ., а по сему и руководствуясь 201, 205, 207, 534, 535, 537, 538 и 541 ст. ст. уст. угол. судопр., а также согласно со словесным заключением товарища прокурора палаты, судебная палата определяет: поименованных обвиняемых предать за вышеозначенные преступления суду владимирского окружного суда, с участием присяжных заседателей, к судебному по сему делу заседанию, кроме обвиняемых: Петра Анисимова Моисеенка, Василия Сергеева Волкова, Тимофея Сергеева Яковлева, Ермолая Иванова Курбатова, Петра Иванова Чулкова, Егора Александрова Тарасова, Евдокима Федотова, Лукерьи Феоктистовой Тихомировой, Андриана Никифорова Семенова, Кирилла Васильева Загрядского, Матвея Петрова, Ефрема Иванова Скворцова, Игнатия Степанова Поварова, Николая Иванова Богданова, Алексея Петрова Коробкина, Кирилла Петрова, Григория Тимофеева Копылова, Николая Иванова Евтифеева, Никиты Никанорова, Константина Васильева Волкова, Гавриила Нефедова Чирьева, Ивана Маркова, Петра Дмитриева, Алексея Флегонтова Мелехова, Павла Алексеева Володина, Семена Никанорова Сундатова, Макара Сергеева Устинова, Меланьи Гавриловой Мартяхиной, Константина Парфенова Овчинникова, Никиты Парфенова Овчинникова, Михаила Васильева Забелина, Федора Лифанова, *вызвать свидетелей:* Тимофея Саввова Морозова, Михаила Иванова Дианова, Тимофея Денисова Анофриева, Алексея Никифорова Лапшина, Ивана Амосова Абрамова, Василия Дмитриева Белкова, Ал. Александрова Горячкина, Александра Иванова Шорина, Михаила Петрова Лотарева, Трифона Ивана Кулинина, Федора Петрова Горячего, Ивана Федотова Гусева (дер. Шульгина, Касимовского уезда), Александра Петрова Пенкина, Матвея Михайлова Прукова, Дмитрия Сергеева Авдеева, Сергея Александрова Назарова, Степана Васильева Зубчанинова, Михаила Архипова Власова, Александра Федорова Тюрина, Михаила Александрова Гомерова, Александра Иванова Щербакова, Никифора Иванова Курского, Павла Алексеева Васильева, Василия Евдокимова Дарайского, Ивана Алексеева Зуйкова, Парамона Егорова Якунина, Василия Михайлова Минервина, Гордея Евтеева Епифанского, Ивана Гордеева Епифанского, Николая Афанасьева Недошивина, Исая Трофимова Перова, Егора Андреева Коновалова, Владимира Иванова Соболева, Максима Дмитриева Новикова, Дмитрия Васильева Давыдова, Михаила Иванова Дементьева, Ивана Григорьева Устинова, Василия Симонова Рогова, Василия Савельева Махалкина, Орлана Иванова Соколова, Петра Федорова, Алексея Матвеева, Андрея Григорьева Тупова, Андрея Гаврилова Семгина, Николая Константинова Исаева, Конона Григорьева Абрамова, Терентия Григорьева Котяхина, Дениса Иванова Алимарина, Демьяна Ефремова Смирнова, Григория Дмитриева Егорова, Михаила Ларионова,

Федора Игнатьева Кузнецова, Петра Петрова Шипина, Тихона Григорьева Коленова, Ивана Иванова Корягина, Никиту Павлова Сорокина, Михаила Николаева Карабанова, Якова Яковлева Ковальского, Степана Денисова Соловьева, Михаила Николаева Протопопова, Андрея Иванова Юдицкого, Гарей Садько, Трифона Гаврилова, Василия Ксенофонтова Сенкина, Ивана Кузьмина Горанина, Василия Петрова Барышкова, Василия Антонова Смирнова, Ивана Иванова Погодина, Романа Трифонова Лемяхова, Екатерину Владимирову Шорину, Екатерину Яковлеву Дроздову, Андрея Иринархова, Василия Матвеева Суханова, Александра Михайлова Кутейникова, Аксиныю Сергееву, Алексея Евграфова Малькова, Ольгу Федоровну Павлову, Сергея Васильева Трифонова, Настасью Иванову Федосееву, Сидора Трофимова, Константина Васильева Никитина, Игнатия Кузьмина, Дмитрия Семенова, Григория Никитина Тулякова, Егора Кузьмина, Федора Иванова Премудрова, Александра Петрова Самарина, Марью Егорову Колотилину, Дарью Иванову Бугрову, Ивана Павлова Циркова, Михаила Савельева Разумова, Федора Васильева Соцкова, Ивана Алексея Кулакова, Андрея Харитоновна Корчажкина, Егора Палладьева Зайцева. Федора Леонтьева Кудашева, Ивана Кузьмина Вершинина, Хусейна Киядшина Кемберова, Керима Сиффилова Алякова, Александра Владимировна Дергачева, Петра Клементьева Соколова, Екатерину Николаеву, Лотареву, Федора Луппова Кузнецова, Ивана Александрова Бурдина, Липата Савельева Трифонова, Федора Егорова Банисова, Антона Фадеева, Ольгу Мироновну Чикову, Евдокима Моисеева Хохлова, Николая Андреева Минаева, Павла Матвеева Поликарпова, Степана Степанова Софронова, Федора Трофимова, Алексея Ефимова Козьмина, Платона Иванова Любынского, Григория Аверьянова Фортова, Василия Алексея Чумакова, Якова Антонова Кузнецова, Федора Хлебникова, Василия Евдокимова Зарайского, Ивана Семенова Дорондова, Федора Маркова, Анну Парфенову, Дмитрия Фомина Робензона, Ивана Леонтьева Рыжева и Петра Леонтьева Воробьева.

Подлинный за надлежащими подписом.

Копия верна. Помощник секретаря Владимирского окружного суда
Алексей Соколов.

(Морозовская стачка 1885 г. — М.: Центрархив, 1935. -С. 209—230).

М.Н. КАТКОВ О СУДЕ
НАД УЧАСТНИКАМИ МОРОЗОВСКОЙ СТАЧКИ

Из статьи реакционного публициста М. Н. Каткова по поводу оправдания участников Морозовской стачки Владимирским окружным судом 27 мая 1886 г. Статья напечатана в № 146 «Московских ведомостей» за 1885 г. (по ст. стилю 28 мая). Катков освещает стачку с точки зрения буржуазии.

С помощью Каткова, писал В.И. Ленин о данной статье, «фабриканты старались запугать правительство: если, дескать, уступить рабочим в одном, то они завтра потребуют другого» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.2. С. 369).

(М. Н. Катков, Собрание, передовых статей «Московских ведомостей» за 1886 год. — М. 1898, с. 272-274.).

Вчера, в старом богоспасаемом граде Владимире, раздался сто один салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса. Итак, да здравствует рабочий вопрос и *droit au travail* (*право на труд*). Катков имеет в виду формулу мелкобуржуазного социалиста-соглашателя Луи Блана, пользовавшуюся большим успехом среди французских рабочих в 1848 г. — Н.М.). Пора ему явиться на Руси...

...Почти за полтора года пред сим, на Никольской фабрике, в Покровском уезде Владимирской губернии, произошли беспорядки, о которых тогда писалось во всех газетах... Это была такая же подделка под рабочие движения во Франции или Бельгии, столь же бессмысленная, грубая и фальшивая, как и принесённые к нам политические доктрины, которые до сих пор фигурируют в наших учреждениях. Если не по размерам, то по своему характеру, сцены, происходившие на Никольской фабрике, принадлежат к одной категории с беспорядками в Де-казвилле (*Деказвилль* город во Франции; здесь 14(26) января 1886 г. вспыхнула крупная забастовка углекопов — Н.М.), с тою только разницей, что там эти явления имеют своего рода смысл и вызываются некоторыми органическими условиями тамошней жизни, между тем как у нас они возбуждаются искусственно. Бунт на Никольской фабрике содержал в себе всё, что нужно для того, чтобы Россия могла представиться одержимую недугом пролетариата и рабочего вопроса и, что важнее, представить в России трагикомедию борьбы труда с капитаном...

...Присяжным были заданы стоодинвопрос, из коих на каждый был дан ими ответ «отрицательный. Присяжные, таким образом, как сказано в полученной нами телеграмме, сполна оправдали всех подсу-

димых. А так как судились из числа рабочих признанные за главных зачинщиков и участников, то вышло как бы так, что беспорядков вовсе не было, что если были в этом деле виновные, то разве только хозяин фабрики. И буйство, и поломанные станки, и разграбленные лавки, и побитые люди, и нападения с угрозами убийства на мирных товарищей-рабочих, и сопротивление властям и войскам, — всё это признано делом законным и справедливым. Присяжные не то что помиловали подсудимых — миловать они не имеют права, что и объяснил им пред их удалением в совещательную комнату председатель суда: они оправдали подсудимых, то есть признали бунт законным бунтом и грабёж справедливым грабежом....

...Теперь спрашивается, действительно ли так притеснялись рабочие, что им было не в мочь и ничего не оставалось, как бить ломать и грабить. Никольская фабрика существует давно; она принадлежит к числу лучших мануфактур. Рабочие не состоят к фабрике ни в каких крепостных или обязательных отношениях; приходят они добровольно и уходят, по окончании договорного срока, беспрепятственно. Если бы именно на этой фабрике чинились нестерпимые притеснения, то она давно закрылась бы, между тем как число рабочих в ней доходило до одиннадцати тысяч, и никогда рабочие не бунтовали, пока не поселился между ними Мосеенок. Двух месяцев было достаточно ему, чтобы поставить их на ноги. При фабрике есть школа на 600 человек, больница на 200 кроватей, и, кроме лавки от самой фабрики, для продовольствия рабочих есть другая, конкурирующая с ней, на артельном начале, самими рабочими содержимая лавка, которая также подвергалась нападению буйной толпы. Штрафы, — но штрафы на фабриках необходимость; без них не было бы никакого слада с рабочими, и фабрику хоть закрывай. Без строгого порядка и должной требовательности не может идти дело. Все кричат и сетуют, что мы далеко отстали от других народов в промышленном деле; глумятся за это над своим варварством, выставляют себя пасынками природы, просят охраны нашей промышленности от иностранной конкуренции, дабы дать ей срок окрепнуть и усовершенствоваться. Но можно ли достигнуть сколько-нибудь положительных результатов при рабочих распущенных, пьяных, небрежных, и послужит ли самим рабочим в пользу их распущенность, их пьянство, их небрежность?..

Приложение 12

ФАБРИЧНЫЙ ЗАКОН 3 июня 1886 г.

Здесь даны извлечения из высочайше утвержденного 3 июня 1886 г. мнения Государственного совета и из приложенных к нему правил введшихся в действие с 1 октября 1886 г. в губерниях Петербургской, Московской и Владимирской. Закон 1886 г., как указывал Ленин, был издан правительством под напором стачечного движения 80-х годов, и прежде всего Морозовской стачки 1885 г.

(Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. Т. VI, № 3769)

1. *Высочайше утверждённое мнение Государственного совета...*

9. Наём рабочих производится: а) на определённый срок; б) на срок неопределённый и в) на время исполнения какой-либо работы, с окончанием которой прекращается самый наём.

10. При найме на срок неопределённый каждая из договаривающихся сторон может отказаться от договора, предупредив другую сторону о своём намерении за две недели.

12. Выдача заработной платы рабочим должна производиться не реже одного раза в месяц, если наём заключён на срок более месяца, и не реже двух раз в месяц — при найме на срок неопределённый. Счетам с рабочими ведётся особая книга.

13. Рабочий, не получивший в срок причитающейся ему платы, имеет право требовать судебным порядком расторжения заключённого с ним договора. По заявленному на сем основании в — течение трёх месяцев иску рабочего, если просьба его будет признана уважительною, в его пользу присуждается, сверх должной ему фабрикантом суммы, особое вознаграждение в размере, не превышающем, при срочном договоре, двухмесячного его заработка, а при договоре на срок неопределённый — двухнедельного заработка.

14. Расплата с рабочими, вместо денег, купонами, условными знаками, хлебом, товаром и иными предметами воспрещается.

15. При производстве рабочим платежей не дозволяется делать вычеты на уплату их долгов. К числу таких долгов не относятся, однако, расчёты, производимые фабричным управлением за продовольствие рабочих и снабжение их необходимыми предметами потребления из фабричных лавок. В случае предъявления исполнительного листа на денежное взыскание с рабочего, с последнего может быть удерживаемо, при каждой отдельной расплате, не более $\frac{1}{3}$ причитаю-

щейся ему суммы, если он холост, и не более $\frac{1}{4}$, если он женат или вдов, но имеет детей.

16. Заведывающим фабриками или заводами воспрещается взимать проценты на деньги, выдаваемые рабочим заимообразно, и вознаграждение за ручательство по их денежным обязательствам.

17. Воспрещается взимание с рабочих платы: а) за врачебную помощь, б) за освещение мастерских и в) за пользование при работах для фабрики орудиями производства.

...III. В изменение и дополнение подлежащих статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, изд. 1835 г., постановить следующие правила:

2. За прекращение работ на фабрике или заводе по стачке между собой рабочих, с целью принуждения фабрикантов и заводчиков к возвышению заработной платы или изменение других условий найма до истечения срока последнего, виновные подвергаются:

подстрекавшие к начатию или продолжению стачки — заключению в тюрьме на время от четырёх до восьми месяцев, а прочие участники — заключению в тюрьме на время от двух до четырёх месяцев.

Участники стачки, прекратившие таковую и приступившие к работам по первому требованию полицейской власти, от наказания освобождаются.

3. Участники стачки, причинившие повреждение или уничтожение заводского или фабричного имущества или имущества лиц, служащих на заводе или фабрике, буде содеянное ими не составляет более тяжкого преступления, подвергаются:

подстрекавшие к сим действиям или распоряжавшиеся толпою — тюремному заключению на время от восьми месяцев до одного года и четырёх месяцев, а прочие участники — тюремному заключению на время от четырех до восьми месяцев.

4. Участники стачки, принудившие других рабочих, посредством насилия или угроз, прекратить работу или не возобновлять прекращённую, буде учинённое ими насилие не составляет более тяжкого преступления, подвергаются:

подстрекавшие к сим действиям или распоряжавшиеся толпою — тюремному заключению на время от восьми месяцев до одного года и четырёх месяцев, а прочие участники — тюремному заключению на время от четырех до восьми месяцев.

IV. В изменение и дополнение подлежащих статей Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, постановить следующие правила:

1. За самовольный отказ от работы до истечения срока найма виновный в том фабричный или заводской рабочий подвергается аресту не свыше одного месяца.

2. За умышленное повреждение или истребление находящихся на фабрике или заводе сложных и ценных орудий производства ви-

новый в том рабочий, буде действие его не составляет более тяжкого преступления, подвергается аресту до трех месяцев.

Если же последствием такого повреждения или истребления будет остановка работ на фабрике, то виновный подвергается заключению в тюрьме на время от трёх месяцев до одного года.

2. Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих

1. Надзор за соблюдением на фабриках и заводах должного благоустройства и порядка возлагается на местное губернское начальство и осуществляется им при содействии губернских по фабричным делам присутствий, чинов фабричной инспекции и полиции.

2. Губернские по фабричным делам присутствия образуются под председательством губернатора или вице-губернатора, прокурора окружного суда или его товарища, начальника губернского жандармского управления, окружного фабричного инспектора или его помощника, председателя или члена губернской земской управы — по выбору сей управы и городского головы губернского города или члена местной городской управы — по выбору последней.

Примечание 1. Состав Санкт-Петербургского и Московского губернских по фабричным делам присутствий при рассмотрении дел, относящихся до городских фабрик и заводов, видоизменяется следующим образом: председательство в присутствии возлагается в Санкт-Петербурге — на градоначальника, а в Москве — на оберполицеймейстера; вице — губернатора заменяет в Санкт — Петербурге — помощник градоначальника и в Москве — один из по-лицеймейсгеров.

Примечание 2. В обеих столицах и городах, где существуют совещательные учреждения по части торговли и мануфактурной промышленности, члены присутствий от земского и городского управлений заменяются двумя членами в Санкт — Петербурге — совета торговли и мануфактур, в Москве — отделения оногo, а в прочих местностях — комитетов торговли и мануфактур.

7 На фабричную инспекцию, независимо от обязанностей по надзору за исполнением постановлений о работе и обучении малолетних рабочих (прил. к ст. 50 примеч., т. XI, ч. II, уст. фабричного по продолжению 1883 г., и Выс. утв., 12 июня 1884 г. (2316), мнение Гос. Совета) возлагается:

а) наблюдение за исполнением фабрикантами и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные между ними отношения;

б) распорядительные действия по применению обязательных постановлений, издаваемых губернским по фабричным делам присутствием, и надзор за исполнением сих постановлений;

в) рассмотрение и утверждение такс, таблицей, расписаний к правил внутреннего распорядка (ст. ст. 27, 28, 29 и 34), составляе-

мых фабричными управлениями для руководства рабочих;

г) принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими, путём исследования на месте возникших неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон;

д) возбуждение преследования, а в подлежащих случаях — к обвинению на суде виновных в нарушении настоящих правил.

10. Жалобы на распоряжения чинов инспекции приносятся губернским по фабричным делам: присутствиям в месячный срок со дня объявления распоряжения.

21. Каждому рабочему, не позднее семи дней по допущении к работе на фабрике, должна быть выдана расчётная книжка утверждённого губернским присутствием образца.

24. В расчётной книжке должны быть означаемы:

а) имя, отчество и фамилия или прозвище рабочего;

б) срок найма и вида на жительство;

в) размер заработной платы, указание оснований её исчисления и сроков платежей;

г) размер платы за пользование рабочим устроенными при фабрике или заводе квартирами, банею и т. п.;

д) прочие условия найма, которые договаривающиеся стороны сочтут нужным внести в книжку;

е) записи заработка, с указанием количества наложенных на рабочего взысканий и поводов к их наложению;

ж) извлечение из постановлений закона и правил внутреннего распорядка, определяющих права, обязанности и ответственность рабочих.

30. В видах поддержания на фабриках должного порядка, заведующим сими заведениями предоставляется налагать на рабочих собственною властью денежные взыскания: а) за неисправную работу, б) за прогул и в) за нарушение порядка. Никакие взыскания не могут быть налагаемы по другим поводам,

34. Каждое из нарушений, облагаемых взысканиями на основании статей 30-33, должно быть определено в особых табелях, с указанием самого размера взыскания. Табели эти утверждаются фабричною инспекциею и выставляются, во всех мастерских.

35. Взыскания, налагаемые за неисправную работу, за прогул и за нарушение порядка, в общей их сложности не должны превышать одной трети заработка, действительно причитающегося рабочему к установленному сроку расплаты.

39. Взыскания с рабочих обращаются на составление особого при каждой фабрике капитала, состоящего в заведывании фабричного управления. Капитал этот может быть употребляем, с разрешения инспекции, только на удовлетворение нужд самих рабочих, согласно пра-

вилам, издаваемым министром финансов, по соглашению с министром внутренних дел.

Приложение 13

В. И. ЛЕНИН О МОРОЗОВСКОЙ СТАЧКЕ И ЗАКОНЕ 3 июня 1886 г.

Здесь даётся отрывок из брошюры Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», изданной нелегально в Петербурге в 1895 г.

(Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 15-60)

Законы о штрафах существуют недавно: всего девять лет. До 1883 года не было никаких законов о штрафах, — Фабриканты могли брать штрафы, за что хотели и в каком угодно количестве. Фабриканты брали тогда штрафы в безобразных размерах и наживали на штрафах громадные доходы. — Штрафы назначались иногда просто «по усмотрению -хозяина», без указания причины штрафа. — Штрафы доходили иногда до *половины заработка*, так что рабочих из заработанного рубля отдавал хозяину пятьдесят копеек в виде штрафов. — Бывали такие случаи, что сверх штрафов назначалась ещё неустойка; напр., 10 рублей за оставление фабрики. Всякий раз, когда у фабриканта дела шли плохо, — ему ничего не стоило сбавить плату вопреки условию. — Он заставлял мастеров строже брать штрафы и браковать товар: выходило на то же, как если бы рабочему сбавили плату.

Долго терпели рабочие все эти притеснения, но по мере того, как более и более развивались крупные заводы и фабрики, особенно ткацкие, вытесняя мелкие заведения и ручных ткачей, — возмущение рабочих против произвола и «притеснений становилось всё сильнее. Лет десять тому назад в делах купцов и фабрикантов наступила *заминка*, так называемый кризис: товар не шёл с рук; фабриканты несли убытки и стали ещё сильнее налегать на штрафы. Рабочие, заработки которых и без того были плохи, не могли уже снести новых притеснений, и вот в губерниях Московской, Владимирской и Ярославской начались в 1885-86 годах рабочие бунты. Выведенные из терпения рабочие прекращали работу и страшно мстили притеснителям, разрушая фабричные здания и машины, иногда поджигая их, избивая администрацию и т. п.

Особенно замечательна из всех этих стачек — стачка на известной Никольской мануфактуре Тимофея Саввича Морозова (в местечке Никольском, у станции Орехово, Московско-Нижегородской ж. д.). С 1882 года Морозов стал сбавлять плату, и до 1884 года было пять сбавок. 3 то же время становилось всё строже и строже штрафы: по всей фабрике они составляли почти четверть заработка (24 копейки штрафов на заработан-

ный рубль), а иногда доходили у отдельных рабочих до половины заработка. Чтоб скрыть такие безобразные штрафы, контора в последний год перед погромом поступала так: тех рабочих, у которых штрафы достигали половины заработка, она заставляла брать расчёт, а потом хоть в тот же день рабочие могли опять поступать на работы и получать новую книжку. Посредством этого книжки, где были записаны очень уж большие штрафы, уничтожались. — При прогулах вычитали 3 дня за один прогульный день, за курение штрафовали по 3, 4 и руб. за раз. Выведенные из терпения, рабочие 7 января. 1885 г. бросили работу и в течение нескольких дней разгромили фабричную лавку, квартиру мастера Шорина и некоторые другие фабричные здания. Этот страшный бунт десятка тысяч рабочих (число рабочих доходило до человек) чрезвычайно напугал правительство: в Орехово-Зуево явились тотчас же войска, губернатор, прокурор из Владимира, прокурор из Москвы. — Во время переговоров со стачечниками, из толпы были переданы начальству «условия, составленные самими рабочими», в которых рабочие требовали, чтобы им вернули штрафы с Пасхи 84 г., чтобы штрафы впредь не превышали 5% заработка, т. е. составляли не более 5 коп с заработанного рубля, чтобы за прогул одного дня брали не более 1 рубля. Кроме того, рабочие требовали возвращения к заработку 1881-1882 гг., требовали, чтобы хозяин платил за прогульные по его вине дни, чтобы полный расчёт выдавался по предупреждению за 15 дней, чтобы приём товара производился при свидетелях из рабочих и т. д.

Эта громадная стачка произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования. Фабриканты тоже почувляли силу рабочих и стали поосторожнее. — В газете «Новое Время» сообщали, напр., из Орехова-Зуева: «Прошлогодний погром (т. е. погром; в январе 1885 г. у Морозова) имеет то значение, что сразу изменил старые фабричные порядки, как на орехово-зуевских фабриках, так и в окрестности». Значит, не только хозяева морозовской фабрики должны были изменить безобразные порядки, когда рабочие сообщая потребовали их отмены, но даже соседние фабриканты пошли на уступки, боясь у себя погромов. «Главное — то, — писали в той же газете, — что теперь установилось более человеческое отношение к рабочим, чем прежде отличались немногие из фабричных администраторов».

Даже «Московские Ведомости» (эта газета всегда защищает фабрикантов и винит во всём самих рабочих) поняли невозможность сохранить старые порядки и должны были признать, что произвольные штрафы — «зло, ведущее к возмутительнейшим злоупотреблениям», что «фабричные лавки — сущий грабёж», что необходимо, поэтому, установить закон и правила о штрафах.

Громадное впечатление, произведённое этой стачкой, усилилось ещё благодаря суду над рабочими. За буйство во время стачки, за нападение на военный караул (часть рабочих была арестована во время стачки и заперта в одном здании, но рабочие сломали дверь и ушли)

33 рабочих было предано суду. Суд состоялся во Владимире, в мае 1886 г. Присяжные оправдали всех подсудимых, так как на суде показания свидетелей, — в том числе хозяина фабрики, Т. С. Морозова, директора Дианова и многих ткачей-рабочих, — выяснили все безобразные притеснения, которым подвергались рабочие. Этот приговор суда явился прямым осуждением не только Морозова и его администрации, но и всех вообще старых фабричных порядков.

Защитники фабрикантов страшно переполошились и озлобились. Те самые «Московские Ведомости», которые после погрома признавали безобразие старых порядков, теперь заговорили совсем другое: «Никольская мануфактура принадлежит», дескать, «к числу лучших мануфактур. Рабочие не состоят к фабрике ни в каких крепостных или обязательных отношениях, приходят сами добровольно и уходят беспрепятственно. Штрафы — но штрафы на фабриках необходимость; без них не было бы никакого сладу с рабочими, и фабрику хоть закрывай». — Вся вина, дескать, самих рабочих, «(распущенных, пьяных и небрежных». Приговор суда может только «развращать народные массы» (Фабриканты и их защитники, замечает В.И. Ленин, всегда смотрели и смотрят так, что если рабочие начинают думать о своём положении, начинают добиваться своих прав и сообща сопротивляться безобразиям и притеснениям хозяев, — то всё это один только «разврат». — Конечно, для хозяев выгоднее, чтобы рабочие не «думали о своём положении и не понимали своих прав. Примечание Ленина — Н.М.). «Но с народными массами шутить опасно», — восклицали «Московские Ведомости». — «Что должны подумать рабочие в виду оправдательного приговора Владимирского суда? Весть об этом решении мгновенно облетела весь этот мануфактурный край. Наш корреспондент, выехавший из Владимира тотчас после состоявшегося приговора, уже слышал о нём на всех станциях...»

Таким образом, фабриканты старались запугать правительство: если, дескать, уступить рабочим в одном, то они завтра потребуют другого.

Но погромы рабочих были ещё страшнее, и правительству пришлось уступить.

В июне 1886 г. вышел новый закон о штрафах, который указал случаи, когда позволительно брать штрафы, определил крайнюю величину штрафов и постановил, что штрафные деньги должны идти не в карман фабриканта, а на нужды самих рабочих.

Многие рабочие не знают этого закона, а те, которые знают, думают, что облегчение в штрафах вышло от правительства, что надо быть благодарным за это облегчение начальству. Мы видели, что это неправда. — Как ни безобразны были старые фабричные порядки, — начальство ровно ничего не сделало для облегчения рабочих, покуда рабочие не начали бунтовать против них, покуда озлобленные рабочие не дошли до того, что стали ломать фабрики и машины, жечь товары и материалы, бить администрацию и фабрикантов. — *Только тогда правительство испугалось и уступило.* Рабочие должны благодарить за облегчение не начальство, а своих товарищей, которые добивались и добились отмены безобразных притеснений.

Содержание

Введение	3
1. Из истории возникновения и развития Никольской мануфактуры	7
2. Условия труда и быт на Морозовских предприятиях	11
3. Подготовка к стачке	21
4. Начало стачки и ее ход	30
Вместо заключения	50
Примечания	53
Источники и литература	57
Приложения	59

Учебное издание

Николай Семенович Модоров

**Рабочее движение
в России в начале 80-х гг.
XIX века**
(Морозовская стачка 1885г.)

Учебное пособие

Горно-Алтайский государственный университет
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1

Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл.п.л. 6,51. Заказа №1042. Тираж 200 экз.
Типография Горно-Алтайского государственного университета